
Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал
**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 1 (146). Февраль, 2015

Серия: Общественные и гуманитарные науки

Главный редактор
А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор
Зам. главного редактора
В. Б. Акулов, доктор экономических наук, профессор
Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
В. С. Сюнёв, доктор технических наук, профессор
Ответственный секретарь журнала
Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

В. Н. БОЛЬШАКОВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)	Н. Н. МЕЛЬНИКОВ
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)
И. П. ДУДАНОВ
доктор медицинских наук,
профессор, член-корреспондент РАН
(Петрозаводск)	И. И. МУЛЛОНЕН
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
В. Н. ЗАХАРОВ
доктор филологических наук,
профессор (Москва)	В. П. ОРФИНСКИЙ
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии архитектуры
и строительных наук (Петрозаводск)
Ю. ИНОУЭ
профессор (Токио, Япония)	П. ПЕЛКОНЕН
доктор технических наук,
профессор (Йоэнсуу, Финляндия)
А. С. ИСАЕВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)	И. В. РОМАНОВСКИЙ
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)
М. ВОХОЗКА
доктор экономических наук
(Чешские Будейовицы, Чешская Республика)	Е. С. СЕНЯВСКАЯ
доктор исторических наук, профессор (Москва)
В. М. ЛЕВИН
доктор физико-математических наук,
профессор (Мехико, Мексика)	К. СКВАРСКА
доктор философии (Прага, Чешская Республика)
Т. П. ЛЁННГРЕН
доктор философии (Тромсё, Норвегия)	А. Ф. ТИТОВ
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)
В. И. МАЕВСКИЙ
доктор экономических наук, профессор,
академик РАН (Москва)	Р. М. ЮСУПОВ
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»

Т. А. БАБАКОВА
доктор педагогических наук,
профессор (Петрозаводск)	А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
доктор филологических наук, профессор,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)
С. Г. ВЕРИГИН
доктор исторических наук,
профессор (Петрозаводск)	Т. Г. МАЛЬЧУКОВА
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)
Р. ГРЮНТХАЛ
доктор философии,
профессор (Хельсинки, Финляндия)	Т. В. МОРОЗОВА
доктор экономических наук (Петрозаводск)
П. М. ЗАЙКОВ
доктор филологических наук,
профессор (Йоэнсуу, Финляндия)	Н. В. ПАТРОЕВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
Ю. М. КИЛИН
доктор исторических наук,
профессор (Петрозаводск)	А. М. ПАШКОВ
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)
С. И. КОЧКУРКИНА
доктор исторических наук (Петрозаводск)	С. Н. ЧЕРНОВ
доктор юридических наук,
профессор (Петрозаводск)
	М. И. ШУМИЛОВ
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

№ 1 (146). February, 2015

Social Sciences & Humanities

Chief Editor

Anatoliy V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Vladimir B. Akulov, Doctor of Economic Sciences, Professor

Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,
The RAS Corresponding Member

Vladimir S. Syuney, Doctor of Technical Sciences, Professor

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address

185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711

Petrozavodsk, Republic of Karelia

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Editorial Council

V. BOL'SHAKOV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)	I. MULLONEN
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
I. DUDANOV
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)	V. ORPHINSKIY
Doctor of Architecture, Professor,
Full Member of Russian Academy of Architectural Sciences
(Petrozavodsk)
V. ZAKHAROV
Doctor of Philological Sciences, Professor (Moscow)	P. PELKONEN
Doctor of Technical Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)
Y. INOUE
Professor (Tokyo, Japan)	I. ROMANOVSKIY
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)
A. ISAYEV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)	E. SENYAVSKAYA
Doctor of Historical Sciences,
Professor (Moscow)
M. VOCHOZKA
Doctor of Economic Sciences
(Ceske Budejovice, Czech Republic)	K. SKWARSKA
Doctor of Philosophy
(Praha, Czech Republic)
V. LEVIN
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (Mexico, Mexico)	A. TITOV
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)
T. LÖNNGREN
Doctor of Philosophy (Tromsø, Norway)	R. YUSUPOV
Doctor of Technical Sciences, Professor, the RAS
Corresponding Member (St. Petersburg)
V. MAEVSKIY
Doctor of Economic Sciences, Professor (Moscow)	
N. MEL'NIKOV
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatity)	

Editorial Board of the Series "Social Sciences & Humanities"

T. BABAKOVA
Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor (Petrozavodsk)	A. KUNIL'SKIY
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)
S. VERIGIN
Doctor of Historical Sciences,
Professor (Petrozavodsk)	T. MAL'CHUKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
R. GRYŮNTHAL
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)	T. MOROZOVA
Doctor of Economic Sciences (Petrozavodsk)
P. ZAIYKOV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)	N. PATROEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor
(Petrozavodsk)
U. KILIN
Doctor of Historical Sciences,
Professor (Petrozavodsk)	A. PASHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
(Petrozavodsk)
S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)	S. CHERNOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor
(Petrozavodsk)
	M. SHUMILOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Никонов С. А.

Промысловые владения Троицкого Печенгского монастыря на Мурманском берегу во второй половине XVI – середине XVII века. 7

Недомолкина Н. Г., Иванничева М. В.

Бассейн реки Сухоны в развитом неолите 12

Суворов Ю. В.

Фердинанд Лассаль и лассальянство в германской историографии XIX–XX веков 19

Феклова Т. Ю.

Приглашение российских ученых к участию во французской экспедиции на Шпицберген и в Русскую Лапландию в 1840 году. 25

Джапаридзе А. В.

История военно-спортивных соревнований «Лыжня Антикайнена». 30

Репухова О. Ю.

Мобилизационная подготовка в Карелии в предвоенное десятилетие. 34

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гурьянова М. П.

Вектор развития образования в сельском социуме: выбор будущего для села региона 40

Елаховский Д. В., Назаров А. И.

Методические подходы к обучению физике бакалавров строительного факультета. 45

Якушев М. В.

Перспективы развития теории учебника иностранного языка 50

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Малышев А. А.

Лексико-стилистические особенности первой русской научно-популярной статьи об опере (1738 год). 55

Первухина С. В.

Адаптированный текст: развитие понятия. 59

Колесникова Е. И., Ульянов Д. А.

Средства художественной выразительности в советском медиатексте (на материале газеты «Ленинградская правда» 1930-х годов). 64

Литинская Е. П.

Портретное описание в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского (на материале перевода С. Патадзиса) 69

Пашикова Т. В.

К вопросу о языческо-христианском синкретизме в карельской народной медицине (на примере болезни *jumalanviga* ‘насланный Богом на человека недуг’) 75

Красникова Л. В.

Об инвариантных и вариативных повествовательных характеристиках художественных текстов: лингвопоэтический анализ стихотворений из цикла «Ирландские мелодии» Томаса Мура 78

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Василенко А. А.

Элементы финансовой отчетности как предметная область аудита 83

Михель Е. А.

Трансформация тайминга экономической активности населения северного приграничного региона Республика Карелия. 90

Прохорова О. Н., Пчелин В. Ю.

Некоторые аспекты применения теории игр в институциональной экономике 95

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Дусаева М. Р., Дусаев Р. Н.

Изменение структуры и функций подразделений Хозяйственного департамента Финляндского Сената в 1888 году. 102

Баталин А. В.

Проблемы обеспечения исполнения муниципальных правовых актов в субъектах Российской Федерации 108

Софронова А. А.

Юридическая ответственность органов власти Финляндии за экологические правонарушения 112

Рецензии

Мальчукова Т. Г.

Рец. на кн.: Лебедев, А. А. Идиостиль П. А. Вяземского: синтаксический аспект 116

Соколов А. С.

Рец. на кн.: Страницы истории германской социал-демократии. 118

Научная информация. 120

Информация для авторов 123

Contents 124

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в ОАО «Агентство “Книга-Сервис”» и размещаются на базовом интернет-ресурсе www.rucont.ru

Журнал и его архив размещаются в «Университетской библиотеке онлайн» по адресу <http://biblioclub.ru>

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrstu.ru/req.php>**

Учредитель: ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Верстка Е. В. Бобковой

Подписано в печать 20.02.2015. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 130 экз.). Изд. № 45

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–37987
от 2 ноября 2009 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства
Петрозаводского государственного университета
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НИКОНОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории факультета истории и социальных наук, Мурманский государственный педагогический университет (Мурманск, Российская Федерация)
snikonov-77@mail.ru

ПРОМЫСЛОВЫЕ ВЛАДЕНИЯ ТРОИЦКОГО ПЕЧЕНГСКОГО МОНАСТЫРЯ НА МУРМАНСКОМ БЕРЕГУ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – СЕРЕДИНЕ XVII ВЕКА*

Рассматривается проблема формирования хозяйства Троицкого Печенгского монастыря на Мурманском берегу в XVI–XVII веках. Мурманский берег на протяжении нескольких столетий был местом развития рыболовных промыслов, в которых участвовали крестьяне и монастыри Поморья. В ходе исследования были выделены три этапа развития хозяйства монастыря на побережье Баренцева моря. Первый (середина XVI века – 1575 год) – формирование владений на побережье Варангер-фьорда. Второй (1575 год – конец 1580-х годов) – формирование владений на побережье Мотовской губы. Третий (первая половина XVII века) – формирование владений на восточном побережье Мурманского берега. Основными путями складывания хозяйства монастыря стали добровольные пожертвования угодий саамами и посадскими людьми Колы, покупка угодий монастырем у саамских погостов и посадских людей Кольского острога. Владения монастыря на побережье Варангер-фьорда и Мотовской губы были закреплены жалованными грамотами 1575, 1589 и 1591 годов.

Ключевые слова: монастырь, Мурманский берег, саамы, актовые источники

Побережье Баренцева моря – Мурманский берег – в течение нескольких столетий было районом развития сезонных рыбных промыслов. Помимо промысловых объединений поморов, участие в добыче трески и палтуса принимали монастыри Поморья, а также Холмогорский архиерейский дом. Ведение промысла монастырями осуществлялось на принципах покрута¹, традиционных для крестьянских артелей, что, как правило, не предполагало создания вотчинной системы хозяйства на Мурманском берегу. Вместе с тем были и свои исключения. У некоторых из духовных организаций на побережье сложилось комплексное хозяйство, включавшее не только прибрежный морской промысел, но и другие виды промысловой деятельности. Такое хозяйство было и у Троицкого Печенгского монастыря.

Задача настоящей работы – проследить основные этапы в истории промысловой вотчины монастыря на Мурманском берегу и выявить пути ее формирования.

В историографии до сих пор не уделялось специального внимания развитию хозяйства этого северного монастыря, являвшегося самым крупным духовным вотчинником Кольского уезда. Исключение составляют работы А. И. Андреева, И. Ф. Ушакова и В. И. Иванова. А. И. Андреевым был обстоятельно изучен вопрос о подложной жалованной грамоте монастырю 1556 года. Анализируя перечень монастырских вотчин в подлинных жалованных грамотах 1591 и 1606 годов, ученый выявил последовательность в росте владений монастыря [1; 147–148]. Одними из первых стали формироваться промысловые владения монастыря на Мурманском берегу.

И. Ф. Ушаковым развитие хозяйства Печенгского монастыря рассматривалось в свете концепции феодализма: закабаление коренных жителей края – саамов – монастырем стало основным путем складывания вотчинных владений на побережье Баренцева моря [4; 60–61]. В вышедшей недавно в свет монографии В. И. Иванова обращено внимание на основные этапы и пути формирования вотчины Печенгского монастыря в целом, без конкретизации этого процесса для отдельных районов полуострова. Заслугой исследователя стало и то, что он обратил внимание на противоречия, встречающиеся в источниках – писцовых книге Кольского уезда 1608–1611 годов и актах XVI–XVII веков – при описании истории складывания монастырской вотчины [2; 150–156].

Анализ историографии вопроса показывает, что в существующих работах (за исключением, может быть, исследования А. И. Андреева) проблема формирования промысловых владений Печенгского монастыря дана без конкретизации этого процесса. Свойственна исследователям и неполнота привлечения существующих источников, без чего невозможно выявить этапы складывания промысловой вотчины.

В этой связи представляется важным проследить все этапы складывания монастырской вотчины как целостного комплекса хозяйственной деятельности на основе привлечения максимального объема источников. Особенно эффективно это может быть сделано на примере складывания такого комплекса на Мурманском берегу – наиболее значимом для монастыря районе и с точки зрения его расположения, и с точ-

ки зрения роли в формировании монастырской экономики.

Основными источниками здесь являются писцовая книга Кольского уезда 1608–1611 годов и актовый материал. Среди актовых документов особенно важны жалованные грамоты царей Федора Ивановича (от 20 марта 1591 года) и Василия Шуйского (от 30 ноября 1606 года), а также частные акты посадских людей и лопарей XVII века на угодья в прибрежной полосе Баренцева моря.

Возникновение монастырского хозяйства на Мурманском берегу связано с миссионерской деятельностью преп. Трифона Печенгского во второй четверти XVI века. Основанный им на р. Печенге монастырь находился в непосредственной близости от побережья Баренцева моря. Крещенные лопари северной части Кольского полуострова (Сонгельского, Печенгского, Мотовского и Китовского погостов) сначала безвозмездно передавали, а затем продавали свои угодья на Мурманском берегу. От саамов, по видимому, монахи узнали и о промысле трески и палтуса на побережье Баренцева моря.

Первоначально монастырское хозяйство складывается на западном побережье Мурмана, объединяемом в жалованных царских грамотах одним гидронимом – Мотовская губа. Однако фактически здесь два самостоятельных района, разделенных полуостровами Средним и Рыбачьим: первый, к востоку от полуострова Средний, – побережье Мотовского залива, второй, к западу от него, – побережье залива Варангер-фьорд.

Сначала владения монастыря формируются к западу от полуострова Средний, в сторону современной российско-норвежской границы. Саамами Сонгельского погоста были даны монастырю вкладом половина р. Печенги с «лешими озерами», составившими 2 лука² угодий³. Еще один вклад, поступивший от саамов Мотовского погоста, также составил 2 лука угодий – р. Ворьема и другая половина р. Печенги с «лешими озерами» и «звериными ловлями»⁴. Впервые эти вклады зафиксировала жалованная грамота монастырю 1591 года⁵. Условный размер угодий, переданных сонгельскими и мотовскими лопарями монастырю, зафиксированный жалованной грамотой 1591 года, – 4 лука – соответствует данным писцовой книги⁶. Писцовое описание указывает и точную географическую локализацию этих монастырских угодий. Так, за монастырем были 2 реки (Печенга и Ворьема) и 2 озера, где велась добыча рыбы на 8 тонях⁷. После 1575 года владения монастыря возросли: прибавились 3 тони и 2 реки (Мана и Гагарья)⁸. При этом «прибылые» угодья не зафиксированы в жалованных грамотах 1591 и 1606 годов.

Приобретенные монастырем вкладами и, возможно, покупкой угодья до 1575 года были закреплены жалованной грамотой Ивана Грозного, уступавшей духовной корпорации право сбора дани с живущих на этих землях саамов⁹.

Документ упомянут в писцовой книге 1608–1611 годов, без уточнения даты выдачи. Жалованная грамота фиксирует завершение первого этапа формирования монастырского хозяйства на Мурманском берегу.

Владения монастыря от р. Ворьемы (современная российско-норвежская граница) по морскому побережью уходили дальше на север, до рек Паз-река и Ровденга. Жалованные грамоты 1591 и 1606 годов определяют размер владений этих рек в 3 лука, половина из которых была за Печенгским монастырем, а вторая половина – за саамами Пазрецкого погоста. Промысел здесь велся на 5 тонях¹⁰. Жалованные грамоты не раскрывают происхождение доли монастырских угодий. В писцовой книге 1608–1611 годов указывается, что на время составления предыдущей переписи 1575 года здесь за монастырем было 0,5 лука угодий¹¹. Затем, в период с 1576–1577 по 1595–1596 годы, монастырю перешел еще 1 лук угодий. Угодья достались монастырю как вкладами, так и покупками. Последний способ был преобладающим (3 купчие и 2 данные грамоты на угодья)¹².

Таким образом, к северу от п-ова Средний на морском побережье монастырские промыслы велись в ряде бухт и устьев рек: р. Печенга, губа Долгая Щелья, р. Ворьема и Паз-река. Хотелось бы обратить внимание на то, что все эти районы не были местами промысла русских поморов, не заходивших далее п-ова Рыбачий. Отдаленность и труднодоступность этих мест служили препятствием для русской колонизации, но вместе с тем способствовали созданию изолированного хозяйства Печенгского монастыря.

К востоку от п-ова Средний по побережью Мотовской губы владениями монастыря были р. Китовка (современная Титовка), Лица Большая и Малая, Ура Большая и Малая. Ранее эти угодья принадлежали трем лопарским погостам: Урскому (р. Ура Большая и Малая), Лицкому (р. Лица Большая и Малая) и Китовскому (р. Китовка и Мотовский залив). В начале XVII века эти три погоста составляли объединенный Мотовский и Китовский погост [3; 104], входивший в вотчинную юрисдикцию Печенгского монастыря. Жалованные грамоты 1591 и 1606 годов не раскрывают процесс формирования угодий в этой части прибрежной зоны. Ответ на этот вопрос находим в писцовой книге 1608–1611 годов. Так, в 1575 году монастырь в Мотовской губе владел долей угодий, составлявшей 0,5 лука¹³. После этого, в период с 1575–1576 по 1587–1588 годы, монастырем приобретает все побережье залива. Основным способом стяжания угодий стала покупка у лопарей. Писцовая книга сообщает о том, что в монастырском архиве хранились 29 купчих и только 1 данная грамота на мотовские угодья¹⁴.

В луковом исчислении промысловые угодья Мотовской губы составляли 9 луков. В этом сходятся и жалованные грамоты, и писцовая книга¹⁵.

Географически владения монастыря в Мотовской губе тянулись по побережью от р. Китовки на западе до Поган-наволока – мыса у входа в Кольскую губу – на востоке.

Структура прибрежного морского хозяйства монастыря раскрывается в материалах рассматриваемых источников. К западу от п-ова Средний, на побережье Варангер-фьорда, получает распространение промысел семги. Другие виды прибрежных морских промыслов, связанные с добычей трески и палтуса, здесь почти не получили развития. Симптоматично и то, что принадлежавшие монастырю небольшие Айоновы острова использовались не как место промысла, а как место выпаса монастырских оленей.

Исключение составлял промысел на становище Немецком, которое возможно локализовать на одноименном п-ове Варангер-фьорда. Становище служило саамам Печенгского погоста и монахам местом добычи морской рыбы – трески и палтуса¹⁶.

Смешанный характер промысловое хозяйство имело и к востоку от п-ова Средний. В прибрежных реках велся промысел семги. Другими видами промыслов были добыча бобров и жемчуга. Наряду с монахами в этом промысле участвовали и промышленники из Колы и других мест. В отличие от этих промыслов, добыча китов не носила регулярного характера. Только в случае когда морские млекопитающие «выметывались» на берег, они становились добычей промышленников.

Добыча трески и палтуса, чем традиционно славился Мурман, осуществлялась монастырем в Мотовской губе на становище Типунове – у входа в губу Большую Корабельную, на южном побережье п-ова Рыбачий. Становище было крупным сезонным поселком, насчитывавшим 21 избу и 11 скей¹⁷. Одна изба и скея принадлежали Печенгскому монастырю¹⁸.

Если становище Типуново входило в состав вотчинных владений монастыря на побережье, то ряд других становищ на п-ове Рыбачьем использовался монастырем наряду с сезонными промышленниками. Это становища Аникиево и Лок-наволоок. Местонахождение первого – вход в бухту Цып-наволоок, второго – северное побережье Рыбачьего. Оба становища были менее крупными, чем Типуново. В первом насчитывалось 6 изб и 4 скеи, во втором – 14 изб и 13 скей¹⁹. Монастырю в Аникиеве принадлежали 2 избы и скея, а в Лок-навлоке – 1 изба и 2 скеи. Происхождение этих становищ источникам неизвестно.

Для периода второй половины 1620-х годов известна промысловая деятельность монастыря еще на одном становище Западного Мурмана – Лопских Куванцах. В писцовой книге 1608–1611

годов об этом становище сказано, что в летний сезон на нем вели промысел саамы Печенгского погоста, находившегося за монастырем²⁰. Спустя 20 лет становище стало предметом конфликта между Печенгским и Кандалакшским монастырями. Из царской указной грамоты кольскому воеводе Григорию Зловидову (от 8 августа 1629 года) становится известным, что в 1626 году старцы Кандалакшского монастыря поставили на территории становища свои промысловые постройки и оставили суда²¹. Промысел продолжался и в 1627–1628 годах, что создавало Печенгскому монастырю препятствия для добычи рыбы. Кольскому воеводе было поручено разобраться в этом конфликте²². Точно локализовать становище Лопские Куванцы не удастся: известно, что оно находилось к западу от Поган-наволока, на побережье Мотовского залива.

На восточном побережье Мурмана за монастырем была доля в становище Опасово²³ в одноименной губе, в междуречье Териберки и Вороньей. Ранее доля становища Опасово принадлежала Кольскому Петропавловскому монастырю. После приписки Петропавловского к Печенгскому монастырю в 1605–1606 годах все угодья первого, включая и долю промыслового становища, перешли к новому владельцу.

В XVII веке идет дальнейшее развитие промыслового хозяйства монастыря на Мурманском берегу. На протяжении 1604–1658 годов монастырем организуется промысел семги на трех реках Восточного Мурмана – Териберке, Вороньей и Рынде. Все реки некогда принадлежали лопарским погостам. Но приобретение угодий монастырем не всегда происходило напрямую от их владельцев – саамов. Промысловые угодья Териберки поступили в монастырь от посадского человека Колы В. А. Мокроусова. Самостоятельно и совместно с представителями своего клана В. А. Мокроусов с 1605 по 1607–1608 годы купил у саамов Муномашского погоста несколько долей в реках Териберке и Орловке. Доли включали различные виды промысловых угодий: «забор», тони, «гаровные места», «бобровые ловли и звериные гоны»²⁴.

В описи монастырского имущества 1658 года упомянуты две купчие грамоты В. А. Мокроусова на р. Териберку: первая (март 1605 года) известна в списке, вторая (13 декабря 1604 года) только упоминается в описи²⁵. При этом из описи неясно, каким образом эти доли угодий оказались за монастырем: либо путем покупки их у В. А. Мокроусова, либо поступили от него вкладом. На неоднозначность трактовки сведений монастырской описи уже обращал внимание В. И. Иванов.

Еще одна доля угодий (0,75 лука) в реках Териберке и Орловке поступила монастырю от посадского человека Колы И. С. Телного, которые тот в 1618 году купил у колянина М. Е. Злыго-

стя²⁶. Купчая грамота отражена в описи имущества, и вновь без пояснений, вкладом или продажей уступил свои угодья монастырю Телной.

Вкладом была передана в 1623 году 1/6 доля угодий в р. Териберке В. С. Хлупоновым и его сыном Иваном. Сохранился список с данной грамоты. Документ упомянут и в описи 1658 года²⁷. По всей видимости, вкладом монастырю досталась и 1/8 доля в р. Териберке, принадлежавшая колянину И. С. Старицыну. Документ упоминается только в описи имущества и датирован 1636 годом²⁸.

Если промысел на р. Териберке перешел монастырю от нескольких лиц, то промыслы на р. Вороньей достались от одного человека – кольского крестьянина Антона Гордеева. В описи перечислены 7 купчих грамот крестьянина, составленных в период с 1627 по 1629 год²⁹. Как и в случае с грамотами на р. Териберку, остается неясным, был ли А. Гордеев продавцом или вкладчиком своих угодий. Второй вариант представляется более вероятным. Какая-то часть р. Вороньей, а также р. Белоусиха (Белогузиха) перешли монастырю от саамов Вороненского погоста. Опись имущества упоминает две записи об этой передаче, датируемые 1655 и 1658 годами³⁰.

Вороненскими лопарями монастырю была дана и половина р. Рынды, зафиксированная данной грамотой от 12 января 1655 года. Документ упомянут в описи монастырского имущества³¹.

На реках восточного побережья производилась добыча семги и бой бобров. Местом же трескового и палтусьего промысла монастыря здесь был о-в Кильдин. По описи монастырского имущества 1658 года, монастырь держал на Кильдине 11 малых и 3 больших речных судна. Судовая снасть хранилась в специальном амбаре³². Остров использовался и как пастбище для стада монастырских оленей.

Таким образом, хозяйство монастыря на восточном побережье Баренцева моря формировалось на протяжении первой половины XVII века. Здесь можно выявить отличительные особенности этого процесса. Во-первых, если на Западном Мурмане монастырь действовал по преимуществу как единственный хозяйственный субъект, скупавший угодья у лопарских погостов, то на востоке первопроходцами были посадские люди Кольского острога. Именно они жертвовали монастырю свои доли в прибрежных морских реках. Во-вторых, промысловые угодья Вос-

точного Мурмана, в отличие от Западного, не получили вотчинного статуса. В известных общих жалованных грамотах монастырю XVII века они ни разу не упоминаются. Нежелание монастыря придавать владениям вотчинный статус, скорее всего, связано с государственной политикой, ограничивавшей рост монастырских владений.

Подведем итоги исследования. Развитие промыслового хозяйства Печенгского монастыря на Мурманском берегу было долгим процессом, занявшим почти столетие – с середины XVI до середины XVII века. Можно выделить три основных этапа. Первый – до 1575 года. На этом этапе сформировались владения к западу от п-ова Средний. Основным способом приобретения угодий стали вклады от «новокрещеных» лопарей. Владения монастыря были закреплены жалованной грамотой Ивана Грозного, не сохранившейся до настоящего времени. В этот же период монастырю досталась и незначительная часть угодий на побережье к востоку от п-ова Средний.

Второй этап – после 1575 года. На этом этапе преимущественно путем скупки монастырь приобретает угодья на побережье Мотовской губы. Обе части монастырских владений – к западу и востоку от п-ова Средний – были закреплены жалованной грамотой 1591 года. При этом жалованная грамота не конкретизирует этапы складывания вотчины и пути (покупка или вклад) ее формирования. Плохая сохранность документов (данных и купчих грамот), видимо вызванная их значительной утратой во время разорения Печенгского монастыря в 1589 году, и стала причиной «размытости» хронологии формирования вотчины в изложении жалованной грамоты 1591 года. Это, считаем, позволило позже изготовить фальсификат жалованной грамоты Ивана Грозного монастырю.

На третьем этапе – первая половина XVII века – монастырем приобретаются угодья на реках Восточного Мурмана. При этом если на западном побережье угодья поступали монастырю напрямую от их собственников – саамов, то на восточном, как правило, опосредованно – от жителей Колы, ранее приобретших их у саамов. Промысловые владения монастыря на Восточном Мурмане не получили вотчинного статуса, что было связано с существовавшей в XVII веке политикой государства, вводившего ограничения на рост церковного землевладения.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Мурманской области в рамках проекта проведения научных исследований («Хозяйство Троицкого Печенгского монастыря в XVI–XVIII вв.: монастырская вотчина в условиях неземледельческого региона Европейского Севера России»), проект № 14-11-51002.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Покрут – найм работников на промысел, оплатой труда для которых становится часть добытой рыбы.

² Лук – условная доля в промысловых владениях саамского погоста, закрепленная за владельцем; единица налогообложения.

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 125. Оп. 1. 1674 г. Д. 15. Л. 14, 15.

⁴ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. 1674 г. Д. 15. Л. 14, 25.

- ⁵ Жалованная грамота 1591 года приводит имена саамов-вкладчиков: старец Логин Миронов (в грамоте 1556 года – Мороков; в грамоте 1606 года – Марков) с детьми, Ефим Ногостев и Никула Конанов – Сонгельского погоста; Кирило Ермолин и Антон Спиридонов – Мотовского погоста. Вклады не датированы. По свидетельству жалованных грамот, на переданные угодья были оформлены данные грамоты. Писцовая книга 1608–1611 годов не знает имен саамов-вкладчиков. По всей видимости, отсутствие каких-либо документальных свидетельств на эти вклады ко времени составления описания и стало причиной того, что вкладчики были обойдены вниманием источника. Вместе с тем сохранившиеся в грамотах имена саамов-вкладчиков можно рассматривать как свидетельство о поддержании исторической памяти в монастыре о первых «новокрещеных» лопарях и старцах (Логин Миронов).
- ⁶ Выписка из писцовой книги Алая Михалкова (Писцовая книга Кольского уезда 1608–1611 гг.) // Харузин Н. Н. Русские лопари. (Очерки прошлого и современного быта). М., 1890. Приложение 2-е. С. 434.
- ⁷ Писцовая книга Кольского уезда 1608–1611 гг. С. 433.
- ⁸ Писцовая книга Кольского уезда 1608–1611 гг. С. 433.
- ⁹ Писцовая книга Кольского уезда 1608–1611 гг. С. 434.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. 1674 г. Д. 15. Л. 16, 27.
- ¹¹ Писцовая книга Кольского уезда 1608–1611 гг. С. 440.
- ¹² Писцовая книга Кольского уезда 1608–1611 гг. С. 440.
- ¹³ Писцовая книга Кольского уезда 1608–1611 гг. С. 438.
- ¹⁴ Писцовая книга Кольского уезда 1608–1611 гг. С. 438–439.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. 1674 г. Д. 15. Л. 15–16, 26–27; Писцовая книга Кольского уезда 1608–1611 гг. С. 439.
- ¹⁶ Писцовая книга Кольского уезда 1608–1611 гг. С. 434.
- ¹⁷ Скея – погреб для посола и хранения рыбы.
- ¹⁸ Писцовая книга Кольского уезда 1608–1611 гг. С. 427.
- ¹⁹ Писцовая книга Кольского уезда 1608–1611 гг. С. 427.
- ²⁰ Писцовая книга Кольского уезда 1608–1611 гг. С. 426.
- ²¹ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 440. Оп. 1. Д. 94. Л. 23 об.–24.
- ²² ГААО. Ф. 440. Оп. 1. Д. 94. Л. 24.
- ²³ Писцовая книга Кольского уезда 1608–1611 гг. С. 429.
- ²⁴ Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI–XVII вв. (СМИКП). Л.: Изд-во АН СССР, 1930. № 9–11. С. 40–41.
- ²⁵ СМИКП. № 58. С. 96.
- ²⁶ СМИКП. № 18. С. 47.
- ²⁷ СМИКП. № 26. С. 54.
- ²⁸ СМИКП. № 26. С. 54.
- ²⁹ СМИКП. № 26. С. 54.
- ³⁰ СМИКП. № 58. С. 95.
- ³¹ СМИКП. № 58. С. 97.
- ³² СМИКП. № 58. С. 94.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев А. И. О подложности жалованной грамоты Печенгскому монастырю 1556 г. // Русский исторический журнал. Кн. 6. Пг., 1920. С. 133–157.
2. Иванов В. И. Монастыри и монастырские крестьяне Поморья. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007. 608 с.
3. Кучинский М. Г. Саами Кольского уезда в XVI–XVIII веках: Модель социальной структуры. Каутекеино: Sami University College, 2008. 261 с.
4. Ушаков И. Ф. Кольская земля // Избранные произведения. Т. 1. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1997. 648 с.

Nikonov S. A., Murmansk State Pedagogical University (Murmansk, Russian Federation)

COMMERCIAL OWNERSHIP OF TRINITY PECHENGSK MONASTERY LOCATED ON MURMANSK SHORE IN SECOND HALF OF XVI – MIDDLE OF XVII CENTURY

The article is concerned with the problem of Trinity Pechengsk monastery economic development in the XVI–XVII centuries. The monastery was located on the Murmansk coast. For several centuries the coast was known as a place of fishing activities' enhancement, which involved farmers and monasteries of Pomorie. The study identified three stages of the Barents Sea monasteries' economic development. The first stage (the middle of the XVI century – 1575) – establishment of ownership on the coast of the Varanger fjord. The second stage (1575 – the end of the 1580's.) – establishment of ownership on the coast of the Motosky fjord. The third stage (the first half of the XVII century) – establishment of ownership on the east of the Murmansk coast. The monastery's properties located on the Murmansk coast were mainly formed due to multiple gifts and purchases from the Saami population and the townspeople of the Kola fortress. The Tsar Charters of 1575, 1589 and 1591 successfully secured vast ownership of the monastery on the coasts of Varanger and Motosky fjords.

Key words: monastery, Murmansk coast, the Saami, Assembly source

REFERENCES

1. Andreev A. I. About the falseness of the Tsar Charter to Pechengsk monastery 1556 [O podlozhnosti zhalovannoy gramoty Pechengskomu monastyryu 1556 g.]. *Russkiy istoricheskiy zhurnal* [Russian historical journal]. Book 6. Petrograd, 1920. P. 133–157.
2. Ivanov V. I. *Monastiri i monastyrskie krest'yane Pomor'ya* [Monasteries and monastery peasants of Pomorie]. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2007. 608 p.
3. Kuchinskiy M. G. *Saami Kol'skogo uyezda v XVI–XVIII vekakh: Model'sotsial'noy struktury* [The Saami of the Kola district in XVI–XVIII centuries: the Model of social structure]. Kautekeino: Sami University College Publ., 2008. 261 p.
4. Ushakov I. F. *Kola earth* [Kol'skaya zemlya]. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Vol. 1. Murmansk, Murmanskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1997. 648 p.

Поступила в редакцию 18.06.2014

НАДЕЖДА ГЕННАДЬЕВНА НЕДОМОЛКИНА

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела фондов, Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (Вологда, Российская Федерация)
nedomolkinyn_ljv@mail.ru

МАРИНА ВИКТОРОВНА ИВАНИЩЕВА

соискатель отдела палеолита, Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация), педагог дополнительного образования, Детско-юношеский центр «Лидер» (Вологда, Российская Федерация)
marin-ivanishheva@yandex.ru

БАССЕЙН РЕКИ СУХОНЫ В РАЗВИТОМ НЕОЛИТЕ*

На основе детального анализа материалов опорных памятников впервые дается общая культурно-историческая характеристика бассейна реки Сухоны в развитом неолите. Результаты исследований последних десятилетий позволили установить последовательность и пути заселения этой территории различными культурными группами населения. Во второй половине V – начале IV тыс. до н. э. верхняя Сухона входила в зону расселения льяловских племен. В результате процессов интеграции разнотипных (гребенчатых и льяловских) традиций сформировались племена, носители ямочно-гребенчатой керамики «северных типов». В первой половине IV тыс. до н. э. это население освоило всю территорию Сухоны. В середине IV тыс. до н. э. территория верхней, частично средней Сухоны была заселена племенами каргопольской культуры. Если верхняя Сухона являлась контактной зоной и была освоена различными культурными группами, то для средней и нижней Сухоны была характерна кратковременность пребывания здесь неолитического населения. В конце периода для верхней Сухоны сохранился южный, юго-западный вектор заселения (Верхнее Поволжье), на нижней Сухоне преобладали юго-восточное и восточное направления (Средняя Волга, Приуралье).

Ключевые слова: археология, развитый неолит, Сухона, ямочно-гребенчатая керамика

Территория Сухоны долгие годы оставалась археологически неизученной и почти не привлекалась для общих характеристик истории региона. Исследователи оперировали случайными находками с разрушенных стоянок. Плановое, целенаправленное археологическое изучение Сухоны началось в 1980-е годы и продолжается по настоящее время. В бассейнах верхней и средней Сухоны выявлено более 115 неолитических поселений и местонахождений, на территории нижней Сухоны известны 17 памятников. В результате стационарных работ источниковая база количественно и качественно пополнилась. Новые данные дают возможность составить представление о культурно-исторических процессах, проходивших в бассейне Сухоны в развитом неолите.

Река Сухона протяженностью 558 км является одной из крупных речных систем Вологодской области. Через озеро Кубенское (исток Сухоны) и реку Шексну, систему притоков рек Костромы и Унжи бассейн Сухоны связан с верхним и средним Поволжьем, через притоки реки Юг – с Прикамьем и Северным Приуральем. По геоморфологическим признакам территория Сухоны делится на верхнюю, среднюю и нижнюю. Верхняя Сухона течет по наносам огромного палеоозера. Территория относит-

ся к району древнеозерных низменных равнин Кубенской, Присухонской и Сухоно-Волжскому водораздельному плато [4; 120]. Нижняя Сухона отличается в природном и климатическом отношении: имеет высокие коренные берега и малое количество пойменных участков. Археологические данные указывают на начало формирования речного ландшафта здесь не позднее рубежа пребореала – бореала.

Пониманию историко-культурной ситуации в бассейне реки Сухоны способствовали исследования опорных памятников. В верховьях реки – это комплекс поселений Вёкса, на нижней Сухоне – поселение Березовая Слободка II–III.

Многослойные поселения, протянувшиеся на два километра по левому берегу реки Вологды, расположены в Вологодском районе в месте слияния Вологды и ее небольшого притока реки Вёкса [5]. Поселения выше устья Вёксы называются Вёкса I, ниже устья – Вёкса III. Значимость этих памятников связана с четко стратифицированными археологическими слоями, последовательно отложившимися до глубины 3 м от дневной поверхности, охватывающими периоды раннего неолита, энеолита, бронзы, раннего железного века и раннего Средневековья. На Вёксе I выявлено четырнадцать хронологически и культурно различных стратиграфических комплексов, на

Вёксе III – пять. Из них 4 комплекса с ямочно-гребенчатой неолитической керамикой.

Исследованный Вологодской археологической экспедицией в 1992–1994, 2003, 2004 годах на 5–9-м участках поселения Вёкса I ямочно-гребенчатый комплекс получил название «Вёкса-М» [6]. Предполагаемая площадь поселения – более 10 тыс. кв. м. Общая вскрытая площадь составляет 1232 кв. м. Стратиграфически слой связан с контактом светло-коричневой и бурой глины на глубине 1,6–1,8 м от дневной поверхности. Мощность культурных напластований – от 0,2 до 1 м (в ямах).

Основную массу находок комплекса составляет ямочно-гребенчатая керамика из раскопов, дополненная подъемным материалом (свыше 5000 фрагментов). Обсчет количества сосудов по зоне венчиков оказался неэффективным из-за типичности орнамента. Стратиграфически и типологически выделены материалы раннего и развитого этапа. Для раннего этапа характерны слегка прикрытые сосуды средних размеров с прямыми, округлыми, приплюснутыми венчиками и приостренным дном. В орнаментации раннего комплекса преобладают различные гребенчатые штампы, ямочные зоны узкие, от 1 до 5 рядов ямок, диаметром до 0,5 см. Для развитого этапа характерны крупные горшки закрытой яйцевидной формы с округлым дном, открытые миски, мелкие сосудики. Горшки с диаметром горла около 28–32 см со следами нагара служили для приготовления пищи, крупные сосуды с диаметром 40–60 см использовались для хранения запасов. Диаметр сосудов в большинстве случаев несколько меньше их высоты. Все сосуды изготовлены способом налепа. Ленты шириной от 3 до 7 см крепились внахлест. Венчики прямые, округлые, скошенные внутрь. У небольшого количества фрагментов край верхней ленты загнут наружу. У скошенных внутрь венчиков край оформлен гребенчатым штампом, что имело не только орнаментальное значение, но и техническое. Днища приплюснутые, округлые, приостренные, слегка утолщены по отношению к стенкам сосуда. Толщина стенок в среднем 0,4–1 см. Обжиг сосудов неравномерный, в сломе наблюдается разноцветность. Преобладают фрагменты красного, светло- и темно-коричневого цвета. В зависимости от условий хранения и обжига один и тот же фрагмент может иметь различные оттенки. Нередко фрагменты с внутренней стороны имеют отпечатки и следы заглаживания гребенчатым штампом, отпечатки пальцев. Для изготовления посуды древние гончары использовали среднежелезненную глину средней пластичности во влажном состоянии¹. Это сырье в качестве естественных примесей содержало песок разного размера, преимущественно крупный (свыше 2 мм в диаметре), и во всех случаях включения бурого железняка. В качестве искусственных примесей в формовочную

массу добавляли крупную дрсву в концентрации от 1:3 до 1:6 в сочетании с влажным пометом птиц в небольшой концентрации. Отсутствует лощение поверхности сосудов, большая примесь дресвы придает шероховатость. Следы нагара на внутренней поверхности имеют около 3,3 % стенок и около 2,9 % венчиков. Анализ керамики позволяет выделить 16 орнаментальных композиций (типов) от простых, орнаментированных одними ямками разного диаметра (в процентном отношении количество фрагментов данного типа – 36 %), до сложных.

Комплекс керамики 9-го участка поселения Вёкса-М во многом близок материалам поселений Языково I, озера Варос, Борань и других в Костромском Поволжье, находит аналогии в льяловской культуре (восточный вариант) в ее архайчном, раннем и среднем развитии [1; 180]. Вексинский комплекс подтверждает известные этапы развития культуры. Представлены все основные формы и орнаментальные композиции керамической посуды и полный набор не только ведущих, но и оригинальных типов орудий из камня. Предварительно датируется второй половиной V – началом IV тыс. до н. э.

На 3–5-м участках поселения Вёкса I выявлен второй ямочно-гребенчатый комплекс – Вёкса-Л, который связан со слоем светло-серого суглинка мощностью до 0,5 м на глубине 1,4–1,6 м от дневной поверхности. Он исследовался раскопами 1994–1996, 2003–2004 годов [6]. Общая площадь вскрытия – 160 м². В обсчет включен только материал из раскопов. Всего найдено около одной тысячи фрагментов керамики по зоне венчиков от 74 сосудов. Керамический комплекс представлен полными и частичными развалами сосудов, фрагментами венчиков и стенок. Горшки невысокие, слегка прикрытой и открытой формы, диаметр горла (25–30 см) превышает высоту или равен ей. Сосуды тонкостенные, внешняя поверхность заглажена. Венчики прямые с закругленными, скошенными внутрь краями, с наплывом и без него, 1/3 венчиков орнаментирована по срезу. Донца сосудов округлые, приостренные. Керамика коричневого цвета, хорошего обжига. По результатам технико-технологического анализа для изготовления использовалась слабоожеженная глина высокой пластичности во влажном состоянии. Сырье в качестве естественных примесей содержало редкие частицы мелкого песка и отдельные включения бурого железняка. Искусственные примеси – дресва в концентрации от 1:4 до 1:6 и менее в сочетании с влажным органическим материалом (предположительно помет птиц) в небольшой концентрации, а также крупный шамот в концентрации 1:4. Сплошная орнаментация сосудов имеет строгое горизонтально-зональное членение и представлена двумя основными элементами: разнообразными оттисками гребенчатого штампа и конических ямок,

наколов. Используются естественные штампы. Орнамент нанесен очень четко. Орнаментами венчиков присуще разнообразие в виде насечек, тычковых отпечатков, римской единицы, оттисков короткого, овального гребенчатого штампа.

Ближайшие аналогии керамике находятся в материалах со стоянок западной части Вологодской области – Андозеро 5, Архангельской – Сухое, которые относятся к среднему этапу развития каргопольской культуры и датируются второй половиной IV – началом III тыс. до н. э. [9; 222]. По технико-типологическим признакам керамика близка также к керамике ранних ямочно-гребенчатых комплексов в Карелии, в частности Черная Речка I, где подобная керамика относится к первому этапу и датируется первой половиной – серединой IV тыс. до н. э. [4; 89]. Очевидно, наш комплекс следует отнести к среднему этапу развития культуры и датировать его серединой IV тыс. до н. э.

При раскопках четвертого участка поселения Вёкса III (вскрыто 200 кв. м) выделено девять литологических слоев (пять культурных) общей мощностью до 3 м [7]. Неолитические находки

найжены в слоях 6–9. Интересующие нас материалы происходят из слоев 5, 7. Слой 7 представлен темной гумусированной глиной с большим количеством кальцинированных костей, тлена трубчатых костей крупных животных, а также отщепов и керамики на глубине 1,4–1,6 м от дневной поверхности. Керамика слоя представлена открытыми и прикрытыми круглодонными сосудами средних размеров из теста с примесью дресвы, песка, слюды, пирита, с разнообразной морфологией венчиков (с внутренним бортиком, округлые с загнутым внутрь краем ленты, с утолщением), с округлым дном (рис. 1). Орнаментация имеет горизонтально-зональное членение и представлена разнообразными элементами: оттисками конических ямок и гребенчатого штампа с «косыми» зубцами, ямчатых неглубоких вдавлений, нанесенных в технике накола, естественных штампов. Сочетание орнаментальных композиций самое разное. В зоне венчика преобладают мотивы, где элементы орнамента состоят из глубоких ямок, наколов, в том числе ямчатых, имитирующих гребенку. Пояса ямок расположены в линию, в шахматном

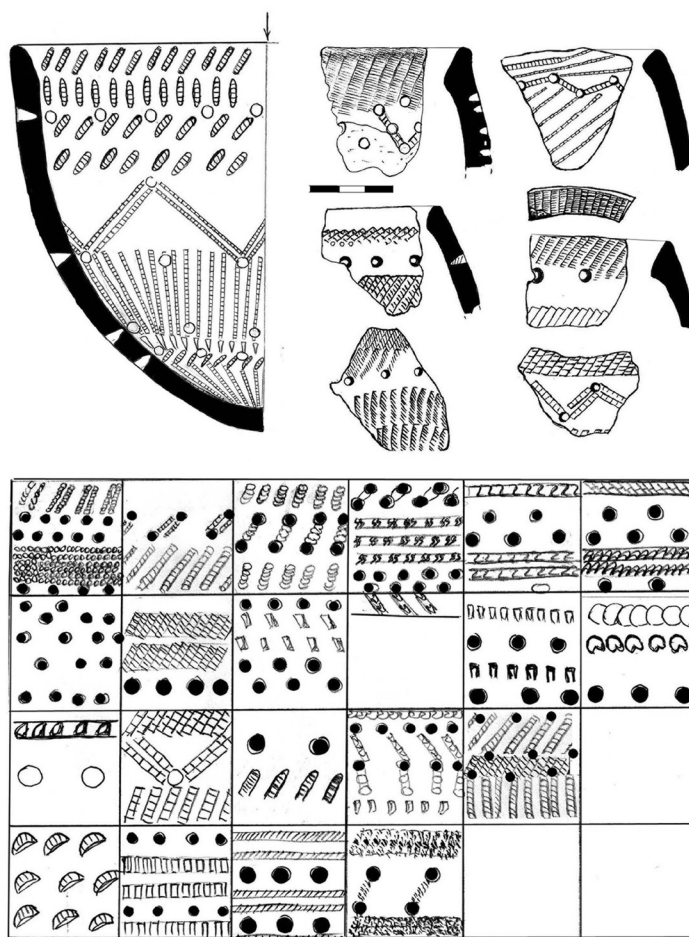

Рис. 1. Поселение Вёкса III. Ямочно-гребенчатая керамика «северных типов».

Сосуды, орнаментальные композиции

порядке, зигзагом, соединенным оттисками гребенки или гладких штампов с ямками в углах. Своеобразным является оттиск сложного штампа, оставлявшего вдавленные горизонтальные линии шириной до 0,5 см, получившего название «резинка». Подобный орнамент имитируют ряды широкого короткого (3–4 зубчика) гребенчатого штампа. Подобный прием нанесения оттиска с нажимом на один конец, вследствие чего между поясами гребенки образуется невысокий валик, характерен для керамики сперрингс. Донная часть сосуда орнаментировалась гребенчатым штампом.

Керамика подобного типа выделена на стоянке Ивановское VII и других поселениях Волго-Окского междуречья, где крайне малочисленна и представлена в большей степени единичными фрагментами. Она получила название керамика «северных типов». Единого мнения о происхождении этой керамики у исследователей нет. По мнению А. В. Уткина и Е. Л. Костылевой, керамика сопоставима с посудой типа сперрингс и сярэйсьями I, с ранней гребенчатой на стоянках северо-запада Восточной Европы. Обычно такую керамику на памятниках Верхнего Поволжья относят к архаичному или раннельяловскому типу [2; 74].

Данные комплексы на территории Верхней Сухоны складываются как результат взаимодействия носителей ямочно-гребенчатой льяловской традиции и населения с гребенчатой посудой второго этапа заселения в рамках IV тыс. до н. э. и отражают поздний этап существования льяловских традиций или «постльялово». Комплексы не могут быть ранними, они формируются к середине IV тыс. до н. э., что подтверждается стратиграфией памятника (культурный слой залегает выше, чем на Вёксе I) и абсолютными датами 5650 ± 150 (ГИН-10182), 5700 ± 700 (ЛЕ-5857). Подобные комплексы фиксируются на большой территории, занятой миграцией льяловского населения на север, что подтверждается значительным количеством аналогий в материалах стоянок разных регионов.

Слой 5 четвертого участка поселения Вёкса III представлен светло-серым суглинком мощностью до 0,5 м на глубине 1–1,1 м и содержит материалы каргопольского комплекса [8]. Керамический комплекс насчитывает четыре частичных развала сосудов, 160 фрагментов керамики, по зоне венчика от 18 сосудов (без учета подъемного материала), два сосуда, закопанные на береговом склоне. Сосуды были вставлены один в другой. Внутренний сосуд очень тонкостенный с толщиной стенок до 0,4 см. Сосуды круглодонные, прикрытой формы с разнообразной морфологией венчика (край скошен внутрь или срезан прямо, иногда орнаментирован гребенчатым штампом). Толщина стенок 0,3–0,7 см. Керамика комплекса менее разнообразна, чем

рассмотренный выше каргопольский комплекс поселения Вёкса I. Она более поздняя и продолжает развитие каргопольской керамики до появления ромбо-ямочного орнамента. Представленный материал характерен для памятников развитого этапа каргопольской культуры и находит ближайшие аналогии на стоянках западной части Вологодской области, таких как Андозеро II, Против Гостиного берега [10; 41]. Датируется второй половиной IV – рубежом III тыс. до н. э. Радиоуглеродная дата этого комплекса 5220 ± 320 (ГИН-10180).

Ямочно-гребенчатые комплексы поселений Вёкса, Вёкса III свидетельствуют о том, что территория верхней Сухоны во второй половине V – начале IV тыс. до н. э. осваивалась различными культурными группами и являлась контактной зоной. На основе стратиграфии и анализа полученных материалов на поселениях Вёкса, Вёкса III прослежена последовательность в смене культурно-хронологических комплексов. Она подкреплена абсолютными датами по C-14. Отсутствие механического смешения материалов ямочно-гребенчатых комплексов дает возможность, используя сравнительный метод, работать с материалами памятников, где нет четкой стратиграфии.

На территории нижней Сухоны памятники с ямочно-гребенчатой керамикой были неизвестны. Причины этого стали понятны только в результате стационарных исследований.

С 1995 года проводятся раскопки многослойного поселения Березовая Слободка II–III [3; 87]. Памятник расположен в Нюксенском районе Вологодской области в 750 м к югу от д. Березовая Слободка на левом берегу реки Сухоны при впадении в нее реки Уфтьюги. Поселение занимает склон надпойменной террасы на высоте 8–13 м от современного уровня воды. Памятник открыт в 1988 году М. В. Иванищевой. За 11 полевых сезонов исследовано более половины площади памятника (500 кв. м). Выявлены слои от эпохи мезолита до раннего железного века. Общая мощность напластований на поселении достигает 2,2 м, верхний уровень представлен супесчанистыми отложениями до 0,7 м, а нижний – суглинками до 1,5 м. В данной работе впервые дается характеристика ямочно-гребенчатого керамического комплекса поселения.

Находки развитого неолита с ямочной керамикой на поселении Березовая Слободка II–III приурочены к нижнему уровню супесчанистых отложений (темно-серой и серо-желтой супеси) и верху красного суглинка. Культурные слои слабо выражены, что свидетельствует о кратковременности пребывания здесь населения в развитом неолите. Керамика представлена многочисленными разрозненными фрагментами. С площади раскопов I, III (1995–1997 годов), VI, VII (1999–2001 годов), VIII (2005 года) проис-

ходит 193 фрагмента стенок и венчиков, приблизительно от 12–15 сосудов. Сосуды невысоких пропорций, полуяйцевидной формы с округлым и округло-коническим дном. Венчики слегка утолщенные, с округлым или плоским срезом. Орнамент покрывает всю поверхность сосудов горизонтальными зонами (рис. 2). Элементы орнамента: оттиски конических ямок и гребенчатого штампа с «косыми» зубцами, ямчатые неглубокие вдавления. Пояса ямок расположены в линию, в шахматном порядке, зигзагом, соединенным оттисками гребенки или гладких штампов с ямками в углах. Присутствует оттиск штампа, оставлявшего вдавленные горизонтальные линии, получившего название «резинка». Часть фрагментов орнаментирована исключительно ямками. Так же, как на памятниках Европейского Северо-Востока, в материалах Березовой Слободки II–III можно выделить керамику раннего и развитого этапов. Данный керамический комплекс находит технологическое и морфологическое единообразие с керамическим комплексом 7-го слоя поселения Вёкса III. На основе аналогий березовослободская ямочно-гребенчатая керамика может быть датирована серединой – второй половиной IV тыс. до н. э.

Необходимо отметить, что в материалах Березовой Слободки представлена керамика с гребенчато-ямочным орнаментом (8–10 сосудов) (рис. 3). На стоянках верхней Сухоны, в частности на поселении Вёкса III, такая керамика происходит из культурного слоя 8, который предшествует слоям с ямочно-гребенчатой керамикой. Поселения с керамикой, орнаментированной гребенчатыми штампами, где одинарные ряды ямки используются как разделители гребенчатых зон, на Сухоне появляются в конце V – первой половине IV тыс. до н. э. Гребенчатая керамика сходна с материалами стоянок западной части Вологодской области (типа Тудозеро V, поздний этап), Восточного Прионежья, Карелии, а также с материалами стоянок Европейского Северо-Востока. Генезис этого населения пока остается неясным. Сравнительная малочисленность комплексов, слабая морфология слоев свидетельствуют о его кратковременном пребывании в бассейне Сухоны. По нагару на сосуде из слоя 8 поселения Вёкса III получена новая дата $6175 \pm 35(2007/121 \text{ (K1A-49799)})$, которая подтверждает имеющиеся даты по углю из слоя.

Полученные данные позволили проследить последовательность и пути заселения террито-

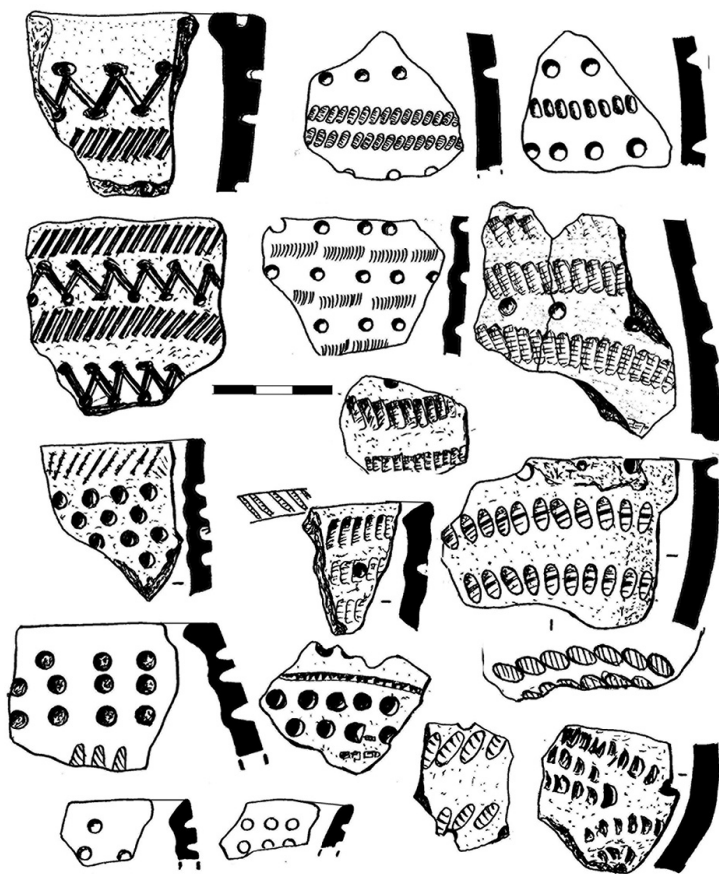

Рис. 2. Поселение Березовая Слободка I–III. Ямочно-гребенчатая керамика «северных типов»

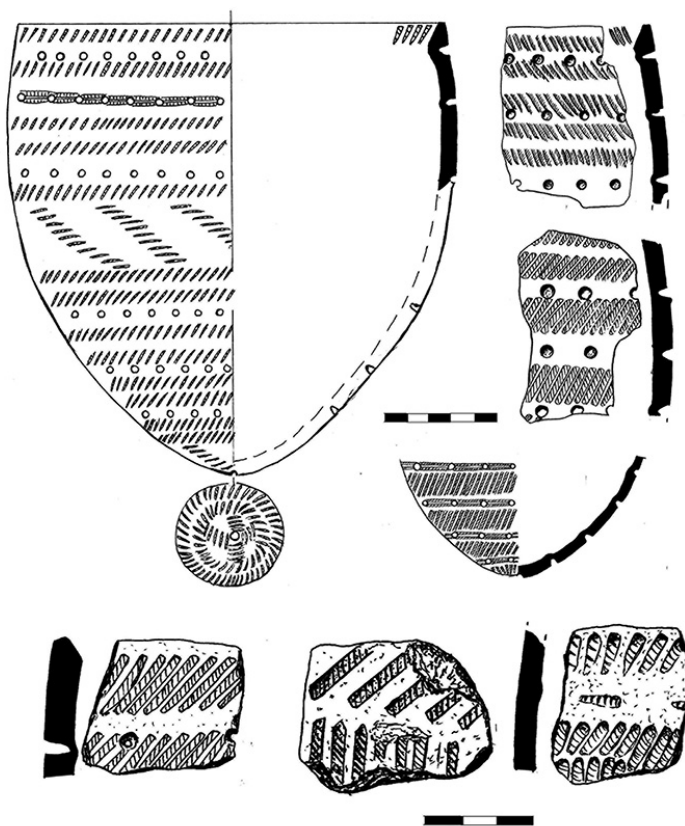

Рис. 3. Поселение Березовая Слободка II–III. Гребенчатая керамика

рии Сухоны в развитом неолите. Во второй половине V – начале IV тыс. до н. э. на верхнюю Сухону с территории Костромского Поволжья по системе рек Кострома – Обнора – Лежа – Комела продвинулись льяловские племена. Льяловские комплексы верхней Сухоны по аналогии датируются ранним и средним этапами развития культуры. Памятники поздних этапов льяловской культуры на этой территории неизвестны.

В первой половине IV тыс. до н. э. в результате процессов интеграции разнокультурных (гребенчатых и льяловских) традиций формируется население, изготавливавшее своеобразную ямочно-гребенчатую керамику «северных типов». Это население осваивает всю территорию Сухоны. Если на верхней Сухоне существуют долговременные поселения, то в отношении

нижней Сухоны следует говорить о посещении ее или о путях продвижения небольших коллективов. В середине IV тыс. до н. э. каргопольские племена активно осваивают территорию верхней Сухоны. Граница верхней и средней Сухоны фиксирует восточную границу ареала каргопольской культуры. Материальная культура этих памятников отличается единством характерных признаков для раннего и среднего этапов каргопольской культуры в целом. И если в конце неолита, энеолита на территорию верхней и частично средней Сухоны продолжается проникновение населения, обитавшего в юго-западной части Русской равнины, то на нижней Сухоне начинает преобладать юго-восточное и восточное направления расселения (Средняя Волга, Приуралье).

* Исследование выполнено при совместной финансовой поддержке РФФИ и правительства Вологодской области в рамках научного проекта РФФИ № 14 – 06-98807 «Междисциплинарные исследования многослойных стратифицированных памятников в Онежско-Сухонском регионе».

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Техничко-технологический анализ состава керамической формовочной массы и микроскопического анализа исходного сырья всех комплексов проведен в Лаборатории «История керамики» Отдела теории и методики ИА РАН доктором исторических наук Ю. Б. Цетлиным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гурина Н. Н., Крайнов Д. А. Льяловская культура // Археология. Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 1996. С. 173–182.

2. Жилин М. Г., Костылева Е. Л., Уткин А. В., Энгватова А. В. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. По материалам стоянки Ивановское VII. М.: Наука, 2002. 243 с.
3. Иванищева М. В. Ранний неолит нижнего Посухонья (по материалам раскопок поселений у д. Березовая Слободка) // Археология: история и перспективы. Ярославль, 2006. С. 85–108.
4. Лобанова Н. В. Культура ямочно-гребенчатой керамики // Археология Карелии. Петрозаводск: РИО КарНЦ РАН, 1996. С. 81–104.
5. Недомолкина Н. Г. Многослойное поселение Векса // Тверской Археологический Сборник. Тверь: Тверской объединенный музей, 2000. № 4. С. 277–283.
6. Недомолкина Н. Г. Неолитические комплексы поселений Вёкса и Вёкса III бассейна верхней Сухоны и их хронология // Тимофеев В. И., Зайцева Г. И. (ред.). Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб.: Ин-т истории материальной культуры РАН, 2004. С. 265–279.
7. Недомолкина Н. Г. Комплексы периода развитого неолита с поселения Векса III. (К вопросу о «северной» керамике) // Археология: история и перспективы. Ярославль: Рыбинский Дом печати, 2006. С. 106–113.
8. Недомолкина Н. Г. Ямочно-гребенчатые комплексы поселений Векса, Векса III и их культурная принадлежность // Русская культура нового столетия: проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда: Книжное наследие, 2004. С. 61–67.
9. Ошибкина С. В. Каргопольская культура и памятники типа Модлона // Археология. Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 1996. С. 221–228.
10. Ошибкина С. В. Неолит Восточного Прионежья. М.: Наука, 1978. 227 с.
11. Рихтер Г. Д. Север Европейской части СССР (физико-географическая характеристика). М.: Географгиз, 1946. 192 с.

Nedomolkina N. G., Vologda State Museum of History, Architecture and Decorative Arts (Vologda, Russian Federation)
Ivanishcheva M. V., Children and Youth Centre “Leader” (Vologda, Russian Federation)

SUKHONA TERRITORY DURING DEVELOPED NEOLITHIC ERA

The general cultural and historical characteristics of Sukhona river basin in the period of developed Neolithic era are given. The obtained results on the sequence and development of local tribes' settlements on the Sukhona territory during the period of developed Neolithic age are based on the analysis of contemporary sources. In the second half of the Vth – the beginning of the IVth millennium BC the upper Sukhona River was included into the zone of Lyalovo tribes' settlement. The tribes developed as a result of integrative processes of multicultural (comb and Lyalovo) traditions. The tribe members became the carriers of the pit-comb ceramics of “northern types”. In the first half of the IVth millennium BC this population reclaimed the whole Sukhona territory. In the middle of the IVth millennium BC the territories of the upper and partially of the middle Sukhona were inhabited by the tribes of Kargopol culture. The headwaters of Sukhona river, as a contact zone, were occupied by different cultural groups. The middle and the lower territories of Sukhona were characterized by the short stays of Neolithic population. At the end of the period the upper Sukhona was characterized by the south and south-western vectors of tribes' settlement (the Upper Volga region). The eastern and south-eastern vectors of settlement dominated on the territory of low Sukhona (Middle Volga, the Ural region).

Key words: archaeology, developed Neolithic, Sukhona, pit-comb ceramics

REFERENCES

1. Gurina N. N., Kravynov D. A. Lyalovo culture [L'yalovskaya kul'tura]. *Arkheologiya. Neolit Severnoy Evrazii* [Archaeology. Neolithic of the northern Eurasia]. Moscow, Nauka Publ., 1996. P. 173–182.
2. Zhilin M. G., Kostyleva E. L., Utkin A. V., Engvatova A. V. *Mezoliticheskie i neoliticheskie kul'tury Verkhnego Povolzh'ya. Po materialam stoyanki Ivanovskoe VII* [Mesolithic and Neolithic cultures of the Upper Volga. According to the materials of settlement Ivanovskoe VII]. Moscow, Nauka Publ., 2002. 243 p.
3. Ivanishcheva M. V. Early Neolithic lower Posukhonya (based on excavations settlements near the village Berезovaya Slabodka) [Ranniy neolit nizhnego Posukhon'ya (po materialam raskopok poseleniy u d. Berезovaya Slabodka)]. *Arkheologiya: istoriya i perspektivy* [Archaeology: History and Prospects]. Yaroslavl', Rybinsk Printing House Publ., 2006. P. 85–108.
4. Lobanova N. V. Culture pit-comb ceramics [Kul'tura yamochno-grebenchatoy keramiki]. *Arkheologiya Karelii* [Archaeology of Karelia]. Petrozavodsk, Karelian Research Centre Publ., 1996. P. 81–104.
5. Nedomolkina N. G. Multi-layered settlement Veksa [Mnogosloynnoe poselenie Veksa]. *Tverskoy arkheologicheskii sbornik* [Tver archaeological collection]. Vol. 4. Tver, Tver United State Museum Publ., 2000. P. 277–283.
6. Nedomolkina N. G. Neolithic complexes of the settlements Veksa and Veksa III of the Upper Sukhona basin and their chronology [Neoliticheskie komplekсы poseleniy Veksa, Veksa III basseyna Verkhney Sukhony i ikh khronologiya]. *Problemy khronologii i etnokul'turnykh vzaimodeystviy v neolite Evrazii* [Problems of chronology and ethnocultural interrelations in the Neolithic of Eurasia]. St. Petersburg, IIMK RAN Pybl., 2004. P. 265–279.
7. Nedomolkina N. G. Complexes developed Neolithic period to the settlement Veksa III. (For the question of “northern” ceramics) [Komplekсы perioda razvitoго neolita poseleniya Veksa III. (K voprosu o “severnoy” keramike)]. *Arkheologiya: istoriya i perspektivy* [Archaeology: History and Prospects]. Yaroslavl', Rybinsk Printing House Publ., 2006. P. 106–113.
8. Nedomolkina N. G. Pit-comb complexes settlements Veksa, Veksa III and their cultural identity [Yamochno-grebenchatye komplekсы poseleniy Veksa, Veksa III i ikh kul'turnaya prinaldezhnost']. *Russkaya kul'tura novogo stoletiya: problemy izucheniya, sokhraneniya i ispol'zovaniya istoriko-kul'turnogo naslediya* [Russian culture of the new century: problems of the study, preservation and use of historical and cultural heritage]. Vologda, Book heritage Publ., 2004. P. 61–67.
9. Oshibkina S. V. Kargopol Culture and Modlona's type settlements [Kargopol'skaya kul'tura i pamyatniki tipa Modlona]. *Arkheologiya. Neolit Severnoy Evrazii* [Archaeology. Neolithic of the northern Eurasia]. Moscow, Nauka Publ., 1996. P. 221–228.
10. Oshibkina S. V. *Neolit Vostochnogo Prionezh'ya* [Neolithic of the East Onega Lake region]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 227 p.
11. Rikhter G. D. *Sever Evropeyskoy chasti SSSR (fiziko-geograficheskaya kharakteristika)* [North of the European part of the USSR (physical-geographical characteristics)]. Moscow, Geografiz Publ., 1946. 192 p.

Поступила в редакцию 15.09.2014

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ СУВОРОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

Suvorov@psu.karelia.ru

ФЕРДИНАНД ЛАССАЛЬ И ЛАССАЛЬЯНСТВО В ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX–XX ВЕКОВ

Статья представляет собой обзор научной литературы, изданной в Германии с середины XIX до конца XX века. Во второй половине XIX века отсутствовали глубокие научные исследования, публиковались биографии, принадлежавшие перу почитателей Лассалья. На рубеже XIX–XX веков появляются первые попытки объективно оценить значение Лассалья в истории германской социал-демократии. В середине 1920-х годов было опубликовано значительное количество работ, приуроченных к столетию Лассалья, написанных авторами социалистической ориентации, которые выделяли неосценимые заслуги Лассалья в развитии рабочего движения. После Второй мировой войны историки ГДР со строго марксистских позиций критиковали лассальянство и одобрительно оценивали деятельность Лассалья-агитатора. Историки ФРГ выделяют социал-демократическое направление и так называемое тоталитарное. Ярким представителем второго является Ш. Нааман, считавший Лассалья противником парламентской демократии, а его теорию – основой для становления тоталитарного режима. В 1980–90-х годах значительных работ о Лассале в Германии не издавалось.

Ключевые слова: Фердинанд Лассаль, историография, социал-демократия, лассальянство, Всеобщий германский рабочий союз, оппортунизм

Жизнь и деятельность Фердинанда Лассалья (1825–1864), основателя германской социал-демократии, крупного агитатора и теоретика, привлекала внимание многих исследователей различной политической ориентации. В настоящей статье автор попытается охарактеризовать труды представителей германской исторической науки XIX–XX веков, посвященные Лассалю и лассальянству.

В германской исторической литературе о Лассале можно выделить четыре основных хронологических периода: 1) вторая половина XIX века; 2) рубеж XIX–XX веков; 3) середина 20-х годов XX века; 4) вторая половина XX века.

Первый этап, продолжавшийся с середины 60-х годов XIX века до рубежа веков, характеризуется отсутствием глубоких научных исследований. В это время были опубликованы в основном биографии, в которых Лассаль изображался крупным революционером-теоретиком, вождем германского пролетариата [6], [8], [15]. Биографии принадлежали перу почитателей Лассалья, которые стремились к созданию культа своего кумира среди германских рабочих. В этих работах лишь превозносились заслуги Лассалья, каких-либо попыток научно исследовать его теорию и деятельность предпринято не было. Единственной критически ориентированной работой этого периода была книга Б. Беккера «История рабочей агитации Лассалья» [5], где с марксистских позиций рассматривалась деятельность Лассалья по организации Всеобщего

германского рабочего союза (ВГРС), его политические акции на посту президента Союза. Б. Беккер критикует просчеты Лассалья, которые рассматривает как предательство дела пролетариата. Книга Беккера была направлена скорее на развенчание культа Лассалья, чем на создание научного исследования.

Второй период в немецкой историографии охватывает рубеж XIX–XX веков. В это время в литературе выделяются два основных направления: социал-демократическое и буржуазно-позитивистское. Учеными социалистической ориентации преследовались две цели – создание научных исследований и в то же время использование этих трудов в пропагандистских целях. Именно эти задачи ставились Ф. Мерингом, который в 1905 году опубликовал четырехтомную «Историю германской социал-демократии» [20]. Большая часть второго и третьего томов монографии посвящена Лассалю. В 1918 году Ф. Меринг выпустил в свет книгу «Карл Маркс. История его жизни» [21], где также рассматривается деятельность Лассалья, при этом автор уделяет особое внимание взаимоотношениям Лассалья и Маркса. Для Ф. Меринга названные политики – это революционеры одной величины. Лассаль представлен учеником Маркса, который «дорос до высоты его мыслей» и своими произведениями указал «путь к новой жизни сотням тысяч немецких рабочих». Исследуя положения теории Лассалья, Меринг приходит к выводу, что «Программа работников» – это «Коммунистический

манифест», отраженный в зеркале немецких условий. Ф. Меринг не отрицал ошибок и заблуждений Лассалья, но в то же время считал, что он при всех своих теоретических промахах проводил политику Маркса. Ученый в своих работах особое внимание уделяет разногласиям, имевшим место между Марксом и Лассалем. Они видятся ему результатом случайного недоразумения, не поддающимся доводам разума, и представляют собой «самую сложную психологическую проблему». Ф. Меринг постоянно пытается доказать родственность душ Лассалья и Маркса, представить первого крупным революционером, воплощающим марксовы идеи на немецкой земле. На наш взгляд, это стремление Меринга не позволило ему объективно оценить суть лассальянства и деятельность самого Лассалья.

Крупный деятель германской социал-демократии Э. Бернштейн был прекрасным знатоком трудов Лассалья. В 1904 году Бернштейн издал брошюру «Лассаль и его значение для рабочего класса» [7], в которой рассматриваются основные вехи жизненного пути Лассалья, дается характеристика его научных и агитационных сочинений. Заслуги Лассалья перед рабочим классом видятся Э. Бернштейну в том, что он разбудил пролетарское движение, «стремился воспитать рабочих для участия в политике» [7; 94]. Особо отмечается как заслуга то, что Лассаль проводил «реальную политику». Контакты с Бисмарком Бернштейн считает совершенно оправданными, так как они имели под собой практический расчет. Благоприятное воздействие на развитие германского рабочего движения оказала идея всеобщего избирательного права, именно она воспитала и сплотила немецкий пролетариат в единую партию. Без огромной агитационной кампании за введение всеобщего избирательного права, которую вел Лассаль, по мнению Бернштейна, Бисмарк ни за что бы не ввел его в 1867 году. Слабость экономической теории Лассалья Бернштейн объяснял отсталостью Германии. Он полагал, что сочинения Лассалья не утратили своей актуальности и в начале XX века и могут еще «сильно будить и оплодотворять социалистическую мысль» [7; 95]. Выказанный им в то же время лозунг «Назад к Лассалю!» подразумевал отказ от марксистских, насильственных методов завоевания политической власти и отдавал приоритет мирным, парламентским формам борьбы.

Брошюра Бернштейна во многом носила политическую направленность, автор старался найти в лассальянстве идеологическую основу для отхода германской социал-демократии от идеалов ортодоксального марксизма.

Крупнейшим представителем буржуазного направления в начале XX века был Герман Онкен. В 1904 году вышла в свет его биография Лассалья [33]. Автор с позитивистских позиций

стремился оценить роль политика в социалистическом движении. Г. Онкен приходит к выводу, что в теоретическом отношении Лассаль не был оригинален, он не создал ничего нового. «Искусство его состояло в умении пользоваться обстоятельствами, ловить момент, который иначе был бы упущен социал-демократами» [33; 356]. Деятельность Лассалья-агитатора, политика и величайшего демагога позволила ему занять видное место в новой истории Германии [33; 356].

Третий период германской историографии о Лассале охватывает середину 20-х годов, когда было опубликовано значительное количество работ, приуроченных к 100-летию юбилею со дня рождения Лассалья. Работы этого времени принадлежат в основном авторам социалистической ориентации. В статьях К. Гениша [12], К. Реннера [37], П. Кампфмейера [14] и Ф. Адлера [1] Лассаль изображался родоначальником германского рабочего движения, говорилось о том позитивном в его теории, что современная социал-демократия берет на вооружение, а именно: положение о мирных средствах борьбы, о классовом сотрудничестве, о постепенном реформировании системы и вращении в социализм.

В это же время появляются и исследовательские статьи Г. Майера, где рассматриваются различные аспекты теории и деятельности Лассалья [17], [18], [19]. Майер обращается, например, к вопросу о влиянии теории немецкого экономиста К. Родбертуса на Лассалья и считает, что концепция производственных ассоциаций с государственным кредитом появилась именно под воздействием теории названного экономиста [17; 330]. Исследуя отношения между Марксом и Лассалем, Майер приходит к выводу, что разногласия между ними основывались на недопонимании и личной антипатии [18; 530]. Главная заслуга Лассалья видится историку не в теоретических изысканиях, а в практической деятельности по созданию рабочей партии [18; 528]. В 1928 году Майер опубликовал переписку Лассалья с Бисмарком, которую он сопроводил крупной исследовательской статьей [19]. Автор констатирует, что именно контакты Лассалья с Бисмарком привели к ослаблению позиций ВГРС и к тем многочисленным ошибкам и просчетам, которые допустил Лассаль, находясь на посту президента Союза. По мнению историка, дальнейшее развитие этих контактов могло привести к прямому союзу с Бисмарком.

В 30-е годы, особенно после прихода в 1933 году нацистов к власти, значительных публикаций о Лассале не появлялось. Лишь после окончания Второй мировой войны германские историки вновь обращаются к изучению лассальянства. Послевоенный период, по нашему мнению, можно считать четвертым в германской историографии о Лассале. Он представ-

лен двумя направлениями: западногерманским и восточногерманским.

Методологической основой работ историков ГДР, естественно, был марксизм. К 100-летию образования ВГРС в Берлине вышла в свет книга Х. Хюмлера «Оппозиция против Лассаля» [13]. Автор использует огромное количество как опубликованных, так и архивных документов при рассмотрении деятельности оппозиционных сил в ВГРС, направленных против Лассаля и его последователей в период с 1862–1863 по 1866 год. Борьба оппозиции против Лассаля видится автору как борьба марксистов, прогрессивных сил против оппортунистического течения в рабочем движении Германии с целью образования революционной рабочей партии. В 1978 году в Марбурге вышла в свет книга Х. Штирнера, посвященная агитационной деятельности Лассаля [39]. Работа представляет собой попытку исследовать средства, используемые Лассалем во время агитации. Выводы автора в целом опять же идут в русле оценок, высказанных когда-то Марксом.

Пожалуй, единственным историком ГДР, занимавшимся Лассалем не один десяток лет, является Х. Ю. Фридеричи. Еще в конце 1950-х годов им была защищена кандидатская диссертация «Лассаль – политик» [9]. В 1963 году на юбилей ВГРС Х. Ю. Фридеричи откликнулся статьей «К столетию образования ВГРС» [10], а в 1985 году выпустил книгу «Ф. Лассаль. Политическая биография» [11]. Во всех работах Фридеричи со строго марксистских позиций рассматривает основные этапы деятельности Лассаля. Концепция, которой придерживается Фридеричи, истоками уходит в оценку Лассаля, высказанную Марксом. Говоря о заслугах Лассаля, которые в свое время отмечали Маркс и Энгельс, Фридеричи в то же время критикует ошибки и заблуждения Лассаля, осуждает его за оппортунизм и ошибочную политическую тактику. Каких-то новых подходов, новых оценок, оригинальных интерпретаций положений теории Лассаля, политических шагов президента ВГРС в работе нет.

После 1985 года работ на данную тему в ГДР не издавалось. Это может быть объяснено наличием строго заданной марксистской оценки Лассаля и его деятельности, что, в свою очередь, привело к снижению интереса к исследуемой тематике.

Совершенно иную ситуацию можно наблюдать в западногерманской историографии. Здесь можно выделить два основных направления – социал-демократическое и буржуазное. В 60-х годах историки ФРГ откликнулись на столетний юбилей ВГРС и столетнюю годовщину смерти Лассаля множеством публикаций.

Среди социал-демократических исследователей выделяются две группы историков. Первая, в которую входили В. Матуль [16], Х. Велер

[40], К. Андерс [4], К. Шмидт [38], была связана с правым крылом СДПГ. Авторы отрицали роль Маркса и марксистской теории в пробуждении рабочего движения в начале 60-х годов XIX века, констатировали несходство между Лассалем-теоретиком и Лассалем-политиком. Позитивным в теории Лассаля им виделась его теория государства и роль, определенная социал-демократии в этом государстве. К. Шмидт, к примеру, считает главной продуктивной идеей Лассаля – сотрудничество классов и преобразование государства силами демократии, а не борьбу с ним, к чему призывал марксизм [38; 19].

Вторая группа историков принадлежала к левому крылу социал-демократической партии Германии. Ее видный представитель Б. Андреас [2], [3] исследует в своих работах динамику роста ВГРС, роль Маркса, Энгельса и бывших членов Союза коммунистов в подготовке почвы для агитации Лассаля. Андреас считает, что Лассаль верно понял потребности исторического момента в Германии и своей деятельностью помог передовым рабочим создать политическую партию. В то же время Андреас разделяет марксистский вывод о том, что ВГРС не развился в действительную политическую партию, а все годы существования продолжал оставаться сектой. Историк признавал влияние Маркса на Лассаля, считая, что оба являются демократами одинаковой величины, а разногласия между ними объяснял психологическими причинами.

Среди буржуазных западногерманских историков выделяются также два направления. К первому принадлежат исследователи, которые рассматривали лассальянство как «буржуазно-демократическое» движение. К этой группе, в частности, относится В. Моммзен [22]. Ученый считает, что с образованием ВГРС начинается подлинно демократическое движение в Германии, а сам Союз видится ему подлинной пролетарской партией. Историческая заслуга Лассаля, по В. Моммзену, в его «государственном учении», в тактике по отношению к прусской монархии. Контакты Лассаля с Бисмарком он рассматривал как вершину политического искусства президента ВГРС и расценивал их как предпосылку реформистского перерождения германской социал-демократии и ее интеграции в существующие структуры общественной и государственной жизни.

Ярким представителем «тоталитарного» направления в буржуазной историографии ФРГ 60-х годов является Т. Рамм [34], [35], [36]. Он считал Лассаля идейным предшественником тоталитарных режимов. Требование всеобщего избирательного права, по мнению этого автора, являлось тактическим шагом, который должен был привести к установлению режима личной диктатуры и началу террора против политических противников. С точки зрения Т. Рамма, тео-

рия Лассалья не сыграла большой роли в истории германского рабочего движения. Являясь теорией национального коммунизма, она могла завоевывать сторонников до тех пор, пока не было достигнуто объединение Германии, так как до этого момента борьба за единство страны означала одновременно и борьбу против существующего государственного строя. Объединение Германии и примирение Бисмарка с либералами лишило национально-революционное движение почвы и способствовало его реформистскому перерождению. Однако самого Лассалья нельзя считать родоначальником реформизма в социал-демократии, он был революционером и коммунистом. «Его цель, – пишет Т. Рамм, – полное уничтожение существующего строя» [34; 191]. Лассаль, по мнению исследователя, был «великим предшественником того мировоззрения, которое преобразовало историю XX века» [34; 192]. В этом Т. Рамм видит историческое значение Лассалья и считает необходимым вести борьбу против лассальянства в современных условиях [34; 215].

К «тоталитарному» направлению в западногерманской историографии можно отнести Ш. Наамана [23], [24], [25], [26], [27], [28]. Крупным вкладом в разработку проблем, связанных с деятельностью Лассалья и осмыслением его теории, является обширная монография Ш. Наамана «Лассаль. Новая политическая биография» [28]. Автор всесторонне исследует этапы эволюции Лассалья, его теорию социал-демократии, политические шаги. Нааман обращает внимание на заложенные в наследии Лассалья реформистские и ревизионистские тенденции, привнесенные им в рабочее движение, и констатирует присущий Лассалю немецкий национализм в противоположность интернационализму Маркса. Исследователь считает, что включение Лассалья в рабочее движение, его выступления за всеобщее избирательное право и создание самостоятельной рабочей партии – все это лишь средства к достижению политической власти. Нааман не считает Лассалья зачинателем или реставратором рабочего движения в Германии, он лишь стремится направить часть этого движения по своему пути, который видится Нааману ложным. Историк приходит к выводу, что Лассаль стремился создать организацию на принципах «плебисцитарной демократии», в которой

отсутствуют демократические принципы выработки решений, а есть лишь «демократическое утверждение постфактум». Нааман видит Лассалья противником парламентской демократии и поборником «интегральной демократии», которая сочетает в себе сильную личную власть руководителя и безоговорочное одобрение и подчинение его действиям со стороны массы. Таким образом, теория Лассалья могла скорее стать основой для появления тоталитарного государства, чем правового, которое базируется на парламентской демократии. В 70-е годы Ш. Нааман издал несколько статей, в которых исследовал процесс зарождения ВГРС [30], политическое завещание Ф. Лассалья [29], отношения с Бисмарком [31]. Работы Ш. Наамана привлекают отсутствием в них какой-то строго заданной и довлеющей над автором концепции. Он тщательно анализирует и сопоставляет факты, его выводы, на наш взгляд, являются во многом оправданными.

Из других публикаций этого периода можно назвать лишь популярную книгу К. Уексула [41] и монографию Ф. Новы, посвященную теоретическим взглядам Лассалья [32]. Оценки авторов в целом идут в русле положений, выдвинутых Ш. Нааманом. В 80–90-х годах значительных работ о Лассале не появлялось.

Угасание интереса к Лассалю в конце 70-х годов во многом может быть объяснено наличием тех крупных исследований, которые были опубликованы на рубеже 60–70-х годов. Данная тематика не представлялась историкам перспективной и виделась ими изученной практически во всех направлениях и на самом высоком научном уровне.

Ученые ФРГ внесли важный вклад в изучение лассальянства. Обстановка идеологического плюрализма, царящая в западногерманской исторической науке, позволила им создать целый ряд первоклассных исследований, освещающих различные стороны деятельности Лассалья и положений его теории.

Знакомство отечественного читателя с работами германских исследователей затруднено тем, что лишь незначительная их часть переведена на русский язык, однако специалистам, занимающимся историей раннего рабочего движения в Европе и Германии, эти работы могут быть весьма полезными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Adler F. Lassales Weg zum Sozialismus // Der Kampf. Wien, 1921. № 9. S. 307–315.
2. Andreas B. Ein Brief aus den Anfang des lassalianischen Agitation in Duisburg-Ruhrort // Archiv für Sozialgeschichte. Hannover; Bonn, 1963. Bd. 3. S. 561–562.
3. Andreas B. Zur Agitation und Propaganda des ADAV 1863–1864 // Archiv für Sozialgeschichte. Hannover; Bonn, 1963. Bd. 3. S. 297–422.
4. Anders C. Die erste Hundert Jahre. Zum Geschichte einer demokratischen Partei. Hannover, 1963. 326 s.
5. Becker B. Geschichte der Arbeiteragitationen F. Lassalles. Braunschweig, 1874. 262 s.
6. Berg W. R. Leben und Wirken F. Lassalles. Berlin, 1893. 16 s.
7. Bernstein E. Lassalle und seine Bedeutung für die Arbeiterklasse. Berlin, 1904. 95 s.

8. Brandes G. F. Lassalle. Ein literarisches Charakterbild. Barsdorf, 1877. 266 s.
9. Friderici H. J. Der Politiker F. Lassalle // *Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig. Gesellschaftliche und sprachwissenschaftliche Reihe*, 1958–1959. № 8. S. 689–693.
10. Friderici H. J. Zum 100. Jahrestag der Gründung des ADAV // *Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung*. Berlin, 1963. № 5. S. 437–450.
11. Friderici H. J. Lassalle. Berlin, 1985. 240 s.
12. Haenisch K. Lassalle. Mensch und Politiker. Berlin; Wien, 1923. 148 s.
13. Hummler H. Opposition gegen Lassalle (Die revolutionäre proletarische Opposition im ADAV 1862/63–1866). Berlin, 1963. 244 s.
14. Kampfmeier P. Lassalle. Ein Erwecker der Arbeiterkulturbewegung. Berlin, 1925. 46 s.
15. Kohut A. Lassalle. Sein Leben und Wirken. Berlin, 1889. 210 s.
16. Matull W. Lassalle. Würzburg, 1964. 31 s.
17. Mayer G. Rodbertus und Lassalle // *Die Gesellschaft*. Berlin, 1924. Bd. 1. S. 517–530.
18. Mayer G. Bemerkungen zu Marx und Lassalle // *Die Gesellschaft*. Berlin, 1925. Bd. 2. S. 323–339.
19. Mayer G. Bismarck und Lassalle. Ihr Briefwechsel und ihre Gespräche. Berlin, 1928. 108 s.
20. Mehring F. Geschichte der deutschen Sozialdemokratie. Stuttgart, 1906. Bd. 4.
21. Mehring F. Karl Marx. Geschichte seines Leben. Leipzig, 1918. 607 s.
22. Mommsen W. Bismarck und Lassalle // *Archiv für Sozialgeschichte*. Hannover; Bonn, 1963. Bd. 3. S. 81–86.
23. Na'aman S. Die theoretischen Grundlagen der Aktionen Lassalles im Briefwechsel mit Rodbertus // *Internationale Review of Sozialhistory*. Amsterdam; Assen. 1961. № 6. S. 431–455.
24. Na'aman S. Lassalle – Demokratie und Sozialdemokratie // *Archiv für Sozialgeschichte*. Hannover; Bonn, 1963. Bd. 3. S. 21–80.
25. Na'aman S. Heine und Lassalle // *Archiv für Sozialgeschichte*. Hannover; Bonn, 1964. Bd. 6. S. 45–86.
26. Na'aman S. Von der Problematik der Sozialdemokratie als demokratischen Partei // *Archiv für Sozialgeschichte*. Hannover; Bonn, 1965. Bd. 5. S. 503–525.
27. Na'aman S. F. Lassalle, Deutsche und Jude. Hannover, 1968. 151 s.
28. Na'aman S. Lassalle. Ein neue politische Biographie. Hannover, 1971. 890 s.
29. Na'aman S. Er soll an der Organisation festhalten. Zum Wortlaut von Lassalle's Testament // *Internationale Review of Sozialhistory*. Amsterdam; Assen, 1974. № 19. S. 396–400.
30. Na'aman S. Konstituierung der deutschen Arbeiterbewegung 1862–1863. Darstellung und Dokumenten. Assen, 1975. 112 s.
31. Na'aman S. Lassalls Beziehungen zu Bismarck. Ihr Sinn und Zweck // *Archiv für Sozialgeschichte*. Hannover; Bonn, 1962. Bd. 2. S. 55–85.
32. Nova F. Lassalle als sozialistischer Theoretiker. Bonn, 1980. 114 s.
33. Oncken H. Lassalle. Stuttgart, 1904. 450 s.
34. Ramm T. F. Lassalle als Rechts- und Sozialphilosoph. Meisenheim; Wien, 1953. 225 s.
35. Ramm T. Lassalle und Marx // *Marxismus Studien*. Tübingen, 1960. Folge 3. S. 185–221.
36. Ramm T. Das Sickingendrama und Lassalles politischen Theorie // *Giessener Universitätsblättern*. Giessen. 1972. № 5. H. 2. S. 57–71.
37. Renner K. Lassalle's geschichtliche Stellung // *Die Gesellschaft*. 1925. Bd. 4. S. 309–322.
38. Schmidt C. F. Lassalle und die Politisierung der deutschen Arbeiterbewegung // *Archiv für Sozialgeschichte*. Hannover; Bonn, 1963. Bd. 3. S. 5–20.
39. Stierner H. Agitation und Rhetorik F. Lassalles in der Tradition der früher sozialistischen deutschen Arbeiterbewegung. Marburg, 1978. 298 s.
40. Wehler H. U. Sozialdemokratie und Nationalstaat. Würzburg, 1962. 281 s.
41. Uexküll C. F. Lassalle. Hamburg, 1974. 157 s.

Suvorov Yu. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

FERDINAND LASSALLE AND LASSALLEANISM IN GERMAN HISTORIOGRAPHY OF XIX AND XX CENTURIES

A review of some research literature on Lassalle's heritage published in Germany starting from the middle of the 19th century up to the end of the 20th century is presented in the article. In the second half of the 19th century there existed no in-depth research on Lassalleian legacy. Some Lassalle's biographies were published, which were in turn written by his followers. The first attempts to estimate the significance of Lassalle's contribution into the history of German social democracy were made only at the turn of the 19th and 20th centuries. In the mid-1920s, a great number of publications devoted to his 100th anniversary were published. They were written by the socialist-oriented authors who highlighted Lassalle's invaluable investment into the labor movement development. After the Second World War, some historians of the German Democratic Republic criticized Lassalle's doctrine but favored his activities as a propagandist. As a result of the study, two research trends had been developed by the western German historians: the social democratic and the so called totalitarian. S. Na'aman was a bright representative of the latter trend. He believed that Lassalle was an opponent of parliamentary democracy, and that his theory acted as a basis for subsequent totalitarian regime development. In the 1980–90s no significant works on Lassalle legacy were published in Germany.

Key words: Ferdinand Lassalle, historiography, social democracy, Lassalleanism, the General German Workers' Association, opportunism

REFERENCES

1. Adler F. Lassalles Weg zum Sozialismus // *Der Kampf*. Wien. 1921. № 9. S. 307–315.
2. Andreas B. Ein Brief aus den Anfang des lassalleianischen Agitation in Duisburg-Ruhrort // *Archiv für Sozialgeschichte*. Hannover; Bonn, 1963. Bd. 3. S. 561–562.

3. Andreas B. Zur Agitation und Propaganda des ADAV 1863–1864 // Archiv für Sozialgeschichte. Hannover; Bonn, 1963. Bd. 3. S. 297–422.
4. Anders C. Die erste Hundert Jahre. Zum Geschichte einer demokratischen Partei. Hannover, 1963. 326 s.
5. Becker B. Geschichte der Arbeiteragitationen F. Lassalles. Braunschweig, 1874. 262 s.
6. Berg W. R. Leben und Wirken F. Lassalles. Berlin, 1893. 16 s.
7. Bernstein E. Lassalle und seine Bedeutung für die Arbeiterklasse. Berlin, 1904. 95 s.
8. Brandes G. F. Lassalle. Ein literarisches Charakterbild. Barsdorf, 1877. 266 s.
9. Friderici H. J. Der Politiker F. Lassalle // Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig. Gesellschaftliche und sprachwissenschaftliche Reihe, 1958–1959. № 8. S. 689–693.
10. Friderici H. J. Zum 100. Jahrestag der Gründung des ADAV // Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin, 1963. № 5. S. 437–450.
11. Friderici H. J. Lassalle. Berlin, 1985. 240 s.
12. Haenisch K. Lassalle. Mensch und Politiker. Berlin; Wien, 1923. 148 s.
13. Hummler H. Opposition gegen Lassalle (Die revolutionäre proletarische Opposition im ADAV 1862/63–1866). Berlin, 1963. 244 s.
14. Kampfmeier P. Lassalle. Ein Erwecker der Arbeiterkulturbewegung. Berlin, 1925. 46 s.
15. Kohut A. Lassalle. Sein Leben und Wirken. Berlin, 1889. 210 s.
16. Matull W. Lassalle. Würzburg, 1964. 31 s.
17. Mayer G. Rodbertus und Lassalle // Die Gesellschaft. Berlin, 1924. Bd. 1. S. 517–530.
18. Mayer G. Bemerkungen zu Marx und Lassalle // Die Gesellschaft. Berlin, 1925. Bd. 2. S. 323–339.
19. Mayer G. Bismarck und Lassalle. Ihr Briefwechsel und ihre Gespräche. Berlin, 1928. 108 s.
20. Mehring F. Geschichte der deutschen Sozialdemokratie. Stuttgart, 1906. Bd. 4.
21. Mehring F. Karl Marx. Geschichte seines Leben. Leipzig, 1918. 607 s.
22. Mommsen W. Bismarck und Lassalle // Archiv für Sozialgeschichte. Hannover; Bonn, 1963. Bd. 3. S. 81–86.
23. Naʼaman S. Die theoretischen Grundlagen der Aktionen Lassalles im Briefwechsel mit Rodbertus // Internationale Review of Sozialhistory. Amsterdam; Assen. 1961. № 6. S. 431–455.
24. Naʼaman S. Lassalle – Demokratie und Sozialdemokratie // Archiv für Sozialgeschichte. Hannover; Bonn, 1963. Bd. 3. S. 21–80.
25. Naʼaman S. Heine und Lassalle // Archiv für Sozialgeschichte. Hannover; Bonn, 1964. Bd. 6. S. 45–86.
26. Naʼaman S. Von der Problematik der Sozialdemokratie als demokratischen Partei // Archiv für Sozialgeschichte. Hannover; Bonn, 1965. Bd. 5. S. 503–525.
27. Naʼaman S. F. Lassalle. Deutsche und Jude. Hannover, 1968. 151 s.
28. Naʼaman S. Lassalle. Ein neue politische Biographie. Hannover, 1971. 890 s.
29. Naʼaman S. Er soll an der Organisation festhalten. Zum Wortlaut von Lassalle's Testament // Internationale Review of Sozialhistory. Amsterdam; Assen, 1974. № 19. S. 396–400.
30. Naʼaman S. Konstituierung der deutschen Arbeiterbewegung 1862–1863. Darstellung und Dokumenten. Assen, 1975. 112 s.
31. Naʼaman S. Lassalls Beziehungen zu Bismarck. Ihr Sinn und Zweck // Archiv für Sozialgeschichte. Hannover; Bonn, 1962. Bd. 2. S. 55–85.
32. Nova F. Lassalle als sozialistischer Theoretiker. Bonn, 1980. 114 s.
33. Oncken H. Lassalle. Stuttgart, 1904. 450 s.
34. Ramm T. F. Lassalle als Rechts- und Sozialphilosoph. Meisenheim; Wien, 1953. 225 s.
35. Ramm T. Lassalle und Marx // Marxismus Studien. Tübingen, 1960. Folge 3. S. 185–221.
36. Ramm T. Das Sickingendrama und Lassalles politischen Theorie // Giessener Universitätsblätter. Giessen. 1972. № 5. H. 2. S. 57–71.
37. Renner K. Lassalle's geschichtliche Stellung // Die Gesellschaft. 1925. Bd. 4. S. 309–322.
38. Schmidt C. F. Lassalle und die Politisierung der deutschen Arbeiterbewegung // Archiv für Sozialgeschichte. Hannover; Bonn, 1963. Bd. 3. S. 5–20.
39. Stierner H. Agitation und Rhetorik F. Lassalles in der Tradition der früher sozialistischen deutschen Arbeiterbewegung. Marburg, 1978. 298 s.
40. Wehler H. U. Sozialdemokratie und Nationalstaat. Würzburg, 1962. 281 s.
41. Uexküll C. F. Lassalle. Hamburg, 1974. 157 s.

Поступила в редакцию 04.09.2014

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА ФЕКЛОВА

кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора истории Академии наук и научных учреждений, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
tat-feklova@yandex.ru

ПРИГЛАШЕНИЕ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ К УЧАСТИЮ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА ШПИЦБЕРГЕН И В РУССКУЮ ЛАПЛАНДИЮ В 1840 ГОДУ

На основе архивных материалов анализируется история приглашения ученых Петербургской Академии наук к участию во французской экспедиции на Шпицберген и в Русскую Лапландию в 1840 году. Основное внимание акцентируется на первоначальном процессе истории научного изучения Арктики. Эпизодическое исследование Арктики учеными было положено еще в начале XVIII века, но только в первой половине XIX века в научных кругах была признана необходимость четкого, структурированного и комплексного научного изучения данных территорий. В начале XIX века во Франции начинается первая в мире экспедиция, поставившая своей целью длительное изучение северных регионов, включающих Шпицберген, Исландию, Гренландию и пр. Петербургская Академия наук была приглашена к участию в этом проекте. Организационные и финансовые затруднения помешали осуществлению этого проекта, но рассмотрение этапов подготовки снаряжения экспедиции помогает лучше представить, как были налажены международные связи Академии наук.

Ключевые слова: Санкт-Петербургская Академия наук, 1830–40-е годы, экспедиции, Арктика, Ж. П. Гемар

Идея о том, что нереализованные проекты представляют большой интерес для историка, последнее время привлекает все больше и больше внимания. Разумеется, успешные экспедиции внесли значительный вклад в развитие как отечественной, так и международной науки. Но экспедиции, которые по тем или иным причинам не были совершены, тем не менее также интересны, так как дают массу данных как для историка научных идей, так и для специалиста по институциональной и социальной истории науки. Несвершившиеся экспедиции позволяют по-новому взглянуть на историю развития исследований в том или ином регионе. Они также могли послужить отправной точкой для организации последующих экспедиций. Именно с этой точки зрения мы предлагаем рассмотреть неосуществленный проект совместной российско-французской экспедиции по изучению Европейского Крайнего Севера 1840–1841 годов.

Целью настоящей статьи является изучение приглашения ученых Петербургской Академии наук к участию в работе французской экспедиции на Шпицберген в 1840 году. Хотя международные контакты Академии наук обычно привлекают внимание историков, попытка французов пригласить ученых Петербургской Академии наук к участию в этой экспедиции не становилась предметом подробного анализа.

30–40-е годы XIX века остаются одним из самых малоизученных периодов в истории российской науки. В связи с этим складывается не совсем правильное впечатление, что после бли-

стательного взлета екатерининского времени научная жизнь в России замерла вплоть до нового расцвета во второй половине XIX века. Однако в это время был организован ряд крупных экспедиций, в том числе и заграничных: зоолог И. Г. Вознесенский в 1839–1849 годах посещал Русскую Америку, другой зоолог А. Ф. Миддендорф в 1842–1845 годах совершил путешествие на северо-восток Сибири, ботаник В. Ф. Карвинский в 1840–1843 годах в Мексику, ботаник и бактериолог Л. С. Ценковский в 1847–1848 годах в Египет и др.

В данной статье на основе архивных материалов из Санкт-Петербургского филиала архива РАН и Российского государственного исторического архива анализируется предложение французского исследователя Ж. П. Гемара к Петербургской Академии наук об организации совместной российско-французской экспедиции для проведения постоянных и комплексных исследований на территории Крайнего Севера. Несмотря на то что совместная экспедиция так и не была организована, это приглашение является одним из примеров включенности Академии наук в международную научную сеть. В дальнейшем, прежде всего в конце XIX – начале XX века, именно изучение Русского Севера станет одним из основополагающих направлений в исследованиях Академии наук.

Рассмотренный в статье материал затрагивает два важных аспекта деятельности Академии наук: международное сотрудничество и изучение северных территорий. Вопросы, свя-

занные с изучением европейской части России и полярных областей, анализируются в работах К. Гассерта¹, В. М. Пасецкого [6], М. И. Белова [1], В. Г. Смирнова [8] и др. История освоения Новой Земли представлена в работе В. С. Корякина [3].

История жизни и деятельности одного из предполагаемых участников будущей совместной экспедиции Н. И. Железнова рассмотрена в монографии К. В. Манойленко [5]. Однако сюжету о его участии во французской экспедиции не уделено достаточного внимания.

Основным источником по истории деятельности французской экспедиции под руководством Ж. П. Гемара являются ежегодные отчеты экспедиции, содержащие большой объем материала о результатах работы экспедиции с 1838 по 1840 год².

В то же время о попытке сотрудничества Петербургской Академии наук с французской экспедицией под руководством Ж. П. Гемара есть только небольшие упоминания в научных исследованиях. Развитию этой темы и посвящена данная статья.

В 1830–40-х годах Академия наук поддерживала широкие связи с зарубежными научными центрами Европы и отдельными иностранными исследователями. Российские ученые были активно включены в международную научную деятельность. Это сотрудничество заключалось в обмене публикациями, естественно-научными коллекциями, проведении совместных экспедиционных исследований, обширной переписке. Некоторые из ученых Санкт-Петербургской Академии наук являлись почетными членами зарубежных научных обществ, а иностранные ученые становились членами Санкт-Петербургской Академии наук. Так, например, в 1851 году академик К. М. Бэр (зоолог) стал членом Шведской Академии наук; академик А. Я. Купфер (создатель бюро мер и весов и первой метеорологической сети в России) в этом же году был принят в почетные члены Лондонского Королевского общества [4; 219, 408, 415], в то же время М. Фарадей (физик) 17 августа 1831 года прислал в Конференцию Академии наук благодарственное письмо за избрание его иностранным членом Петербургской Академии [4; 224].

Помимо прямых научных контактов российские ученые ездили в зарубежные научные центры для стажировки. В частности, в 1835 году Е. Фус, бывший в то время помощником астронома при Главной астрономической обсерватории, был отправлен для усовершенствования своих знаний в практической астрономии вначале в Альтону (прусская провинция Шлезвиг-Гольштейн), а потом в Берлин и Кенигсберг.

Академия наук в первой половине XIX века также приглашала иностранных ученых из Швеции, Пруссии, Дании и Англии для участия в своих экспедиционных проектах. Это пре-

жде всего хронометрические экспедиции 1833 и 1843–1844 годов, объединившие исследователей ряда стран Балтийского региона, позволившие уточнить географические координаты Балтийского моря.

В 30-х годах XIX века во Франции постепенно создаются предпосылки для осуществления первой в мире экспедиции по изучению северных территорий, которая действовала бы на постоянной основе. В дальнейших публикациях экспедиция получила название: *Voyages de la commission scientifique du Nord, en scandinavie, en Laponie, au Spitzberg et aux Féroé, pendant les années 1838, 1839 et 1840 sur la corvette la Recherche sous la direction de M. Paul Gaimard, president de la Commission scientifique du Nord* (Экспедиция научной комиссии на Север, в Скандинавию, Лапландию, на Шпицберген и Фарерские острова в годы 1838, 1839 и 1840 на корвете «Исследование» под руководством Ж. П. Гемара, начальника научной комиссии на Север)³. Финансирование этой экспедиции взяло на себя французское правительство.

Начало научно-исследовательской экспедиции положили поиски в 1835 году пропавшего в Исландии в 1833 году французского судна «La Lilloise», которым командовал Юлий Блоссевиль (Jules-Alphonse-René Poret baron de Blosseville, географ и исследователь)⁴. В следующем, 1836 году совместно с поисковым судном в Исландию были направлены несколько ученых (первоначально поиски пропавшего судна осуществляли военные моряки, но судно не было найдено). 1837 год был посвящен изучению Шпицбергена. В 1838 и 1839 годах экспедиция посетила разные пункты северных территорий Дании, Швеции и Норвегии⁵. Основной целью французской экспедиции было всестороннее описание природы на данных территориях. Эта экспедиция позволяла натуралисту провести значительный период времени в одном географическом пункте, что выгодно отличало ее от кругосветных экспедиций. Последние, по выражению неперменного секретаря Петербургской Академии наук П. Н. Фуса, требуют от естествоиспытателя облететь весь земной шар подобно пушечному ядру и при этом исследовать весь свет во всех его глубинах и направлениях⁶. Другим плюсом в организации являлся ее международный характер. В письме, представленном в Академию наук в 1840 году, начальник французской экспедиции Ж. П. Гемар указал, что французское правительство, «устраивая все мелочные расчеты национальной ревности, старалось пригласить для участия в экспедиции как можно большее количество ученых из всех образованных северных народов»⁷.

Среди этих ученых были такие исследователи, как датский ботаник Йенс Л. М. Валь (J. L. M. Vahl, 1796–1854), датский зоолог Х. Н. Крёйер (H. N. Krøyer, 1799–1870), норвежский зоолог

К. В. Бёк (K. V. Boekh, 1808–1875), шведский зоолог К. Я. Сундеваль (C. J. Sundevall, 1801–1875), шведский офицер и исследователь флоры Шведской Лапландии Л. Л. Лестадиус (L. L. Laestadius, 1800–1861)⁸. Ученые, вошедшие в состав северной французской экспедиции, уже имели значительный научный опыт. Так, например, Йенс Л. М. Валь на 1839 год в течение 6 лет проводил ботанические исследования на территории Гренландии. В 1838–1839 годах вместе с экспедицией Ж. П. Гемара он посетил мыс Нордкап и Шпицберген. По результатам исследований Вальсом была написана «Флора Гренландии»⁹. Сам начальник экспедиции Ж. П. Гемар на протяжении трех лет, с 1817 по 1820 год, исполнял обязанности хирурга во время кругосветной экспедиции на корабле «Урания». А спустя всего 6 лет, в 1826–1829 годах, совершил второе кругосветное плавание на корабле «Астролябия», в ходе которого была обследована часть берегов Новой Зеландии и Новой Гвинеи.

Помимо прямого приглашения и дальнейшей работы в составе экспедиции иностранных специалистов участие зарубежных ученых во французской экспедиции заключалось в предоставлении инструкций от исследователей из Англии, Германии, России, Швеции и Дании для ученых из экспедиции.

Французское правительство поддерживало экспедицию не только финансово. Так, по договоренности с Норвегией в г. Бесконе (северная часть Норвегии) для нужд экспедиции была устроена временная магнитная обсерватория, в которой можно было также проводить астрономические наблюдения.

В 1840–1841 годах экспедиция планировала провести исследования в Финмаркене (северная провинция Норвегии), совершить поездку на Шпицберген и, возможно, в Русскую Лапландию. В этой связи начальник французской экспедиции Ж. П. Гемар пригласил к участию русских исследователей [9].

Письмо Ж. П. Гемара, составленное на имя министра народного просвещения С. С. Уварова, было представлено на общем собрании Академии наук, состоявшемся 13 декабря 1840 года. На собрании академик К. М. Бэр зачитал письмо начальника французской экспедиции Ж. П. Гемара. В своем письме Ж. П. Гемар представил результаты предыдущих исследований экспедиции и передал русским ученым графический чертеж магнетических наблюдений, проведенных в Бесконе и на Шпицбергене в 1839 году [4].

Для обсуждения возможности присоединения русских ученых к этой экспедиции Академия наук создала специальную Комиссию, в которую вошли академики К. М. Бэр, А. Я. Купфер и Э. Х. Ленц. Комиссия должна была решить ряд вопросов. Первым из них стал вопрос о том, какую конкретную пользу может принести участие русских ученых в экспедиции и каковы

будут их задачи в случае присоединения к экспедиции. Разрабатывался также вопрос о том, какие инструкции и сопроводительные бумаги необходимо подготовить для ученых.

Комиссией было принято решение, что от Академии во французскую экспедицию желательно направить И. А. Зиновьева (химик), Н. И. Железнова (ботаник, физиолог растений) и К. Ф. Кесслера (зоолог)¹⁰. По мнению комиссии Академии наук, участие в этой экспедиции будет означать справедливое признание значимости работ русских ученых в международном научном сообществе. Кроме того, российские исследователи получают неоценимый опыт участия в международной долговременной экспедиции. Комиссия предполагала, что петербургские ученые смогут овладеть методами европейских исследователей, научиться пользоваться новейшими приборами и проводить измерения на местности. Академия наук собиралась выплачивать жалование своим ученым из средств экономической суммы на тех же условиях, что и датское, норвежское и шведское правительства своим ученым. Комиссия Академии наук должна была снабдить своих молодых исследователей подробными инструкциями.

Основными общими целями экспедиции являлись:

1. «Проведение постоянных физических наблюдений в местах пребывания. Наблюдения планировалось проводить над температурой воздуха и почвы, над состоянием барометра, над магнетизмом Земли, в отношении к склонению, уклонению и напряжению вместе с исследованием ежечасных изменений магнитной силы, над приливами и отливами моря и т. д.
2. Ботанические исследования.
3. Исследование посещенных стран в геогностическом отношении.
4. Зоологические исследования, как в отношении к строению животных, так и к их образу жизни.
5. Этнографические исследования. Изучение физического состояния северных народов, их нравственное и политическое развитие, способы воспитания и обучения, существующие у них»¹¹.

Отправленные с экспедицией ученые должны были посылать в Академию копии со всех своих донесений, которые они будут предоставлять начальнику экспедиции с французской стороны, с тем чтобы их собственные труды могли вернее быть признаны неотъемлемым их достоянием¹², что свидетельствует о том, что Академия наук оберегала авторские права своих исследователей. Вообще пересылка трудов в Академию, обработка данных на базе Академии и публикация трудов участников за счет Академии наук была в то время достаточно распространенной практикой. Так, например, при организации научной

экспедиции 1837 года к Аральскому морю Академия наук заранее оговаривала, что полученные в результате исследований результаты будут опубликованы за счет Академии¹³. Это оговаривалось предварительно, потому что публикация трудов ученого после экспедиции могла быть осуществлена за счет денег, оставшихся после экспедиции (экспедиция зоолога А. Ф. Миддендорфа в Восточную Сибирь в 1842–1845 годах¹⁴).

После длительной предварительной организационной работы Комиссия Академии предложила также создать экспедицию по изучению северных территорий, подобную французской, на базе Петербургской Академии наук. Основанием для этого решения послужило заключение, что полученные в ходе участия во французской экспедиции знания будут способствовать тому, что собственные исследования российского Севера будут проходить быстрее и успешнее, если будут опираться на накопленный опыт. Российская империя, как было указано в донесении комиссии, обладает самой протяженной северной границей, и это требует сосредоточить внимание российского научного общества на исследовании этих территорий.

Английские ученые, по словам непременно секретаря Академии наук П. Н. Фуса, снабженные всеми необходимыми приборами и достаточными денежными средствами, совершили множество экспедиций в северные регионы, прежде всего в Америку, так что, по мнению Комиссии Академии наук, север Америки в физическом и естественном отношении исследован гораздо лучше, чем север Сибири [7]. Всеобщие и долговременные исследования, как считала Комиссия Академии наук, во многом определяют приоритет нации на пользование северными территориями. Русские ученые должны были включаться в соревнование с европейскими учеными по изучению собственных северных территорий, чтобы подтвердить право России на владение ими¹⁵.

Однако, несмотря на очевидную научную обоснованность участия в предполагаемой французской экспедиции, русские ученые так и не смогли приступить к работе. Приглашение от начальника экспедиции Ж. П. Гемара поступило в декабре, уже после закрытия финансового года, что не позволило обеспечить петербургским ученым достаточного финансирования, а на использование экономической суммы Академии наук (средства самой Академии) не было получено разрешение императора Николая I.

Таким образом, в XIX веке международные научные связи Петербургской Академии наук заключались как в осуществлении совместных экспедиций (причем приглашения об участии в этих экспедициях поступали не только от Академии, но и от отдельных зарубежных исследователей), так и в написании инструкций (для участников других организаций со стороны Академии наук), обмене приборами и коллекциями. Такое сотрудничество значительно расширяло географию академических экспедиций, а также становилось прочной основой для развития долгосрочного международного сотрудничества между Петербургской Академией наук и зарубежными научными учреждениями. Рассмотренная французская экспедиция Ж. П. Гемара стала одной из первых комплексных экспедиций, действовавших на постоянной основе, что обеспечивало этой экспедиции более полные и объективные данные из исследуемых регионов. Несмотря на то что совместная русско-французская экспедиция не состоялась, приглашение Ж. П. Гемара, поступившее в Петербургскую Академию наук, во многом подхлестнуло внимание российской научной общественности к проблемам изучения Севера. Исследование Крайнего Севера в дальнейшем (конец XIX – начало XX века, в частности, 1900–1902 годы – Русская полярная экспедиция) стало одним из наиболее приоритетных направлений в работе Санкт-Петербургской Академии наук.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гассерт К. Исследование полярных стран. Одесса: Mathesis, 1912. 206 с.

² Отчет Академии наук // Журнал министерства народного просвещения (ЖМНП). СПб., 1839. Ч. 24. С. 85–86.

³ Voyages en Scandinavie, en Laponie, au Spitzberg et aux Féroë, pendant les années 1838, 1839, 1840 sur la corvette la Recherche: In 3 vol. Paris: A. Bertrand, 1842.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 2. Д. 156. По письму Ж. П. Гемара о вызове русских естествоиспытателей принять участие во французской экспедиции на север. Л. 2.

⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 2. Д. 156. Л. 2 об.

⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 2. Д. 156. Л. 3.

⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 2. Д. 156. Л. 3 об.–4.

⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 2. Д. 156. Л. 3 об.

⁹ Dansk biografisk Lexikon // XVIII. Bind. Ubbe – Wimpffen. Kjøbenhavn. Gyldendalske Boghandel, Nordisk Forlag. Græbes Bogtrykkeri, 1904. 622 p.

¹⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 2. Д. 156. Л. 5.

¹¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 2. Д. 156. Л. 2 об.

¹² РГИА. Ф. 733. Оп. 2. Д. 156. Л. 5 об.

¹³ Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники Российской Академии наук (СПФ АРАН). Ф. 2. Оп. 1–1837. Д. 2. О снаряжении экспедиции к Аральскому морю. Л. 18.

¹⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 2. Д. 156. Л. 6.

¹⁵ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1880. Особый журнал по представлению министра народного просвещения о средствах на расходы научной экспедиции в Северную Сибирь. Ч. 3. Л. 47.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути / Морской транспорт. М., 1959. № 3. 508 с.
2. Исторические памятники второй Камчатской экспедиции. М., 2002. 216 с.
3. Корякин В. С. История изучения природной системы Новой Земли (до середины XX века): Автореф. дисс. ... д-ра геогр. наук. М., 2000. 54 с.
4. Летопись Российской Академии наук: В 4 т. Т. 2. СПб.: Наука, 2002. 620 с.
5. Маноilenko К. В. Николай Иванович Железнов, 1816–1877. М.: Наука, 2007. 246 с.
6. Пасецкий В. М. Арктические путешествия россиян. М.: Мысль, 1974. 230 с.
7. Пасецкий В. М. Русские открытия и исследования в Арктике, первая половина XIX века. Л.: Гидрометеоздат, 1984. 275 с.
8. Смирнов В. Г. Исследования Мирового океана военными моряками и учеными России, 1826–1895 гг. СПб.: ГУ-НИО, 2006. 292 с.
9. Феклова Т. Ю. Экспедиции Академии наук в первой половине XIX века: научно-организационные и административно-финансовые аспекты: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2012. 30 с.

Feklova T. Yu., Saint Petersburg Branch of the Institute for the History of Science and Technology of RAS
(St. Petersburg, Russian Federation)

INVITATION OF RUSSIAN SCIENTISTS TO PARTICIPATE IN FRENCH EXPEDITION TO SPITSBERGEN AND RUSSIAN LAPLAND IN 1840

The history of the invitation extended to the Russian Academy of Sciences to participate in the French expedition to Spitsbergen and to Russian Lapland in 1840 is analyzed. The main attention of the author is drawn to the history of the Arctic scientific study. Episodic research of the Arctic was initiated in the early XVIII century. A need for a deeper, structured, and comprehensive scientific study of these areas was realized by the scientific community at the end of the XIX century. Early in the XIX century France begins to operate the world's first expedition, which set a goal of the long-term study of the northern regions inclusive of Svalbard, Iceland, Greenland, and others. The St. Petersburg Academy of Sciences was invited to participate in this project. This expedition didn't take place due to financial and organizational problems. Though close research of the preparation process and multiple stages it involved could be very helpful in understanding of the existed international coordination between the Russian Academy of Science and other foreign organizations.

Key words: Academy of science, first half of the XIX century, expeditions, Arctic region, J. P. Gemar

REFERENCES

1. Belov M. I. *Istoriya otkrytiya i osvoeniya Severnogo morskogo puti / Morskoy transport* [History of discovery and development of the Northern Sea route]. Moscow, 1959. № 3. 508 p.
2. *Istoricheskie pamyatniki vtoroy Kamchatskoy ekspeditsii* [Historic Monuments of the second expedition to Kamchatka]. Moscow, 2002. 216 p.
3. Koryakin V. S. *Istoriya izucheniya prirodnoy sistemy Novoy Zemli (do serediny XX veka): Diss. ... d-ra geogr. nauk* [Explore the natural history of the New Earth (to the middle of XX century). Author's abstract Dr. geogr. sci. diss.]. Moscow, 2000. 54 p.
4. *Letopis' Rossiyskoy Akademii nauk* [Annals of the Russian Academy of Sciences]: In 4 vol. Vol. 2. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002. 620 p.
5. Manoylenko K. V. *Nikolay Ivanovich Zheleznov, 1816–1877* [Nikolai Ivanovich Zheleznov, 1816–1877]. Moscow, Nauka Publ., 2007. 246 p.
6. Pasetskiy V. M. *Arkticheskie puteshestviya rossiyen* [Arctic travel of the Russians]. Moscow, Mysl' Publ., 1974. 230 p.
7. Pasetskiy V. M. *Russkie otkrytiya i issledovaniya v Arktike, pervaya polovina XIX veka* [Russian discoveries and investigations of the Arctic, first half of the XIX century]. Leningrad, Gidrometeoizdat Publ., 1984. 275 p.
8. Smirnov V. G. *Issledovaniya Mirovogo okeana voennymi moryakami i uchenymi Rossii, 1826–1895 gg.* [Investigation of the World Ocean by Russian seamen and scientists from Russia 1826–1895]. St. Petersburg, GUNIO Publ., 2006. 292 p.
9. Feklova T. Yu. *Ekspeditsii Akademii nauk v pervoy polovine XIX veka: nauchno-organizatsionnyy i administrativno-finansovyy aspekty: Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk* [Expeditions of the Russian Academy of science in the first half of the XIX century: scientific, organization, administrative and financial aspects: Author's abstract on scientific degree of candidate of historical sciences: Author's abstract. PhD. hist. sic. diss.]. St. Petersburg, 2012. 30 p.

Поступила в редакцию 16.06.2014

АННА ВАЛЕРЬЕВНА ДЖАПАРИДЗЕ
преподаватель кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
eco-anna@rambler.ru

ИСТОРИЯ ВОЕННО-СПОРТИВНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ «ЛЫЖНЯ АНТИКАЙНЕНА»*

Анализируется период становления массовых молодежных военно-спортивных соревнований «Лыжня Антикайнена», проводившихся в Карелии в 1968–1988 годах. Раскрываются предыстория и сущность соревнований, называются имена первых победителей, показывается социальный эффект данного проекта. Причины успеха соревнований автор видит в развитии чувстве патриотизма и стремлении к здоровому образу жизни у значительной части советской молодежи, а также в существовавшем в советском обществе 1960-х годов интересе к жизни и подвигам героев Гражданской и Великой Отечественной войн. Актуальность исследования отвечает запросу современного общества: туристские лыжные походы по местам боевой славы способствуют развитию патриотизма, показывают необходимость постоянных тренировок, формируют лидерский и творческий потенциал. Ключевые слова: Карелия, советское общество в конце 1960-х – начале 1970-х годов, военно-патриотическая деятельность

В настоящее время происходит процесс переосмысления советского периода нашей страны. После господствовавшего в 1990-е годы тотального отрицания всего позитивного, что было в истории СССР в последние десятилетия его существования, начинается более взвешенное и объективное восприятие советского прошлого эпохи так называемого застоя, в основе которого лежит не безудержное восхваление или очернение происходивших тогда процессов и явлений, а вдумчивый анализ.

Целью данной статьи является изучение зарождения массового молодежного движения «Лыжня Антикайнена», существовавшего в Карелии в 1968–1988 годах. Свое название данное движение получило от имени финского коммуниста, активного участника Гражданской войны на территории Карелии Тойво Антикайнена (1898–1941), прославившегося тем, что в январе – феврале 1922 года во главе отряда из 136 финских курсантов Интернациональной военной школы совершил рейд по тылам противника – карельских антибольшевистских повстанцев и поддерживавших их финских добровольцев. Отряд Т. Антикайнена с боями прошел 980 (по другим данным – даже 1100) километров и своими действиями способствовал подавлению Карельского восстания 1921–1922 годов¹.

В последующие годы лыжный поход отряда Т. Антикайнена по тылам противника стал усиленно мифологизироваться как пример стойкости, героизма и верности коммунистическим идеалам его участников и военного таланта самого Т. Антикайнена. В 1933 году вышла повесть для детей и юношества писателя Г. С. Фиша «Падение Кимас-озера», впоследствии многократно переизданная. В 1937 году на киностудии «Ленфильм» по повести Г. С. Фиша был создан фильм «Падение Кимас-озера», в котором роль Т. Антикайнена сыграл Олег Жаков.

К тому времени Т. Антикайнен был направлен на подпольную работу в Финляндию, в ноябре 1934 года он был арестован и в июне 1936 года приговорен к пожизненной каторге. В мае 1940 года Т. Антикайнен был освобожден из тюрьмы и уехал в СССР, где в этом же году был избран депутатом Верховного совета СССР от Карело-Финской ССР. Т. Антикайнен погиб под Архангельском в авиационной катастрофе 4 октября 1941 года. Фактически с середины 1930-х годов Т. Антикайнен стал национальным героем Карелии и образцом для подражания. Уже в этот период начались походы лыжников по маршруту Т. Антикайнена. Это делалось в пропагандистских и воспитательных целях, чтобы сделать такие походы школой воспитания, экзаменом на мастерство, мужество и выносливость и привить молодежи коммунистические идеалы.

В 1935 году группа карельских лыжников под руководством бывших бойцов отряда Т. Антикайнена – А. Анттила и Э. Ояла – повторила лыжный поход на Кимасозеро. В феврале 1941 года по маршруту Петрозаводск – Кимасозеро – Петрозаводск прошел отряд из 20 лыжников во главе с Н. Тибуревым. В 1958 году этим же маршрутом – отряд лыжников Карелии во главе с ветераном войны В. Ф. Сайковым.

Возобновление походов на Кимасозеро в конце 1950-х годов, вероятно, было связано с тем, что почти все финны – участники рейда Т. Антикайнена в 1922 году погибли в ходе сталинских репрессий конца 1930-х годов и были реабилитированы после XX съезда КПСС в 1956 году. Реабилитация жертв сталинских репрессий вызвала новый подъем интереса к личности Т. Антикайнена. В 1960-е годы в Петрозаводске появилась улица Антикайнена (старое название – Гористая) [2; 83–87]. В 1968 году Совет Министров Карельской АССР принял решение о сооружении памятника Т. Антикайнену в Пе-

трозаводске. На пересечении улиц Антикайнена и Красной был даже заложен закладной камень, но памятник так и не был сооружен. В 1970 году в петрозаводском издательстве «Карелия» вышла документальная повесть У. Викстрема «Тойво Антикайнен».

20 января 1968 года редакция газеты «Комсомолец», издававшейся Карельским областным комитетом ВЛКСМ, и штаб «Снежный десант» дали старт заочным республиканским военно-спортивным соревнованиям молодежи на приз газеты «Комсомолец» «Лыжня Антикайнена». Автором идеи соревнований был главный редактор газеты «Комсомолец» в 1966–1971 годах А. И. Валентик.

Идея новых соревнований органично следовала из богатых лыжных традиций Карелии, а имя Т. Антикайнена должно было придать этим соревнованиям «правильную» идеологическую окраску. Заочная форма соревнований делала их максимально доступными каждому.

В дальнейшем положение о соревнованиях публиковалось в «Комсомольце» ежегодно в ноябре – декабре. Подведение итогов происходило дважды – по итогам лыжной гонки молодежи Петрозаводска на приз газеты «Комсомолец» в январе и по итогам отчетов батальонов и отрядов о пройденных маршрутах в марте. Согласно первому положению участие в соревнованиях принимали отряды численностью не менее 20 человек, созданные в образовательных учреждениях, на промышленных предприятиях и в совхозах, госучреждениях и воинских подразделениях.

Батальон (отряд), занявший первое место, награждался переходящим призом редакции газеты «Комсомолец» «Победителю республиканских военно-спортивных соревнований “Лыжня Антикайнена”». Название отряда было выгравировано на призе. Отряды – призеры соревнований награждались почетными дипломами, а их бойцы – значками «Победителю соревнований “Лыжня Антикайнена”». Десять лучших отрядов заносились в «Книгу победителей»².

Вскоре после публикации положения о соревнованиях «Лыжня Антикайнена» в редакцию газеты «Комсомолец» стали поступать заявки на участие и первые донесения-сообщения с трасс походов. Эти донесения публиковались в каждом номере газеты.

Всего за два с небольшим месяца зимы 1968 года «Лыжня Антикайнена» стала поистине массовым движением, под свой флаг она собрала 90 лыжных отрядов, 1800 участников. Участники соревнований прошли более 10 тысяч километров. Итоги первого года соревнований были подведены 12 апреля 1968 года на заседании бюро Карельского обкома ВЛКСМ [3; 47, 49]. Победителями первого года были признаны отряд «Сампо» Петрозаводского госуниверситета, отряд «Марс» Всесоюзной ударной стройки в Кондопоге и отряд «Пуникки» Ребольской средней школы Муезерского района. В этом же году

турклуб «Сампо» был назван и в числе лучших туристских клубов страны, а редакция газеты «Комсомолец» за организацию соревнований «Лыжня Антикайнена» была награждена специальным призом газеты «Комсомольская правда» и признана победителем Всесоюзного конкурса молодежных газет.

Каждый туристский отряд имел право выбирать лыжный маршрут по своему усмотрению, исходя из своих возможностей. В зачет шел любой поход – и многодневный, и двухдневный (в выходные дни). Главное, чтобы каждый участник соревнований за зиму в составе лыжного отряда прошел не менее 100 километров, умел быстро поставить палатку и разжечь костер на снегу. В походах молодые лыжники выступали с концертами, рассказывали о рейде Т. Антикайнена, помогали ветеранам войны и труда, оказывая им бытовую помощь, вели дневник, фотографировали, собирали материал об интересных людях, местных достопримечательностях.

Во второй год соревнований (1968–1969) штаб «Лыжни Антикайнена» углубляет свою работу над качеством подготовки отрядов – на страницах газеты «Комсомолец» организуется «Заочный консультпункт», где рассказывается об основах топографии, приемах самбо, печатаются советы туристам. Специально для участников соревнований под Петрозаводском проводятся лично-командные соревнования по спортивно-му ориентированию. В течение зимы публикуются материалы по истории походов по следам отряда Т. Антикайнена, информация о красных курсантах, участниках легендарного рейда³.

Зимой 1969 года в заочных военно-спортивных соревнованиях «Лыжня Антикайнена» приняли участие 75 отрядов (около 1500 человек). Победителем стал батальон «Азимут» (в составе 8 отрядов) Петрозаводского госуниверситета им. О. В. Куусинена. Второе место присудили отрядам «Пуникки» и «Вертикаль» Ребольской средней школы Муезерского района. Третье место занял отряд «Север» средней школы № 9 г. Петрозаводска.

Первые соревнования проходили под контролем комсомольской и партийной организаций Петрозаводского госуниверситета. В феврале 1969 года перед отъездом в поход студентов университета пригласили в партком. Заместитель секретаря М. Ф. Готман пожелал им счастливого пути. Ректор университета В. В. Стефанихин⁴ отметил, что «одна из задач похода – агитационная работа среди местного населения. Вы расскажете труженикам северных районов о предстоящих выборах в местные советы, встретитесь со школьниками и проведете беседы о нашем университете»⁵.

К третьим заочным военно-спортивным соревнованиям (1969–1970 годы) допускались отряды численностью не менее 5 человек. В рамках пионерской игры «Зарница» в соревнованиях стали участвовать и младшие школьники. Каж-

дый участник должен был пройти не менее 100 километров на лыжах, участвовать в соревнованиях по лыжному спорту или в соревнованиях по нормативам ГЗР⁶, овладеть туристскими навыками, научиться стрелять, пользоваться противогазом, средствами индивидуальной «противоатомной и противохимической» защиты, овладеть несколькими приемами самбо, научиться оказывать первую медицинскую помощь. В положении подчеркивалось, что наиболее подготовленные лыжники-туристы примут участие в 1000-километровом маршруте, по которому в 1922 году прошли курсанты Петроградской интернациональной военной школы во главе с Т. Антикайненом⁷.

По маршрутам Карелии прошли также отряды из других районов страны. Рязанский клуб «Альпайр» прошел первым из «иногородних» отрядов по лыжне Антикайнена еще в 1969 году по приглашению турклуба «Сампо» [1; 111–112].

Третий сезон соревнований был ознаменован 50-летием освобождения Советского Севера от иностранных интервентов. Отряды Медвежьегогорского, Суоярвского, Муезерского, Кондопожского, Сегежского, Кемского, Калевальского районов, города Петрозаводска прошли поэтапно весь тысячекilометровый маршрут похода красных курсантов, провели большую агитационно-массовую работу. Отличились опять «самповцы», прошедшие весь путь отряда Т. Антикайнена. Всего приняли участие в соревнованиях 70 отрядов и около 4 тысяч человек. Победителем стал батальон «Азимут» в составе 8 отрядов Петрозаводского госуниверситета им. О. В. Куусинена. Второе место присудили батальону «Онего» Кондопожской средней школы № 1. Третье место – отрядам «Пуникии» и «Вертикаль».

В четвертых соревнованиях 1970–1971 годов побеждает батальон «Факел» петрозаводского завода «Тяжбуммаш», проводивший огромную поисковую работу. Члены заводского клуба шли в походы для встречи с бывшими партизанами, проводили вечера в школах и клубах, возлагали венки на братские могилы. На одной из просек в калевальской тайге развесили на деревьях траурные ленты в память о погибших там партизанах⁸.

Соревнования 1972 года посвящены юбилею создания СССР и 50-летию рейда Т. Антикайнена. Впервые был проведен поход молодежи Карелии по маршруту отряда Т. Антикайнена. «120 туристов – патриотов, объединенных в шесть отрядов – представители почти всех районов республики, туристских клубов, секций туризма, коллективов физкультуры Петрозаводска, прошли по этому маршруту 600 километров. Вместе с ними в походной колонне были следопыты туристского клуба “Электрон” из Казани»⁹. Подготовка к старту началась заранее. «Самповцы» со школьными клубами «Онего» (школа № 1 г. Кондопоги) и «Горизонт» (школа № 10 г. Петрозаводска) организовали передвижной туристско-оздоровительный лагерь на маршруте Эссойла – Крошнозеро – Пряжа – Пе-

трозаводск. Активисты «Факела» создали школу руководителей походов, для того чтобы подготовить школьные отряды к игре «Зарница».

В пятых заочных военно-спортивных соревнованиях молодежи Карелии «Лыжня Антикайнена-72» на приз газеты «Комсомолец» участвовали 225 отрядов – почти 5700 человек. Отряд «Полярный» турклуба «Сампо» совершил 1100-километровый переход по маршруту Петрозаводск – Мурманск. Лучшим в 1972 году стали батальон «Азимут» (6 отрядов), батальон «Факел» Тяжбуммаша (3 отряда) оказался на втором месте, а турклуб «Онего» Кондопожской школы № 1 – на третьем.

По словам Юрия Степановича Ланева – руководителя турклуба «Сампо», в соревнованиях была своя острота: «Все хотели попасть в отряд, но отбирали лучших. Плач стоял. Ребята ведь сильно готовились с помощью походов выходного дня, ночевки в лесу, бега»¹⁰. На вопрос о том, как уживались спорт, туризм и коммунистическая подоплека соревнований, Ланев отвечает: «Мы откровенно Антикайнена считали героем, не искали никакого подвоха, нас черная сторона не интересовала. Мы беседовали с местными жителями, уточняли обстоятельства операции, пытались проследить судьбу участников рейда. В отряде были интереснейшие люди. Они верили, что в этой стране строят новую жизнь. Меня задело, как они смогли пройти 100 км за 1 день по лесу! Это была серьезная мотивация. Наши походы интересовал соратник Антикайнена – Иван Михайлович Петров (Тойво Вяха)¹¹, звонил домой, спрашивал, как мы прошли поход. Эмиль Вильгельмович Тойкка¹² принимал нас у себя». Эффект от «Лыжни Антикайнена» в плане патриотического воспитания был колоссален – выпускники школ № 9 и 10 г. Петрозаводска с желанием отправлялись служить в армию, выпускники Петрозаводского госуниверситета становились председателями туристических секций в школах республики. За 20 лет агитпоходов антикайненцы из Петрозаводского госуниверситета провели 1009 выступлений о военно-патриотическом воспитании молодежи. Только в газете «Петрозаводский университет» было опубликовано 526 материалов [4; 18].

Результатом «Лыжни Антикайнена» было массовое увлечение походами по местам боевой славы, а также лыжным спортом, спортивным туризмом. В ходе соревнований успешно осуществлялась пропаганда патриотизма и здорового образа жизни, выполнялись нормы ГТО. Важным сектором работы был поиск и установление сведений о героях Гражданской и Великой Отечественной войн. Мотивация участников первых соревнований базировалась на желании преодолеть себя, утолить жажду открытий, принести пользу местному сообществу. Лыжные походы ориентировали участников на выполнение технически сложных заданий, показывали необходимость постоянных тренировок, проявляли творческий подход к туризму.

Таким образом, в 1968–1972 годах были заложены традиции проведения военно-спортивных соревнований «Лыжня Антикайнена», определены формы ее проведения, сформировался актив, который из года в год участвовал в этих соревнованиях. «Лыжня Антикайнена» показала свою жизнеспособность и востребованность и существовала более 20 лет, получив всесоюзную известность.

22 февраля 1987 года в поселке Муезерский состоялся большой праздник, посвященный 20-летию соревнований «Лыжня Антикайнена», на который собралось несколько сотен представителей лыжных отрядов из всех районов Карелии.

Но в конце 1980-х годов в условиях кризиса коммунистической системы начался отказ от идеологически окрашенных форм рабо-

ты с молодежью. В 1990 году редакция газеты «Комсомолец» приняла решение прекратить соревнования «Лыжня Антикайнена» как «воспитывающие молодежь в милитаристском духе»¹³.

В настоящее время возросла потребность общества в новых формах работы с молодежью с целью воспитания здорового и патриотически настроенного поколения. Необходимо воспитывать молодежь на примерах героизма и мужества, формировать у нее потребность в физическом и нравственном самосовершенствовании. Нужны новые проекты, направленные на массовое вовлечение молодежи и школьников в спортивную, туристическую и поисковую деятельность. И здесь опыт «Лыжни Антикайнена» может быть востребован.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Оценка событий Гражданской войны в Карелии и роли в ней Т. Антикайнена не входит в задачи данной статьи. Об этом см. [5].
- ² Лыжня Антикайнена // Комсомолец. 1968. 20 января.
- ³ Называем победителей // Комсомолец. 1969. 20 апреля.
- ⁴ Стефанихин Владимир Васильевич (1906–1984) – канд. экон. наук, ректор Петрозаводского государственного университета в 1957–1973 годах.
- ⁵ Трасса мужества // Петрозаводский университет. 1969. 7 февраля.
- ⁶ ГЗР – комплекс спортивных нормативов «Готов к защите родины» был введен в начале 1965 года постановлением ЦК ВЛКСМ, Центрального совета Союза спортивных обществ и организаций СССР и ЦК ДОСААФ как самостоятельная двухступенчатая ступень в комплексе ГТО («Готов к труду и обороне»). Выполнявшим нормативы комплекса ГЗР выдавались значки 1-й и 2-й степеней. Эта система действовала до 1 марта 1973 года.
- ⁷ И снова – «Азимут»! // Комсомолец. 1970. 21 апреля.
- ⁸ Сын нашел место гибели отца // Карелия. Общественно-политическая газета Республики Карелия. 2014. № 94. 20 ноября // Карелия официальная. Официальный портал органов государственной власти Республика Карелия [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.gov.karelia.ru
- ⁹ И снова – «Азимут»! // Комсомолец. 1970. 20 апреля.
- ¹⁰ Интервью с Ю. С. Ланевым – руководителем турклуба «Сампо» с 1964 по настоящее время – записано автором 10 сентября 2014 года в г. Петрозаводске.
- ¹¹ Петров Иван Михайлович (Тойво Вяха) (1901–1984) – участник лыжного похода Т. Антикайнена, последние годы жизни провел в Петрозаводске, автор воспоминаний.
- ¹² Тойкка Эмиль Вильгельмович – участник лыжного похода Т. Антикайнена, в качестве военного советника участвовал в гражданской войне в Испании, с 1942 года – генерал-майор артиллерии, последние годы жизни провел в Москве.
- ¹³ А. Валентик. Нетающая лыжня // Лыжня Антикайнена [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.library.karelia.ru/antikaiken/content/disk.html

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горин В. «Лыжня Антикайнена» в «Альтаире» // Планета Альтаир: Хроники былого (1967–2007). Рязань, 2007. 224 с.
2. Кондратьев Ф. Наши улицы. 2-е изд. Петрозаводск, 1965. 150 с.
3. Летопись комсомола Карелии. 1920–1980. Петрозаводск, 1980. 149 с.
4. Об опыте работы туристического клуба «Сампо» [Сост. Ю. С. Ланев; Под ред. Л. Г. Кирилловой]. Петрозаводск, 1988. 40 с.
5. Тойво Антикайнен: жизнь и подвиг / Авт.-сост.: Ю. Шлейкин, А. Валентик. Петрозаводск, 2008. 144 с.

Dzhaparidze A. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

HISTORY OF SPORT AND MILITARY COMPETITION “SKI-TRACK OF ANTIKAYNEN”

The process of the mass youth military and sport competition «Ski-track of Antikaynen» establishment is studied and analyzed. The event was widely practiced in Karelia during the 1968–1988s. The history and the essence of this event are described, the names of the champions are listed, the social meaning and subsequent effect on the life of the Soviet society are revealed. A deep feeling of patriotism, a desire for a healthy life style, and a sincere interest in the life of the heroes of the Civil and Great Patriotic wars among the Soviet youth of the 60s became the reason of its success. Ski trips to the places of war glory contributed to the growth of patriotic movement. They revealed the need for regular physical training, as well as the need for leadership skills' development and creative abilities' enhancement in young people.

Key words: Karelia, Soviet society in the late 1960's and early 1970's, military and patriotic activities

REFERENCES

1. Gorin V. “Ski-track of Antikaynen” in Altair [“Lyzhnyia Antikaynen” v “Al'taire”]. *Planeta Al'tair: Khroniki bylogo (1967–2007)* [Planet Altair: chronicles of the past]. Ryazan', 2007. 224 p.
2. Kondrat'ev F. *Nashi ulitsy* [Our streets]. Petrozavodsk, 1965. 150 p.
3. *Letopis' komsomola Karelii. 1920–1980* [Record of the Komsomol of Karelia]. Petrozavodsk, 1980. 149 p.
4. *Ob opyte raboty turisticheskogo kluba “Sampo”* [On the experience of the tourist club “Sampo”] / Compiler Yu. Lanev, redactor L. Kirillova]. Petrozavodsk, 1988. 40 p.
5. *Toivo Antikaynen. Zhizn' i podvig* [Toivo Antikaynen. The Life and the feat] / Compiler Y. Shleykin, A. Valentik. Petrozavodsk, 2008. 144 p.

Поступила в редакцию 26.11.2014

ОКСАНА ЮРЬЕВНА РЕПУХОВА

старший преподаватель кафедры отечественной истории
Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
Repukhova@yandex.ru

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ПОДГОТОВКА В КАРЕЛИИ В ПРЕДВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ*

В работе раскрывается малоизученная история мобилизационной подготовки в Карелии 1930-х годов. Рассматривается ее институционализация на региональном уровне. Проанализирована динамика угрожаемых зон приграничной Карелии. Основное внимание уделено вопросам военно-гражданской инфраструктурной и эвакуационной подготовки в Карелии. Обоснован вывод о том, что реализация запланированных показателей инфраструктурной военно-гражданской мобилизационной подготовки отставала от динамики роста угрожаемого пространства республики. В результате были форсированы только не требовавшие значительных финансовых вложений и объема строительных работ направления мобилизационных планов, а объем эвакуационного вывоза – сокращен. Основные мероприятия мобилизационной подготовки были переведены в план скрытой мобилизации.

Ключевые слова: СССР, Карелия, мобилизационная подготовка, приграничная территория, угрожаемые зоны, инфраструктурная подготовка, эвакуационная подготовка, мобилизационные планы, эвакуационные планы

В отечественной историографии разрабатываются концепции мобилизационной модели и мобилизационной подготовки, оказавшие существенное влияние на довоенную историю СССР [2], [6], [10]. Исследователи активно изучают социально-экономические аспекты истории, роль границ и контактных зон в истории и культуре Карелии [1], [11], историю политического, военно-стратегического, дипломатического, разведывательного противостояния СССР и Финляндии [3], [4], [5]. Постепенно формируется представление о динамике пограничной полосы в пространстве республики, повлиявшей на определение пограничного статуса Карелии [8], [9]. При этом мобилизационная подготовка, детерминировавшая эти процессы в межвоенный период, до сих пор не рассматривалась как специальный предмет исследования.

Институционализация мобилизационной подготовки на общегосударственном уровне началась в 1923 году с разработки нормативных документов и определения угрожаемых зон по степени опасности расположения на возможном театре военных действий. Сформулированные в течение 1923–1925 годов цели и задачи мобилизационной подготовки были положены в основу разработанного Центральным межведомственным мобилизационным комитетом (ЦММК) и утвержденного 11 августа 1926 года Постановлением Совета труда и обороны СССР (СТО СССР) «Положения о подготовительном к войне периоде»¹. Согласно Положению, подготовительный период делился на первый подпериод (с момента осложнения международных отношений до момента выявления неизбежности столкновения – скрытая мобилизация) и второй

подпериод (с момента выявления неизбежности столкновения до открытого объявления мобилизации – эвакуационная подготовка).

Основная часть подготовительных мероприятий разрабатывалась в рамках мобилизационных планов (МП) и относилась к первому подпериоду. Целью скрытой мобилизации являлись подготовка приграничных территорий к обороне и максимальное снижение издержек срочной эвакуации. Эвакуационная подготовка должна была обеспечить стабильное функционирование экономики в тыловых районах в экстремальных военных условиях и предполагала разработку эвакуационных планов (ЭП) [6].

Составление эвакуационного плана было возложено на Центральный мобилизационный отдел Наркомата путей сообщения (ЦМО НКПС). 3 марта 1927 года ЦММК был утвержден первый план эвакуации². В 1928 году СТО СССР утвердил Постановление «О вывозе из угрожаемых неприятелем районов ценного имущества, учреждений, предприятий и людских контингентов»³. Документом регулировались основные вопросы эвакуационной работы и формирование системы эвакуационных совещаний: Центральное межведомственное эвакуационное совещание (ЦМЭС) при штабе РККА, окружные МЭС – при штабах приграничных округов, ЦМО НКПС.

Проблемами инфраструктурной подготовки северо-западных пограничных территорий до конца 1926 года занималась Административно-финансовая комиссия (АФК) при СНК СССР во главе с В. П. Милютиным⁴. Карельское правительством, со своей стороны, выдвигало предложения по поддержке пограничных районов.

Председатель СНК АКССР Э. А. Гюллинг еще в феврале 1925 года изложил проект комплекса мероприятий, ориентированных на решение экономических и социальных проблем пограничных уездов Карелии⁵. Многие идеи, совпадавшие с общесоюзными мобилизационными интересами, высказанные в проекте карельского правительства, в дальнейшем были реализованы.

Существенный для инфраструктурной мобилизационной подготовки вопрос об ограничении строительства крупных промышленных предприятий общесоюзного значения был поднят по инициативе Штаба РККА СССР в 1925 году⁶. Ограничение развертывания производственных мощностей в приграничье, обеспечивающее снижение эвакуационной нагрузки, должно было сочетаться с установкой на ускоренное социально-экономическое развитие этих районов. На приграничные районы возлагалась задача обеспечения тыла армии в экономическом и политическом отношении. Постановлением Расширенного заседания СТО СССР от 30 апреля 1928 года было введено ограничение на строительство промышленных предприятий, имеющих важное государственное значение в Западной приграничной полосе. Постановление вызвало протесты со стороны регионального руководства субъектов СССР. В результате межведомственной борьбы постановление от 30 апреля 1928 года осталось в силе, но было принято решение об индивидуальной оценке значения каждого проектируемого к постройке предприятия в Западной приграничной полосе⁷. На этой основе, по настоянию ВСНХ СССР, Карельская АССР была изъята из перечня территорий, где действовало ограничение на строительство, в период с 30 апреля по 13 июня 1928 года для продолжения работ по введению в строй Кондопожской бумажной фабрики и Кондопожской электростанции⁸.

С принятием «Положения о подготовительном к войне периоде» подготовка и осуществление инфраструктурной мобилизационной подготовки на пограничных территориях были поручены мобилизационному аппарату, структура которого формировалась вне штатного расписания гражданских наркоматов, ведомств, предприятий и через ЦММК подчинялась СТО СССР. При карельском правительстве было создано Межведомственное мобилизационное совещание (ММС). В секретариате СНК АКССР работали специальные инструкторы по мобилизационно-оборонной подготовке, а во всех наркоматах, учреждениях и РИК – мобилизационные ячейки⁹.

Для корректирования инфраструктурной подготовки в Западных пограничных районах при ЦИК соответствующих республик и автономий были созданы специальные пограничные

комиссии и пограничные фонды¹⁰. В комиссии входили уполномоченный ЦИК по развитию пограничных районов, заместитель начальника ГПУ и руководители наркоматов. Финансирование мобилизационной работы предполагалось долевым с участием союзного бюджета, бюджетов автономной республики и областей.

В 1926 году, исходя из оперативной картины начального периода будущей войны на западном ТВД, Карельская АССР, г. Ленинград с прилегающим районом, Западная область РСФСР, БССР, Правобережье УССР и Крымская ССР были включены в состав Западной угрожаемой зоны СССР. С апреля 1927 года Западная угрожаемая зона была разделена на секторы, что давало возможность корректировать вывоз людских и материальных ресурсов, проводя его лишь из того сектора, которому непосредственно угрожал противник¹¹. Каждый сектор был разделен на первую и вторую угрожаемую зоны (по степени опасности расположения на театре военных действий). С 1928 года в пределах первой угрожаемой зоны были определены особо угрожаемые районы. Так, в Карельском секторе первой угрожаемой зоны особо угрожаемыми районами считались Сямозерский, Видлицкий, Олонецкий, Святозерский и Прионежский, то есть южные районы республики, которые прикрывали подступы к Ленинграду с севера и востока [6].

В предвоенное десятилетие размер угрожаемых территорий в Карельском секторе Западной угрожаемой зоны СССР увеличивался. Для центральных властей стимулом к расширению угрожаемых территорий выступало прежде всего менявшееся со временем представление о степени угрозы безопасности западных рубежей Советского государства. В условиях долевого финансирования мобилизационной подготовки и фактически аннулированных бюджетных прав АКССР [3; 131] карельское правительство, испытывая дефицит в республиканском бюджете, настаивало на увеличении числа угрожаемых районов, рассчитывая переложить недостающую часть средств на бюджет РСФСР. С марта 1929 года правительство АКССР ходатайствовало перед СНК РСФСР о включении в список угрожаемых районов Кестенгского, Ухтинского, Ребольского, Петровского, Ругозерского¹². В декабре 1932 – январе 1933 года правительство Э. А. Гюллинга дважды обращалось в ЦМЭС с просьбой о включении в угрожаемую зону (первую и вторую) всей территории АКССР, кроме Пудожского района¹³. Но эти просьбы оставались без удовлетворения, а летом – осенью 1935 года финское руководство республики было смещено.

В связи с заключением англо-германского морского соглашения к августу 1935 года Постановлением СНК РСФСР был уточнен список районов 1-й угрожаемой зоны по Карелии:

Олонецкий, Пряжинский, Петровский, Ругозерский, Ребольский, Кестенгский, Калевальский (Ухтинский), Кандалакшский¹⁴. В 1938 году, прежде всего в связи с напряженной внешне-политической ситуацией, 1-ю угрожаемую зону Карельского сектора пополнили г. Петрозаводск, Кондопожский и Ведлозерский районы (образованный частично из Пряжинского и Олонецкого). Фактически, учитывая административно-территориальные изменения границ районов Карелии в 1930 и 1935 годах, угрожаемые территории в Карельском секторе Западной угрожаемой зоны СССР включали в себя 10 из 19 районов республики¹⁵.

Динамика увеличения территории угрожаемой зоны определяла содержание мобилизационной подготовки в республике. В предвоенное десятилетие в ней можно выделить три периода: первый период продолжался с рубежа 1929–1930 годов по 1934 год, второй – с 1935 по 1937 год, третий – с 1938 по начало 1939 года. Каждый период сопровождался изменением пределов угрожаемой зоны и корректированием планов мобилизационной и эвакуационной подготовки.

Планы инфраструктурной мобилизационной подготовки приграничной территории были рассчитаны в мобилизационных планах предвоенного десятилетия. Предполагалось ежегодное корректирование инфраструктурных мобилизационных планов и согласование их с эвакуационным планированием¹⁶. Но несогласованность действий наркоматов и ведомств и изменение угроз безопасности в предвоенное десятилетие приводили к нарушениям установленной периодичности. Так, действовавший с 1928 года мобилизационный план подвергся срочным изменениям зимой 1929/30 года, включал расчеты на 5 лет и вступил в силу с апреля 1930 года¹⁷. А уже 31 августа 1933 года вступил в действие новый план, который получил наименование МП-3. Мероприятия оборонного строительства приграничных районов в нем были рассчитаны до 1937 года. Следующий мобилизационный план МП-4 был разработан и введен в действие с 1 июля 1935 года, раньше предполагаемого срока¹⁸.

Мобилизационные планы содержали разработки по развитию дорожной, информационной, социальной инфраструктуры и строительству тыловых сооружений, необходимых для обеспечения действий армии. В ходе формирования дорожной инфраструктуры Карелии к концу 1932 года из запланированных 1140 км дорог было построено 436 км¹⁹. К концу 1937 года из запланированных 3458 км дорог удалось выполнить лишь пятую часть²⁰. Основная часть дорожно-строительства велась в южных угрожаемых районах Карельского сектора.

Создание информационной инфраструктуры в предвоенное десятилетие предполагало соз-

дание телефонно-телеграфной связи, радиосвязи, районной полиграфической базы и издание местных газет. Развитие средств связи Карелии в первой половине 1930-х годов шло медленными темпами: если на рубеже 1920–1930-х годов количество радиоточек в республике составляло 8702 (в пограничных районах – около 1500), то в конце 1933 года – около 10 тыс. Форсирование строительства радиосети во второй половине 1930-х годов обеспечило в начале следующего десятилетия вещание на 20899 радиоточек 73 трансляционных радиоузлов.

Развитию телеграфно-телефонной сети в северо-западной пограничной полосе было уделено внимание еще в проекте АФК В. П. Милютин. К рубежу 1920–1930-х годов в Карелии действовало 103 почтовых и почтово-телеграфных предприятий, 59 телефонных станций и переговорных пунктов²¹. К концу 1932 года 7 районных центров из 20 имели телефонную связь с Петрозаводском, число телефонизированных сельсоветов составило 119 из 213. Но 100 % телефонизация пограничных районов к концу десятилетия так и не была достигнута. В 1935–1936 годах была построена магистральная линия связи Ленинград – Петрозаводск – Мурманск, позволившая организовать междугородную телефонную связь. К 1937 году завершилась телефонизация объектов оборонного строительства вдоль линий Сорока – Лехта, Андропова Гора – Кимасозеро, Пряжа – Сямозеро. Несмотря на очевидные успехи в создании телефонно-телеграфной связи и радиосвязи в республике, главной мобилизационной цели развития средств коммуникации – обеспечения оперативного оповещения о мобилизации – во второй половине 1930-х годов достичь не удалось²².

В отношении создания районной полиграфической базы и издания местных газет поставленные задачи, напротив, были решены. В 1930 году, помимо типографии им. Анохина в Петрозаводске, действовали типографии в Кеми, Олонце и Пудуже, а уже в 1938 году типографии имелись во всех районах республики. В первую очередь типографии открывались в пограничных районах. Издание 18 районных газет было запланировано к 1937 году, но уже в 1936 году все они выпускались [7].

В планах формирования социальной инфраструктуры пограничных районов большая часть финансовых затрат (до 20 % ежегодно) шла на решение проблем здравоохранения²³. Остро стоял вопрос о пополнении неприкосновенного запаса медицинско-санитарно-хозяйственного имущества в пограничных районах. Отчасти его решили, направив к концу десятилетия в районы перевязочный и хирургический материал, оборудование для 110 коек, 4 дезинфекционные камеры, 27 пищевых лабораторий и другое оборудование. Для решения кадрового дефицита

медицинских учреждений Наркомздрав обязали направлять в пограничные районы не менее 60 % прибывающих в Карелию медработников²⁴.

Значительная часть мобилизационных планов была отведена строительству тыловых сооружений, необходимых для обеспечения действий армии («оборонному строительству»). В рамках оборонного строительства в республике предполагалось возводить только те объекты, которые можно было быстро или свернуть, или ликвидировать в случае необходимой эвакуации. Исключением был Онежский завод, реконструкцию которого планировалось осуществить к 20 марта 1931 года и обеспечить импортным оборудованием оборонного значения. Сумма ассигнований на оборонное строительство в Карельском секторе в течение десятилетия сокращалась: в 1931 году она составляла 5637,5 тыс. руб.²⁵, в 1935 году – 917 тыс. руб.²⁶ Количество объектов оборонного строительства по МП-4 превышало титульный список 1931 года на 7 единиц и составляло 42 единицы, но масштаб строительства был меньше. Самые значительные затраты предполагались на строительство стратегически важного тракта Парандово – Реболы. Из предприятий предполагалась только достройка хлебозавода в г. Петрозаводске и механической хлебопекарни в Олонецком районе. Большое внимание уделялось строительству машинно-тракторных станций (МТС): если в 1931 году их было только 2, то в 1937-м – 21²⁷.

Планы мобилизационной подготовки по созданию инфраструктуры пограничных районов не выполнялись в полном объеме из года в год. Сказывалось сокращение финансирования МП Карельского сектора Западной угрожаемой зоны, несогласованность и чрезмерная бюрократизация процесса принятия решений, ограниченные ресурсы рабочей силы в республике. Во второй половине 1930-х годов выполнение некоторых направлений МП было форсировано: создание радио- и телефонной сети, сети здравоохранения, ветеринарных лечебниц, МТС. При общем невыполнении МП они способствовали формированию дорожной, информационной и социальной инфраструктуры в пограничных районах.

Параллельно мобилизационной подготовке разрабатывались эвакуационные планы. С рубежа 1929–1930 по 1934 год в Карельском секторе предполагалась только эвакуация, в отличие от других угрожаемых территорий Западной приграничной полосы, в которых планировался режим разгрузки в первый подготовительный период и эвакуации – во второй. Обусловлено это было оценкой угроз, незначительным числом подлежащих вывозу людей и предприятий в Карелии, достаточным количеством подвижного состава, необходимого для эвакуации. Число людей и предприятий, подлежащих вывозу

в этот период, постепенно увеличивалось. В эвакуационный план 1930 года был включен Онежский завод, 1931 года – Кондопожская бумажная фабрика и электростанция, слюдяная фабрика как находящиеся в угрожаемой зоне²⁸. Число людей, подлежащих эвакуации, составило соответственно 5582²⁹ и 6537³⁰. Необходимость вывоза оборудования с предприятий потребовала увеличить число вагонов (с 801, из них 640 вагонов было предназначено только для Онежского завода, в 1930 году, до 1031 вагонов в 1931 году) и времени эвакуации в 1930 году с 10 до 20 дней³¹.

С 1935 по 1938 год, несмотря на рост числа угрожаемых районов, число людей и предприятий, подлежащих вывозу из Карелии, сокращается. В эвакуационный план 1935 года СЗ СНК АКССР подготовил заявки на вывоз грузов в количестве 5919 т и людских контингентов в количестве 8270 человек. Количество людских контингентов выросло в сравнении с 1931 годом за счет включения в их состав иностранных рабочих лесорубов. Их вывоз номенклатурой не предусматривался, но карельское правительство настоятельно просило ЦМЭС принять их в эвакуационный план вывоза³². Заявка Карелии на эвакуационный вывоз не только не была удовлетворена, но, напротив, сократилась из-за планов сосредоточения подвижного состава в Украинском и Белорусском секторе Западной угрожаемой полосы. В сводном плане 1935 года для АКССР было установлено количество людского контингента в количестве всего 3096 человек, почти в 2 раза меньше, чем в 1930 году. Количество предполагаемого к вывозу ценного груза составило 5074,25 т, более чем в 2 раза меньше, чем в 1931 году. Еще меньше, чем в 1935 году, были утверждены цифры по эвакуационному плану 1938 года: вывоз квалифицированной рабочей силы – 1743 человека и ценного груза – 4183,2 т³³.

В результате пересмотра руководством СССР угроз безопасности во второй половине 1930-х годов площадь Карельского сектора Западной угрожаемой полосы выросла до 81333 тыс. кв. км, охватив 55 % территории республики, увеличившись за десятилетие на 72 тыс. кв. км. Реализация запланированных показателей инфраструктурной военно-гражданской мобилизационной подготовки в Карелии отставала от динамики роста угрожаемого пространства автономной республики. Поэтому со второй половины 1930-х годов в КАССР были форсированы только не требовавшие значительных финансовых вложений и объема строительных работ направления мобилизационных планов, а объем эвакуационного вывоза – сокращен. Основные мероприятия мобилизационной подготовки были переведены в план скрытой мобилизации.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг. в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 5А. Д. 243. Л. 58–62; ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 1. Д. 111. Л. 12–13.
- ² ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 1. Д. 73. Л. 6.
- ³ ГАРФ. Ф. 3478. Оп. 7. Д. 723. Л. 4–27.
- ⁴ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 6А. Д. 35.
- ⁵ НА РК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 162. Л. 46.
- ⁶ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 5А. Д. 269. Л. 4.
- ⁷ ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 2. Д. 8.
- ⁸ ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 2. Д. 8. Л. 3; НА РК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 101. Л. 89.
- ⁹ НА РК. Ф. Р-690. Оп. 10. Д. 1. Л. 4.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 5А. Д. 257. Л. 3–4.
- ¹¹ ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 1. Д. 83. Л. 6.
- ¹² НА РК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 129. Л. 18.
- ¹³ НА РК. Ф. Р-690. Оп. 10. Д. 3. Л. 2.
- ¹⁴ НА РК. Ф. Р-690. Оп. 10. Д. 10. Л. 211.
- ¹⁵ НА РК. Ф. Р-690. Оп. 10. Д. 41. Л. 35.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 1. Д. 111. Л. 13, 35.
- ¹⁷ НА РК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 162.
- ¹⁸ НА РК. Ф. Р-690. Оп. 10. Д. 10. Л. 23, 215.
- ¹⁹ НА РК. Ф. Р-624. Оп. 1. Д. 118. Л. 3–4.
- ²⁰ НА РК. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 1103. Л. 16.
- ²¹ Краткий статистико-экономический справочник 1923–1933 гг. АКССР. С. 251.
- ²² НА РК. Ф. Р-690. Оп. 10. Д. 29. Л. 47.
- ²³ НА РК. Ф. Р-690. Оп. 10. Д. 2. Л. 144.
- ²⁴ НА РК. Ф. Р-690. Оп. 10. Д. 10. Л. 119–120.
- ²⁵ НА РК. Ф. Р-690. Оп. 10. Д. 1. Л. 20.
- ²⁶ НА РК. Ф. Р-690. Оп. 10. Д. 10. Л. 46.
- ²⁷ НА РК. Ф. Р-1690. Оп. 1. Д. 411; Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 1103. Л. 34.
- ²⁸ НА РК. Ф. Р-690. Оп. 10. Д. 1. Л. 24.
- ²⁹ НА РК. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 454. Л. 34.
- ³⁰ НА РК. Ф. Р-690. Оп. 10. Д. 1. Л. 24.
- ³¹ НА РК. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 454. Л. 2.
- ³² НА РК. Ф. Р-690. Оп. 10. Д. 10. Л. 4.
- ³³ НА РК. Ф. Р-690. Оп. 10. Д. 5. Л. 35.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. 258 с.
2. Кен О. Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х – середина 1930-х). М., 2008. 512 с.
3. Килин Ю. М. Карелия в политике советского государства 1920–1941 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. 275 с.
4. Килин Ю. М. Рецензия на кн.: Elfvengren E., Laidinen E. P. Vakoilua itärajan takana. Yleisesikunnan tiedustelu Neuvosto-Karjalassa 1918–1939. Minerva Kustannus Oy, 2012. 384 s. (Эльвенгрен Э., Лайдинен Э. П. Шпионаж за восточной границей. Деятельность разведки Генерального штаба финской армии в Советской Карелии в 1918–1939 гг.) // *Studia Humanitatis Borealis*. 2013. № 1. С. 166–173.
5. Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против советской России. Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914–1939 гг.). Петрозаводск: VERSO, 2013. 295 с.
6. Мелия А. А. Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР. М., 2004. 157 с.
7. Репухова О. Ю. СМИ как канал взаимодействия общества и государства в 1930-х годах XX века (на примере Карелии) // Материалы VII научной конференции «Краеведческие чтения», посвященной 180-летию НБ КР (14–15 февраля 2013 г.). С. 183–195.
8. Репухова О. Ю. Формирование системы пограничных полос в Карелии в 1920-х гг. // *Армия и общество*. 2014. № 2 (39). С. 123–129.
9. Репухова О. Ю. Система пограничных полос в Карелии в 1930-х годах // *В мире научных открытий*. 2014. № 11.8 (59). С. 3216–3228.
10. Сенявский А. С. Советская мобилизационная модель индустриальной модернизации: историко-теоретические проблемы // *Преподавание истории и обществознания в школе*. 2011. № 2. С. 3–12.
11. Филимончик С. Н. Процессы модернизации на европейском Севере России в 1920–1930-х годах: социально-экономические аспекты // *Российская история*. 2009. № 3. С. 185–194.

Repukhova O. Yu., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

MOBILIZATION PREPARATION IN KARELIA DURING PRE-WAR DECADE

The under-explored history of mobilization preparation in Karelia in the 1930s is studied in the article. Institutionalization of mobilization preparations at the regional level is considered. Dynamics of the threatened zones of Karelian border territories are analyzed. The main attention is paid to the question of military and civil infrastructure (mobilization plans) evacuation and evacuation preparation (evacuation plans) in Karelia. It was concluded that the then conducted realization of the planned indicators for the military

infrastructure and civil mobilization preparation lagged behind the existent dynamics of the growing territorial threats. As a result only those mobilization plans were realized that did not require considerable financial investments and wide construction works. Due to this partial failure the evacuation plan was reduced. The main events of mobilization evacuation were transferred into the regime of hidden mobilization.

Key words: The USSR, mobilization preparation, border territory, threatened zones, infrastructure preparation, evacuation preparation, mobilization plans, evacuation plans

REFERENCES

1. *Granitsy i kontaktnye zony v istorii i kul'ture Karelii i sopredel'nykh regionov. Gumanitarnye issledovaniya* [Borders and contact zones in the history and culture of Karelia and adjacent regions. Humanitarian researches]. Issue 1. Petrozavodsk, Karel'skiy nauchnyy tsentr RAN Publ., 2008. 258 p.
2. Ken O. N. *Mobilizatsionnoe planirovanie i politicheskie resheniya (konets 1920-kh – seredina 1930-kh)* [Mobilization planning and political decisions (end 1920th – middle of the 1930th)]. Moscow, 2008. 512 p.
3. Kilin Yu. M. *Kareliya v politike sovetskogo gosudarstva 1920–1941* [Karelia in policy of the Soviet state 1920–1941gg.]. Petrozavodsk, 1999. 275 p.
4. Kilin Yu. M. The book review: Elfvingren E., Laidinen E. P. Vakoilua itärajan takana. Yleisesikunnan tiedustelu Neuvosto-Karjalassa 1918–1939. Minerva Kustannus Oy, 2012. 384 p. (Elfvingren E., Laydinen E. P. Espionage behind eastern frontier. Activity of investigation of the General Staff of the Finnish army in the Soviet Karelia in 1918–1939) [Retsenziya na kn.: Elfvingren E., Laidinen E. P. Vakoilua itärajan takana. Yleisesikunnan tiedustelu Neuvosto-Karjalassa 1918–1939. Minerva Kustannus Oy, 2012. 384 s. (Elfvingren E., Laydinen E. P. Shpionazh za vostochnoy granitsej. Deyatel'nost' razvedki General'nogo shtaba finskoy armii v Sovetskoy Karelii v 1918–1939 gg.)]. *Studia Humanitatis Borealis*. 2013. № 1. P. 166–173.
5. Laydinen E. P., Verigin S. G. *Finskaya razvedka protiv sovetskoy Rossii. Spetsial'nye sluzhby Finlyandii i ikh razvedyvatel'naya deyatel'nost' na Severo-Zapade Rossii (1914–1939 gg.)* [Finnish intelligence against Soviet Russia. Special services of Finland and their prospecting activity in the Northwest of Russia (1914–1939)]. Petrozavodsk, VERSO Publ., 2013. 295 p.
6. Meliya A. A. *Mobilizatsionnaya podgotovka narodnogo khozyaystva SSSR* [Mobilization preparation of a national economy of the USSR.]. Moscow, 2004. 157 p.
7. Repukhova O. Yu. Mass media as the channel of interaction of society and the state in the 1930s years of the XX century (on the example of Karelia) [SMI kak kanal vzaimodeystviya obshchestva i gosudarstva v 1930-kh godakh XX veka (na primere Karelii)]. *Materialy VII nauchnoy konferentsii “Kraevedcheskie chteniya”, posvyashchennoy 180-letiyu NB KR (14–15 fevralya 2013 g.)* [Local history readings Materials VII of scientific conference (on February 14–15, 2013)]. P. 183–195.
8. Repukhova O. Yu. Formation of system of borderland system in Karelia in 1920s [Formirovanie sistemy pogranichnykh polos v Karelii v 1920-kh gg.]. *Armiya i obshchestvo* [Army and society]. 2014. № 2 (39). P. 123–129.
9. Repukhova O. Yu. System of the borderland in Karelia in the 1930s [Sistema pogranichnykh polos v Karelii v 1930-kh godakh]. *V mire nauchnykh otkrytiy* [In the world of discoveries]. 2014. № 11.8 (59). P. 3216–3228.
10. Senyavskiy A. S. Soviet mobilization model of industrial modernization: historical and theoretical problems [Sovetskaya mobilizatsionnaya model' industrial'noy modernizatsii: istoriko-teoreticheskie problemy]. *Prepodavanie istorii i obshchestvoznaniya v shkole* [Teaching history and social science at school]. 2011. № 2. P. 3–12.
11. Filimonchik S. N. Processes of modernization in the European North of Russia in 1920–1930: social and economic aspects [Protsessy modernizatsii na evropeyskom Severe Rossii v 1920–1930-kh godakh: sotsial'no-ekonomicheskie aspekty]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history]. 2009. № 3. P. 185–194.

Поступила в редакцию 03.07.2014

МАРИНА ПЕТРОВНА ГУРЬЯНОВА

доктор педагогических наук, профессор, и. о. директора,
Институт социальной педагогики Российской академии
образования (Москва, Российская Федерация)
guryanowamp@yandex.ru

ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В СЕЛЬСКОМ СОЦИУМЕ: ВЫБОР БУДУЩЕГО ДЛЯ СЕЛА РЕГИОНА*

На основе анализа социокультурной образовательной ситуации в сельской местности Российской Федерации определяются векторы/направления развития образования в сельском социуме, которые иллюстрируются опытом реализации моделей образования нескольких регионов. Представлены основные особенности/характеристики экономических, культурных, социальных условий развития образования на селе, аргументирующие мнение, что система образования в сельском социуме функционирует в более сложных обстоятельствах, чем система образования в городе. Названы факторы, влияющие на систему образования в сельских районах и определяющие ее структурную перестройку, а также следствия их воздействия. Определена общая тенденция развития муниципальных систем образования сельских районов – курс на интеграцию учреждений, усиление социальной составляющей образования (признание ее ведущим фактором его развития), поиск механизмов формирования комфортной для детей среды обитания в сельском социуме. Обозначен круг проблем и задач, которые большинство регионов России решают через объединение внутренних ресурсов образования и интеграцию образования с другими отраслями социальной сферы. Репрезентированы четыре варианта развития муниципальных систем образования в сельской местности: 1) создание образовательных комплексов в сельских поселениях; 2) укрупнение школ за счет слияния нескольких школ в одну; 3) смешанный вариант; 4) отказ от минимизации числа малокомплектных школ на селе через иной подход к их финансированию. Описаны два примера реализации на практике моделей модернизации образования в сельском социуме.

Ключевые слова: муниципальная система образования, сельская малокомплектная школа, образовательный комплекс, социально-педагогическая работа в школе и по месту жительства

В современной России образование, провозглашенное приоритетной сферой модернизации общества, сегодня развивается в условиях экономического неравенства регионов, актуализации многочисленных проблем детства, семьи, дифференциации населения по уровню доходов, социального расслоения общества. По оценке большинства исследователей, система образования в сельском социуме функционирует в более сложных экономических, культурных и социальных условиях, чем система образования в городе. Экономические условия связаны с отсутствием устойчивой экономической базы для самостоятельного достижения семьями своего благополучия. Культурные условия обусловлены свертыванием социокультурной сферы села. Социальные условия определяются невысоким уровнем материальной обеспеченности сельских семей, сложной демографической ситуацией, активными миграционными процессами, введением нормативно-подушевого финансирования образования, продолжающейся реструктуризацией социальных учреждений, низкой долей молодых руководителей, педагогов, являющихся ресурсом развития муниципальных систем образования [1], [2]. Особенности развития образования в сельском социуме характеризуются тем, что в сельских образовательных учреждениях

обучаются немало детей из малообеспеченных семей, семей группы риска, детей с проблемами в развитии, поведении, состоянии здоровья.

Подавляющее большинство муниципальных систем образования сельских районов имеют весьма ограниченные ресурсы: недостаточное количество высокопрофессиональных педагогов и руководителей, современного оборудования для работы с различными группами детей и решения новых задач. В числе факторов, влияющих на систему образования в сельских районах и определяющих ее структурную перестройку:

- концентрация сельского населения в районных центрах, влекущая за собой снижение численности детей дошкольного и школьного возраста в отдаленных населенных пунктах, что ведет к малочисленности школ и дошкольных образовательных учреждений, к их ликвидации;
- вынужденный отъезд родителей детей школьного возраста на работу в другие города, что актуализирует востребованность в школах специалистов «помогающих профессий»;
- дефицит молодых специалистов [2; 88–115].

Муниципальные системы образования сельских районов в свете реализации Государственной программы развития образования до 2020 года, нового Федерального закона № 273 ФЗ от

29.12.2012 «Об образовании в РФ» стоят перед решением непростых задач. Как в современных условиях обеспечить право каждого ребенка на качественное доступное образование вне зависимости от места проживания? Как ликвидировать риски неравенства в доступе к качественному образованию для детей из отдаленных сельских поселений? Как построить эффективную систему дошкольного образования, обеспечить преемственность между дошкольным и начальным уровнями общего образования? Как построить эффективные модели профильного обучения с целью профессионального самоопределения старшеклассников? Как создать условия для детей с ограниченными возможностями здоровья? Как развивать дополнительное образование детей? Что сделать для сохранения и укрепления здоровья обучающихся? Что есть электронное образование, дистанционные образовательные технологии: излишество или необходимость? Как в условиях профессионального одиночества выстроить систему профессионального развития педагогов? Как выстроить социально-психолого-педагогическое и логопедическое сопровождение детей в образовательных учреждениях? Как усилить воспитательную и социокультурную функции специалистов «помогающих профессий»?

Перед муниципальными системами образования сельских районов поставлена задача повышения эффективности использования и даже экономии бюджетных средств [4].

Общее, что объединяет муниципальные системы образования сельских районов, – **курс на интеграцию учреждений, усиление социальной составляющей образования (признание ее ведущим фактором его развития), поиск механизмов формирования комфортной для детей среды обитания в сельском социуме** [1; 74–119].

Большинство регионов России вынуждены решать эти сложнейшие задачи через объединение внутренних ресурсов образования и интеграцию образования с другими отраслями социальной сферы [3]. Одни, как Большереченский муниципальный район Омской области, увидели выход в создании образовательных комплексов в сельских поселениях. Другие, как Перевозский муниципальный район Нижегородской области, пошли по пути укрупнения школ за счет слияния нескольких школ в одну. Третьи, как Нерехтский муниципальный район Костромской области, реализовали смешанный вариант: а) сохранив ряд малочисленных школ как юридические лица; б) создав на основе базовой школы образовательный комплекс как юридическое лицо, в составе которого близлежащие дошкольные учреждения и школы, функционирующие на территориях; в) укрупнив образовательные учреждения за счет слияния нескольких школ в одну. На практике есть и четвертый

вариант. В Саратовской области, например, еще несколько лет назад подход к развитию сельских школ основывался на обязательной оптимизации сети и сокращении бюджетных расходов на содержание малокомплектных учреждений. Однако регион не пошел по пути минимизации числа малокомплектных школ на селе. Руководители области и Министерства образования исходили из понимания того, что «если будет школа, будет и село», и если 1 сентября в школу приходят дети, то у школы есть будущее и ее надо сохранить, пусть с понижением статуса либо в качестве филиала. В этой области особый подход применяется и в отношении финансирования малокомплектных школ. От финансирования по фактическим расходам область перешла к финансированию по нормативам на класс (из расчета на 12 человек), то есть независимо от количества учеников в классе.

Сложные, по сути, перестроечные процессы идут на всех уровнях образования в сельском социуме. Особо выделим дошкольное образование в сельском социуме как проблемную сегодня ступень социализации детей. Как положительные изменения в дошкольных образовательных учреждениях сельского социума отметим открытие в ряде районов дополнительных мест в детских садах, открытие при школах групп кратковременного пребывания детей. Есть районы, где увеличился охват детей дошкольным образованием, ликвидирована очередь детей в дошкольные образовательные учреждения, проведен ремонт систем жизнеобеспечения учреждений. Вместе с тем в сельских районах остается низкой посещаемость дошкольных учреждений. Остро встала проблема подготовленности детей к школе. В детских садах нет необходимых специалистов «помогающих профессий» (социальный педагог, психолог, логопед, медицинский работник) для своевременной адаптации, выравнивания условий для развития детей. Не охвачены дошкольным образованием дети, проживающие в сельской местности, где нет дошкольного учреждения. В малых поселениях многие родители хотели бы получать консультации по вопросам подготовки детей к школе, чтобы их дети – старшие дошкольники занимались в кружках и секциях по интересам от учреждений дополнительного образования. В дошкольных учреждениях не хватает современных средств, обеспечивающих информационную открытость. Хромет система преемственности между уровнями дошкольного и начального общего образования.

Остановимся на двух примерах реализации на практике моделей модернизации образования в сельском социуме.

Большереченский район Омской области расположен на севере Омской области, удален от областного центра на 220 км, протяженность

района составляет 150 км. В районе насчитывается 12 сельских поселений, расстояние между ними от 6 до 100 км. Из числа детей школьного возраста 40 % обучаются в общеобразовательных школах рабочего поселка Большеречье, 60 % – в сельской местности. Система образования района включает 31 муниципальное бюджетное образовательное учреждение. 59 % воспитанников посещают дошкольные учреждения в Большеречье, 41 % – в сельской местности.

Для руководителей муниципальной системы образования стало очевидным, что решение проблемы повышения качества образования состоит не только в обновлении целей и содержания обучения, воспитания и развития детей, но и в совершенствовании управления на всех уровнях общего образования, в эффективном использовании уже имеющихся ресурсов. Все это актуализировало исходную проектную идею: *создание образовательных комплексов в сельских поселениях.*

Структурная перестройка потребовала перехода на стратегическое управление на муниципальном уровне. Стратегический подход к развитию муниципальной системы образования предполагает наряду с изменением финансово-хозяйственных механизмов, механизмов работы с кадрами, механизмов взаимодействия системы образования с субъектами внешней среды приведение самой структуры сети общеобразовательных учреждений в соответствие новым задачам, стоящим перед муниципальной системой образования.

Требования, выдвигаемые к выпускнику сегодняшнему и выпускнику 2020 года, заставили руководителей муниципальной системы образования пристально смотреть не просто «из сегодня в будущее», а из «будущего в сегодня». Был изучен российский опыт организации сети образовательных учреждений с целью повышения качества образования, проведен анализ качества образования, выявлены проблемы в системе образования района. Проведенная работа вывела руководителей системы образования на создание новой практики. *Образовательные комплексы стали рассматриваться как новый эффективный механизм управления качеством образования на территории района.*

Под образовательным комплексом в районе понимается общеобразовательное учреждение как одно юридическое лицо, созданное через реорганизацию в форме присоединения, слияния учреждений разного уровня общего и дополнительного образования, а также на основе договорных отношений; имеющее право реализовывать образовательные программы дошкольного, общего, начального общего, основного общего, среднего общего, дополнительного образования; позволяющее за счет изменений в структуре, содержании и организации образовательного

процесса, в том числе рационализации использования ресурсов образовательных учреждений, входящих в образовательный комплекс, с применением дистанционных образовательных технологий, более полно учитывать права (интересы и способности) воспитанников, обучающихся, родителей, педагогов.

Образовательные комплексы создаются с целью повышения качества образования обучающихся и воспитанников, проживающих в разнотипных сельских поселениях района, на всех уровнях общего и дополнительного образования, реализации права каждого ребенка на дошкольное образование вне зависимости от места проживания.

Проектируемые модели образовательных комплексов нацелены на решение таких задач, как организация подвоза детей-дошкольников с родителями в детские сады центральных поселений. Особое внимание уделено созданию новой практики:

- консультационных центров в сельских поселениях с использованием дистанционных образовательных технологий;
- системы социально-психолого-педагогической поддержки родителей, чьи дети имеют проблемы в развитии;
- условий для коррекционной работы с детьми, имеющими проблемы в развитии, начиная с дошкольного возраста, системы социально-психолого-педагогической и логопедической поддержки всем обучающимся через включение в штаты образовательных учреждений узких специалистов – психолога, логопеда;
- условий для охвата детей дополнительным образованием начиная с 5 лет;
- условий для обучения детей с ограниченными возможностями здоровья;
- модели сетевого взаимодействия профильного обучения в образовательных учреждениях;
- модели профильного обучения для малокомплектных сельских школ, в том числе с использованием дистанционных образовательных технологий;
- сети информационной помощи в выполнении домашних заданий;
- условий для непрерывного профессионального развития педагогов начиная с I уровня общего образования;
- условий, соответствующих требованиям федеральных государственных образовательных стандартов на всех уровнях общего образования.

В рамках реализации модели планируются усиление роли государственно-общественного управления образованием, увеличение доли молодых педагогов. Предполагается подготовка всех субъектов образования (целевых групп) к осуществлению процессов проектирования моделей

образовательных комплексов и реализации проекта через формирование компетентности, включающей мотивационные, личностные, информационно-когнитивные, волевые компоненты.

Внедрение модели «образовательный комплекс», по замыслу организаторов, должно способствовать уменьшению миграции молодых семей из сельских поселений в город; обеспечению финансово-хозяйственной самостоятельности общеобразовательных учреждений за счет реализации новых принципов финансирования.

Танайковская основная школа Перевозского района Нижегородской области, в которой обучаются учащиеся, включая детей из социально-реабилитационного центра «Благовест», сегодня имеет обширный микрорайон педагогической деятельности. В социум, с которым работает школа, входят 13 сел и деревень, где проживают ученики школы и их родители. В сфере педагогической ответственности школы находится 125 детей, в зоне взаимодействия – 97 семей, 164 родителя.

После того как в 2010 году социокультурное пространство школы расширилось (стала базой для ряда населенных пунктов района), для нее стало большой проблемой объединить педагогов, родителей, учеников, общественность, создать комфортную для детей среду – единое воспитательное пространство, детско-родительское сообщество с целью эффективного решения социально-педагогических проблем детей и их семей. Для формирования такой среды педагоги школы решили использовать возможности образования, которое для ребенка должно стать способом достижения им основной цели – собственного благополучия, благополучия семьи, окружающего социума, *через социально-педагогическую работу с детьми и семьями в школе и по месту жительства.*

Основные направления социально-педагогической работы и в школе, и в окружающем социуме определяются прежде всего проблемами, имеющимися у учащихся, возникающими в семьях, без разрешения которых сложно добиться хороших результатов. Среди семей учащихся школы есть такие, где родители не уделяют должного внимания воспитанию детей, есть семьи с пьющими родителями. У неполных семей свои проблемы.

Центром единого воспитательного пространства школьного социума, безусловно, стала школа – место, где учащиеся проводят большую и очень важную часть своего времени, занимаясь важнейшей деятельностью – познавательной, общаясь со сверстниками и взрослыми, испытывая на себе сотни разных воздействий. Соответственно, в школе педагоги стремятся создать такой уклад, такую атмосферу, в которой дети и подростки чувствовали бы себя не только комфортно, но и осознавали свою ответствен-

ность за себя, своих друзей, свою причастность к жизни школы, села и общества в целом. Воспитательная деятельность школы как социокультурного центра сельской жизни ориентируется в основном на воспитательный потенциал окружающей социальной и природной среды.

Особое внимание руководство школы уделяет организации педагогического процесса непосредственно в деревнях. Этот процесс организуется благодаря деятельности социальных педагогов в содружестве с работниками культуры, общественниками. Одна из эффективных форм организации воспитательного процесса по месту жительства детей – разновозрастные отряды (РВО). В школе четыре РВО с избранными командирами. Эти отряды состоят из детей тех школ, которые были реструктуризированы в процессе модернизации районного образования. Курируют работу отрядов руководители учреждений, педагоги, родители учащихся, представители общественности. Ежедневно в школе проходят сборы отрядов, на которых дети самостоятельно решают посильные им проблемы, планируют работу в своих селах. План работы отрядов скорректирован с общешкольным планом воспитательной работы. Деятельность детей в РВО формирует социальный опыт детей, способствует их нравственному и духовному становлению.

Большие воспитательные преимущества заложены в организации *совместных дел детей и родителей.* День Победы, Проводы русской зимы, День матери, День пожилого человека, День тружеников сельского хозяйства, субботники, проводимые в деревнях по месту жительства, создают основу для духовной связи детей и родителей, старшего и младшего поколений. На закрепленной за школой территории находится 8 памятников погибшим воинам в Великой Отечественной войне. Организация работы по благоустройству этих священных для жителей села мест является одной из главных задач РВО.

Для создания благоприятной для детей среды в сельском социуме необходима опора на межличностное взаимодействие и интерактивность. Не случайно главные помощники в работе школы – глава сельской администрации, участковый инспектор, инспектор по делам несовершеннолетних, родители, воспитатели детских садов, заведующие сельскими библиотеками, домами культуры, психолог базовой школы района.

Совместная работа детей, родителей, педагогов, представителей общественности дает свои результаты. В школе сформирован сплоченный коллектив. Дети, приезжающие из других деревень и сел, стали считать школу родной. Родители с желанием сотрудничают с педагогами, принимают участие в родительских конференциях, оказывают помощь школе в подготовке к новому учебному году. Активно работает

родительский комитет, решая многие вопросы жизни школы. Руководящая роль в этой работе принадлежит координационному совету школы, в состав которого входят представители школы, всех структур социума (главы сельских администраций, директора сельских домов культуры, заведующие сельскими библиотеками, директора детских садов).

Анализ образовательной практики различных регионов России показывает, что субъекты

РФ, местная власть по-разному реализуют свое право на выбор моделей развития образования в сельском социуме. Важно, чтобы нынешние реформаторы руководствовались не сиюминутными результатами, сиюминутной экономической выгодой, а с полной ответственностью задумывались бы о стратегической экономической и социально обусловленной взаимосвязи развития образования, сельского хозяйства и сельских территорий.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 14-16-10001 «Педагогические кадры сельской школы Карелии на этапе социокультурной модернизации образования».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гурьянова М. П. Активно-созидательная миссия социальной педагогики в сельских поселениях: Сб. науч. ст. для специалистов социальной сферы села, глав сельских поселений. М.; Курган: ИСП РАО, 2011. 373 с.
2. Гурьянова М. П. Социальный педагог в сельской России. М.: Современное образование, 2014. 248 с.
3. Окшова Г. А. Социокультурный контекст образовательной практики в России // Директор сельской школы. 2010. № 2. С. 30–36.
4. Российское образование – 2020: модель образования для экономики, основанной на знаниях: К IX Междунар. науч. конф. «Модернизация экономики и глобализация», Москва, 1 апреля 2008 г. / Под ред. Я. Кузьминова, И. Фрумина; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 36 с.

Gur'yanova M. P., Institute of Social Pedagogics of Russian Academy of Education
(Moscow, Russian Federation)

ADVANCEMENT OF EDUCATION IN RURAL SOCIETY: REGIONAL VILLAGES' CHOICE OF FUTURE

On the basis of the analysis of sociocultural and educational situations inherent to the rural areas of the Russian Federation the vectors of consecutive development of education in rural society are determined. The identified directions were determined by the experience gained through realization of new educational models implemented in some rural regions. The basic features of economic, cultural, and social factors are presented. In the rural society the system of education functions in much more challenging circumstances than in the urban environment. The multiple factors that influence the system of education in rural districts determine its structural alteration and lead to consecutive results. The general trend of educational system advancement in rural areas is determined. It is based on the policy of institutional integration aimed at strengthening the social dimension of education (recognition of its leading factor). We identified a set of problems that most of the regions in the Russian Federation resolve through the union of internal educational resources and integration of education and other social sectors. Four variants of educational system development favorable for municipal areas are presented: 1) creation of educational complexes in rural settlements; 2) enlargement of schools due to confluence of small schools into one; 3) the mixed variant; 4) deminimization of small schools' number through the change of financial venues. Two examples of the model's practical realization helping to modernize education in rural society are described.

Key words: municipal system of education, rural small school, educational complex structures, socially-pedagogical work at school and domiciliary

REFERENCES

1. Gur'yanova M. P. *Aktivno-sozidatel'naya missiya sotsial'noy pedagogiki v sel'skikh poseleniyakh: Sbornik nauchnykh statey dlya spetsialistov sotsial'noy sfery sela, glav sel'skikh poseleniy* [An Actively-creative mission of social pedagogics in rural settlements]. Moscow; Kurgan, Institute of Social Pedagogics of Russian Academy of Education Publ., 2011. 373 p.
2. Gur'yanova M. P. *Sotsial'nyy pedagog v sel'skoy Rossii* [A social teacher in rural Russia]. Moscow, Institute of Social Pedagogics of Russian Academy of Education Publ., 2014. 248 p.
3. Okshova G. A. Sociocultural context of educational practice is in Russia [Sotsiokul'turnyy kontekst obrazovatel'noy praktiki v Rossii]. *Direktor sel'skoy shkoly* [Rural head master]. 2010. № 2. P. 30–36.
4. *Rossiyskoe obrazovanie – 2020: model' obrazovaniya dlya ekonomiki, osnovannoy na znaniyakh* [Russian education – 2020: model of education for the economy based on knowledge]. Moscow, Higher school of Economy Publ., 2008. 36 p.

Поступила в редакцию 20.01.2015

ДМИТРИЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ ЕЛАХОВСКИЙ

кандидат физико-математических наук, доцент кафедры общей физики физико-технического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
elahovsky@mail.ru

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ НАЗАРОВ

доктор педагогических наук, заведующий кафедрой общей физики физико-технического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
anazarov@petrsu.ru

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОБУЧЕНИЮ ФИЗИКЕ БАКАЛАВРОВ СТРОИТЕЛЬНОГО ФАКУЛЬТЕТА*

Представлены подходы к совершенствованию методического обеспечения, востребованные для организации обучения физике бакалавров-строителей в связи с переходом на двухуровневую систему подготовки по направлениям высшего профессионального образования. Предложены способы обеспечения мотивационной составляющей курса физики за счет повышения результативности межпредметных связей с другими дисциплинами, а также использования основных элементов содержания строительной физики (архитектурная акустика, архитектурная климатология и архитектурная светотехника).

Ключевые слова: архитектурная акустика, климатология, светотехника, методика обучения физике, строительная физика

Изменение квалификации выпускников технических специальностей вузов (бакалавр, магистр) потребовало от преподавателей пересмотра основных концептуальных подходов к разработке методического обеспечения по ряду естественно-научных дисциплин. Что касается строительной специальности, то сложность такого пересмотра вызвана, с одной стороны, требованием ФГОС ВПО (направление «Строительство», квалификация – бакалавр) к формированию у выпускника вуза профессиональных компетенций, таких как «использование основных законов естественно-научных дисциплин в профессиональной деятельности», «способность выявлять естественно-научную сущность проблем, возникающих в ходе профессиональной деятельности, привлекать для их решения соответствующий физико-математический аппарат», а с другой стороны, существенным уменьшением продолжительности курса физики (полтора семестра) и количества аудиторных часов, предусмотренных учебным планом (лекционная нагрузка уменьшена в 2,4 раза, практическая – в 5 раз).

Следует также отметить весьма жесткую регламентацию стандартами распределения учебной нагрузки между аудиторной и самостоятельными формами обучения, а также ее лекционной и практической составляющими. Озабоченность преподавателей вызывает также сокращение практической составляющей курса физики. Ситуация усугубляется тем, что предлагаемая программа централизованного тестирования бакалавров строительной специальности

предполагает владение навыками решения задач применительно ко всем теоретическим разделам физики. Вызывает сожаление сокращение времени, предусмотренного рабочими программами на проведение текущего и заключительного контроля знаний студентов, сокращение или полное устранение семинарских занятий, уменьшение количества контрольных работ и экзаменов. При этом ситуация усугубляется низким уровнем школьной физико-математической подготовки абитуриентов, что проявляется в результатах сдачи ЕГЭ по физике, снижающихся из года в год. Причем даже когда представленные в приемную комиссию результаты тестирования более или менее удовлетворительны, проверка остаточных знаний по физике у студентов первого курса показывает уменьшение этого показателя. Данное обстоятельство со всей очевидностью подчеркивает существующие проблемы преподавания физики в школе и ставит под сомнение целесообразность такой формы оценивания знаний школьников. Зачастую проходные баллы, необходимые для поступления в вуз, обеспечиваются не результатами экзаменов по физике и математике, а за счет других дисциплин, что вряд ли способствует качественной подготовке инженерно-технических специалистов.

Более того, на технических факультетах уже давно физика не относится к числу профилирующих дисциплин. Данное обстоятельство не может способствовать пониманию студентами роли физических знаний в их дальнейшей профессиональной деятельности в качестве инженеров и технологов. Наоборот, такая ситуация

порождает пассивность процесса обучения, отсутствие необходимых стимулов у студентов в изучении физики, слабую мотивационную составляющую данного процесса. Используемое методическое обеспечение данного курса часто не учитывает в полной мере особенности производственно-технологических процессов, напрямую связанных с предполагаемой профессиональной деятельностью будущих выпускников, а межпредметные связи реализуются достаточно слабо. Часто учебники по физике, рекомендуемые студентам инженерных специальностей, лишены прикладной направленности, что тоже нивелирует важность физики как учебного предмета для выбранной ими профессии. Указанные проблемы достаточно подробно освещены в материалах XII Международной конференции «Физика в системе современного образования» [1], [6], [7], [10].

Трехлетний опыт преподавания курса физики на строительном факультете в рамках образовательных программ (ОП) бакалавриата пока не позволяет однозначно оценить достоинства и недостатки того или иного методического обеспечения этой дисциплины, но тем не менее весь предшествующий опыт работы в качестве ведущих преподавателей курса физики позволяет выделить три возможных подхода к сохранению качества обучения физике в новых условиях.

1. В первом случае сохраняются основные базовые принципы преподавания курса физики: основные разделы курса и порядок их изложения. Однако при этом, учитывая дефицит лекционного времени, при изложении материала не приводится вывод формул, описывающих тот или иной физический процесс, что требует достаточных временных затрат преподавателя и студентов. В качестве примера можно упомянуть закон Максвелла для распределения молекул идеального газа по скоростям или уравнение адиабатического процесса. При этом важно, что подобные законы формулируются с объяснением физического смысла входящих в них величин. Возможно, конечно, предложить студентам самостоятельно разобраться в выводе каких-то формул, но, как показывает практика, отсутствие возможности проверки этого вида деятельности (все тот же временной дефицит) делает это нецелесообразным.

Проведение лабораторного практикума в условиях сокращения общего числа выполняемых работ предполагает в основном использование тех из них, которые имеют непосредственную связь с направлением подготовки: определение модуля Юнга, определение влажности воздуха, исследование теплопроводности воздуха и твердых тел и т. д. К сожалению, 8 часов, выделяемых на практические занятия (решение задач), не позволяют эффективно использовать эту форму проведения занятий с целью практического использования приобретенных теоретических

знаний, поэтому акцент делается на выполнение домашних заданий по известному студентам алгоритму с обязательным контролем результатов этой работы.

2. Другая альтернативная возможность организации обучения физике бакалавров-строителей основана на фундаментальном характере физики как науки и дисциплины, необходимой для изучения целого ряда учебных предметов, которые входят в учебный план строительного факультета: теоретическая механика, сопромат, гидродинамика, теплотехника, электротехника. Эти курсы роднит с физикой одинаковый понятийный аппарат, а также использование при описании соответствующих процессов объективных законов природы, рассматриваемых при изучении курса физики. Для примера можно вспомнить, что в теоретической механике при рассмотрении различных видов движения используются кинематические и динамические характеристики, уже известные студентам из курса физики хотя бы в рамках школьной программы. Теплоснабжение помещений, а также работа тепловых агрегатов, рассматриваемые в рамках учебного предмета под названием «теплотехника», всецело основаны на законах термодинамики, входящих в программу курса общей физики и связанных с изучением теплообменных процессов, различными способами преобразования тепловой энергии в механическую и методами тепловых расчетов (метод циклов, метод характеристических функций и т. д.). Вся теоретическая часть электротехники также основана на физических законах, подробно изучаемых в курсе общей физики: законы Ома и Джоуля – Ленца, правила Кирхгофа, явление электромагнитной индукции, переменный ток и т. д.

3. Еще одна возможность повышения эффективности обучения физике студентов технических специальностей, что представляется наиболее важным, связана с необходимостью повышения мотивационной составляющей физического образования, то есть с его адаптацией к профессиональной деятельности бакалавра-строителя. Здесь примером может служить методика обучения физике на медицинских факультетах университетов. В его основе лежит переход от традиционного курса «Физика» к курсу «Медицинская и биологическая физика», а учебник с аналогичным названием [8] в настоящее время является основным для студентов медицинских специальностей высших учебных заведений. Логическая схема повествования данного учебника такова, что описываемые физические явления и законы, их объясняющие, находят непосредственное приложение к функционированию отдельных органов человека и всего организма в целом. Такой подход обусловлен тем, что достижения современной медицины в значительной степени связаны с достижениями физи-

ки, техники и медицинского приборостроения, тем более что многие заболевания и механизм борьбы с ними зачастую имеют биофизическое объяснение.

Аналогичный подход в формировании методического обеспечения по физике студентов-строителей может быть реализован при переходе от традиционного курса «Физика» к практикоориентированному курсу «Строительная физика». В качестве обоснования предлагаемого подхода к разработке методического обеспечения по физике можно привести следующее. Проектирование зданий различного профиля (жилые дома, учебные заведения, концертные залы, театры и т. д.) должно обеспечить не только безопасность их эксплуатации, но и комфортное пребывание человека при эксплуатации вышеупомянутых зданий. Решение этой задачи обеспечивается не только правильным выбором интерьерных решений (эстетический комфорт), но и формированием соответствующей физической среды внутренних помещений зданий. Данное понятие включает в себя климатическую составляющую, обеспечивающую необходимый температурно-влажностный режим помещений, звуковую, гарантирующую так называемый слуховой комфорт в плане, например, достоверности речевой и музыкальной информации, и световую, создание которой реализуется за счет возможностей естественного и искусственного освещения помещений в зависимости от их использования. Следует отметить также важную роль цвета в решении данного вопроса.

Состояние вышеуказанных физических сред определяется потоком энергии различного вида (световой, тепловой, звуковой) от источников, находящихся как внутри зданий, так и за их пределами, а также физическими свойствами материала элементов ограждающих конструкций. Раздел физики, изучающий характер движения массовых и энергетических потоков, целью которого является выбор оптимальных научно обоснованных архитектурно-строительных решений при проектировании зданий, принято называть строительной физикой. Основными разделами строительной физики являются архитектурная климатология, архитектурная акустика и архитектурная светотехника. Естественно, что в основе упомянутых составляющих этого курса лежат разделы общей физики: молекулярная физика, колебания и волны, оптика, ибо основные явления и описывающие их законы лежат в основе решений задач акустики, климатологии и светотехники.

Архитектурная акустика включает два компонента с точки зрения создания «слухового комфорта» [4]. В результате рассмотрения всего спектра явлений, связанных с распространением звуковых волн внутри помещений с учетом их проникновения через строительные ограж-

дения, устанавливаются строительные нормы, обеспечивающие, как уже отмечалось, достоверность речевой и музыкальной информации. В театрах, концертных залах, лекционных аудиториях необходимо обеспечить четкое восприятие слов и музыки в любом месте нахождения слушателей, при этом звуковая информация должна доходить до потребителя в неискаженном виде.

Не менее важной задачей архитектурной акустики являются проблемы звукоизоляции и предотвращения вредных воздействий производственных и бытовых шумов [4]. Данная проблематика особенно актуальна в связи с развитием транспортных средств и новых производств, и задача шумоподавления стоит в одном ряду с проблемами очистки воды и недр от промышленных загрязнений.

Архитектурная климатология, один из важнейших разделов строительной физики, призвана обеспечить формирование в помещениях микроклимата, в первую очередь обеспечивающего необходимый тепловой комфорт, качество которого должно соответствовать совокупности технологических и гигиенических требований [3]. При этом ощущение теплового комфорта обеспечивается тепловым режимом, который также обеспечивает нормальное протекание производственных процессов, состояние и долговечность конструкций зданий и его оборудования. Тепловая обстановка в помещениях определяется параметрами воздушной среды помещений: температурой, подвижностью и влажностью воздуха, а также наличием воздушных потоков и радиационным излучением окружающих поверхностей, зависящим от их температуры, геометрии и радиационных свойств. Все факторы, формирующие тепловую обстановку помещений, необходимо рассматривать в неразрывной связи между собой, так как их взаимное влияние может отразиться на конечном результате. Следует также учитывать те функциональные процессы, которые протекают в конкретном помещении, и наружные условия их эксплуатации. Как и в случае архитектурной акустики, решение указанных задач связано с использованием соответствующих физических явлений и их законов.

Роль архитектурной светотехники при формировании световой среды, обеспечивающей комфортные условия жизнедеятельности человека, включает два аспекта. Во-первых, проектируемая световая среда должна обеспечить нормальное функционирование оптической системы человека при получении зрительной информации. Необходимый уровень освещенности зданий нормируется исходя из медицинских рекомендаций и вида профессиональной деятельности человека. Физической основой решения данной проблемы является разработка современных источников освещения и методик измерения характеристик оптического излуче-

ния, проектирование светотехнического оборудования, исследование оптических свойств строительных материалов. Значение элементов строительной светотехники для развития материального производства определяется тем, что установление оптимальных количественных и качественных характеристик освещения и их реализация в строительстве способствуют росту производительности труда и улучшению качества выпускаемой продукции. С другой стороны, освещение формирует у человека зрительные образы, и это обстоятельство вызвало появление световой архитектуры и светового дизайна. Основная задача световой архитектуры – помочь человеку сформировать правильное восприятие пространства, его архитектуры, присущей ему атмосферы, то есть создать особое пространство, хорошо сбалансированное, являющееся психологически, физиологически и архитектурно функционально целым.

Таким образом, даже фрагментарное знакомство студентов-строителей с практическим приложением содержания соответствующих

разделов курса физики при проектировании зданий различного предназначения и непосредственно в строительстве может способствовать более вдумчивому изучению данного курса, что повысит мотивацию к его изучению. Соответствующий подход к разработке методического обеспечения курса физики может быть реализован с помощью уже изданных в Петрозаводском госуниверситете учебных пособий [3], [4], [5]. Существуют и другие способы повышения мотивационной составляющей обучения физике, связанные, например, с широким использованием мультимедийных средств, компьютерного моделирования, дистанционных образовательных технологий и т. д. В любом случае потребуются определенный адаптационный период для принятия оптимального решения.

Естественно, предложенные подходы к разработке методического обеспечения для бакалавров-строителей не могут считаться единственно правильными, и опыт преподавателей других технических дисциплин поможет в дальнейшем найти оптимальное решение данной проблемы.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг. в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авенариус И. А., Захаров В. Г. Методическое обеспечение курса физики для бакалавров // Материалы XII Международной конференции «Физика в системе современного образования». Т. 1. Петрозаводск, 2013. С. 120–122.
2. Деменкова Л. Г., Полицинский Е. В. Использование практико-ориентированных задач в процессе обучения студентов технического вуза // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2014. № 3 (15). С. 121–125.
3. Елаховский Д. В., Малиненко И. А. Физические основы архитектурной климатологии: Учеб. пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 192 с.
4. Елаховский Д. В., Малиненко И. А. Физические основы архитектурной акустики: Учеб. пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 130 с.
5. Елаховский Д. В., Малиненко И. А. Физические основы строительной светотехники: Учеб. пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 48 с.
6. Кургаева Н. Е., Ткачева Т. М. Формирование компетенций инженера в процессе решения задач по физике // Материалы XII Международной конференции «Физика в системе современного образования». Т. 1. Петрозаводск, 2013. С. 149–153.
7. Проклова В. Ю. Профессиональная направленность обучения физике при подготовке студентов технологического профиля // Материалы XII Международной конференции «Физика в системе современного образования». Т. 1. Петрозаводск, 2013. С. 170–173.
8. Ремизов А. Н. Медицинская и биологическая физика: Учебник для вузов. М.: Дрофа, 2010. 558 с.
9. Ремизова Т. Н. Формирование положительной мотивации к обучению у студентов // Научные исследования в образовании. 2010. № 1. С. 27–38.
10. Шишелова Т. И. Особенности проведения физического практикума по оптике по направлению бакалавриата «строительство» // Материалы XII Международной конференции «Физика в системе современного образования». Т. 1. Петрозаводск, 2013. С. 206–207.

Elakhovskiy D. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
Nazarov A. I., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

METHODOLOGICAL APPROACHES TO TEACHING PHYSICS TO BACCALAUREATE STUDENTS AT CIVIL ENGINEERING FACULTY

The article deals with some educational approaches and major guidelines used in teaching physics to students of the Civil Engineering faculty. Consideration of these approaches is necessitated by the latest transition of the Russian higher education to the two-tier system. The proposed approaches are facilitative in elevation of students' motivation due to the increase of intersubject communications and implementations of the basic fragments of building physics (architectural acoustics, building climatology and light engineering) into the teaching process.

Key words: architectural acoustics, building climatology, light engineering, teaching physics, structural physics

REFERENCES

1. Avenarius I. A., Zakharov V. G. Methodological support of course in physics for undergraduate students [Metodicheskoe obespechenie kursa fiziki dlya bakalavrov]. *Materialy XII Mezhdunarodnoy konferentsii "Fizika v sisteme sovremennogo obrazovaniya"* [Proc. 12th Inter. conf. "Physics in the system of modern education"]. Petrozavodsk, 2013. Vol. 1. P. 120–122.
2. Demenkova L. G., Politsynskiy E. V. Utilising practice-oriented tasks at a polytechnic university [Ispol'zovanie praktiko-orientirovannykh zadach v protsesse obucheniya studentov tekhnicheskogo vuza]. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom* [Professional education in Russia and abroad]. 2014. № 3 (15). P. 121–125.
3. Elakhovskiy D. V., Malinenko I. A. *Fizicheskie osnovy arkhitekturnoy klimatologii* [Physical basis for building climatology]. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2008. 192 p.
4. Elakhovskiy D. V., Malinenko I. A. *Fizicheskie osnovy arkhitekturnoy akustiki* [Physical basis for architectural acoustics]. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2008. 130 p.
5. Elakhovskiy D. V., Malinenko I. A. *Fizicheskie osnovy stroitel'noy svetotekhniki* [Physical basis for light engineering]. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2013. 48 p.
6. Kurgaeva N. E., Tkacheva T. M. Engineer's competences development In the process of physical tasks solving [Formirovanie kompetentsiy inzhenera v protsesse resheniya zadach po fizike]. *Materialy XII Mezhdunarodnoy konferentsii "Fizika v sisteme sovremennogo obrazovaniya"* [Proc. 12th Inter. conf. "Physics in the system of modern education"]. Petrozavodsk, 2013. Vol. 1. P. 149–153.
7. Proklova V. Yu. Professional orientation of teaching physics to students of engineering [Professional'naya napravlenost' obucheniya fizike pri podgotovke studentov tekhnologicheskogo profilya]. *Materialy XII Mezhdunarodnoy konferentsii "Fizika v sisteme sovremennogo obrazovaniya"* [Proc. 12th Inter. conf. "Physics in the system of modern education"]. Petrozavodsk, 2013. Vol. 1. P. 170–173.
8. Remizov A. N. *Meditinskaya i biologicheskaya fizika* [Medical and biological physics]. Moscow, Drofa Publ., 2010. 558 p.
9. Remizova T. N. Increasing students' positive motivation [Formirovanie polozhitel'noy motivatsii k obucheniyu u studentov]. *Nauka i obrazovanie* [Scientific research in education]. 2010. № 1. P. 27–38.
10. Shishelova T. I. Specificity of organization of laboratory work while teaching optics to undergraduate students in civil engineering [Osobennosti provedeniya fizicheskogo praktikuma po optike po napravleniyu bakalavriata "stroitel'stvo"]. *Materialy XII Mezhdunarodnoy konferentsii "Fizika v sisteme sovremennogo obrazovaniya"* [Proc. 12th Inter. conf. "Physics in the system of modern education"]. Petrozavodsk, 2013. Vol. 1. P. 206–207.

Поступила в редакцию 19.01.2015

МАКСИМ ВАЛЕРЬЕВИЧ ЯКУШЕВ

кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры немецкого языка факультета иностранных языков, Орловский государственный университет (Орел, Российская Федерация)
yakushev.m@yandex.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ УЧЕБНИКА ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Рассматриваются возможности и целесообразность выделения в рамках общей теории учебника отдельного направления – теории предметного учебника. Указывается на наличие достаточного количества работ, в которых, однако, предметом изучения являются отдельные структурные элементы учебника или компоненты его содержания. Значительная часть исследований содержит описание особенностей учебника иностранного языка, созданного в рамках конкретного метода / концепции обучения. Учебник иностранного языка рассматривается как продукт методической системы. Ее свойства отражаются на содержании и структуре учебника, определяя его особенности, что способствует реализации принципа вариативности образования. Обеспечить воплощение еще двух ведущих позиций государственной образовательной политики – единства образовательного пространства и стандартизации образования – возможно посредством создания единой концепции учебника иностранного языка для средней школы и формулировки инвариантных характеристик предметного учебника. Теория предметного учебника призвана описать функции и принципы создания учебника иностранного языка, зафиксировать универсальные требования к его содержанию и структуре. Если общая теория учебника дает описание на метапредметном уровне, то теория предметного учебника должна стать ориентировочной основой для проектирования и оценки качества учебника иностранного языка.

Ключевые слова: общая, частная теория учебника, теория предметного учебника, концепция, содержание и структура, проектирование

Вопросы проектирования учебника занимают особое место в педагогике, дидактике и методике обучения, издательском деле. Основы теории учебника заложены в работах отечественных исследователей В. Г. Бейлинсона, В. П. Беспалько, П. Г. Буги, Д. Д. Зуева, В. В. Краевского, И. Я. Лернера, Н. И. Тупальского и др. Особое место в этом ряду занимает издание ежегодного научного сборника «Проблемы школьного учебника», осветившего на своих страницах наиболее значимые аспекты его создания. Фундаментальным исследованием в области учебника иностранного языка (УИЯ) стала работа И. Л. Бим «Методика обучения иностранным языкам как наука и проблемы школьного учебника», в которой известный автор учебников немецкого языка выделяет дидактические и методические особенности УИЯ, формулирует основополагающие принципы построения учебника иностранного языка, ориентирующие на самые существенные аспекты: цели, содержание, структуру, методическое построение УИЯ [1; 270].

Значительное количество изысканий в данном направлении предпринято в 70–90-е годы XX века. Вместе с тем изменение целей и задач, содержания образования, появление новых технологий обучения ведут к развитию теории учебника, его совершенствованию как средства обучения. Значительная часть проводимых исследований так или иначе затрагивает про-

блемы создания учебника, что обусловлено его ролью в образовательном процессе. По словам М. Н. Вятюнчева, «создание целостной теории учебника иностранного языка – это объемная многоаспектная и сложная задача, которая может быть выполнена объединенными усилиями представителей нескольких наук, имеющих прямое или косвенное отношение к исследованию проблем преподавания иностранных языков» [3; 7].

Большинство работ последних лет, посвященных учебнику, носит фрагментарный характер, имеет статус кандидатских диссертаций и освещает отдельные проблемы, которые можно классифицировать следующим образом: конструирование учебника, интеграция мультимедийного пространства в образовательное посредством электронного учебника, особенности отдельных компонентов учебника (тексты, упражнения, оформление и др.), специфика предметных учебников, описание его содержания на основе одного из методических подходов, проблемы анализа учебника и определение критериев его оценки.

Тематика данных работ объединена попытками найти ответы на актуальные вопросы, связанные с отбором и организацией материала в условиях современной образовательной системы. Тем не менее на сегодняшний день обнаруживается противоречие между наличием достаточного опыта описания учебника и отсут-

ствием единых требований к его составлению. Эволюционный пересмотр основных положений теории учебника и построение ориентировочной основы для его создания и оценки обусловлены, на наш взгляд, следующими обстоятельствами:

- Смена ценностных ориентиров и педагогических концепций, а значит, и целевых установок ведет к пересмотру содержания учебника и способов его усвоения, что не нашло еще концептуального отражения в научных исследованиях.
- Вариативность и стандартизация образования должны обеспечить, с одной стороны, усвоение программного материала, обязательного минимума, а с другой – открывая возможности реализации авторских методических концепций, ориентировать учителя на оценку их пригодности к использованию в реальных условиях обучения с учетом типа школы, состава и наполняемости класса, особенностей обучающихся и эффективности предлагаемого подхода.
- Многообразие компонентов УМК требует определить их функции и взаимосвязи, подвести некоторые итоги дискуссии по поводу преимуществ и недостатков традиционного и электронного учебников. Увлечение ИКТ серьезным образом сказывается на отсутствии внимания к разработке теоретических основ учебника, которые, по мнению многих исследователей, составляют ядро электронных изданий.
- Расширение рынка учебной литературы и открытость информационного пространства ведут к появлению все новых учебников. Приоритет финансовой прибыли и доходности учебного книгоиздания, для которого характерен стоимостной обмен, далеко не всегда обеспечивает выпуск качественных изданий с точки зрения как полиграфии, так и концептуального содержания.
- Сложность прохождения экспертизы учебника и получения грифа не способствует вовлечению новых авторов в процесс создания учебников. Некоторая субъективность экспертных заключений и отсутствие общепризнанных схем и критериев оценки учебной книги не обеспечивают прозрачность и публичность оценки конечного продукта.
- Отсутствие обратной связи между учебными заведениями и издательствами, авторами учебников и субъектами образовательного процесса, недостаток пилотных проектов сказываются на качестве учебной литературы, исключают возможность влияния субъектов образовательного процесса на содержание учебника.

Таким образом, перспективы развития теории учебника мы связываем с разработкой нового подхода к проектированию и конструированию учебника, формулировкой универсальных

принципов его создания и объективных критериев оценки качества и эффективности главного средства обучения. Назрела потребность в описании концепции нового учебника, в которой его структура и содержание будут рассмотрены в философском, педагогическом, дидактическом, методическом, психологическом, лингвистическом, функционально-деятельностном аспектах. Теория учебника отражает все составляющие образовательного процесса, в ней представлены и содержательно раскрыты все его компоненты, поскольку учебник моделирует и отражает такие категории, как: целеполагание, концепция (метод) обучения, содержание и организация учебного процесса, метод и технологии обучения, уровень и форма овладения целевыми навыками и умениями (компетенциями). В УИЯ особенно отчетливо прослеживаются методы обучения иностранным языкам, авторская концепция, моделирующая процесс обучения и управляющая учебно-познавательной деятельностью обучающихся.

Ключевая проблема иноязычного образования заключается, на наш взгляд, в отсутствии теории предметного учебника – учебника иностранного языка. Анализируя опыт, теорию и практику создания учебников, А. В. Хуторской выделяет три направления развития теории учебника [6]:

1. Дополнение и усовершенствование имеющихся требований к учебнику, обновление его характеристик с учетом меняющихся условий обучения и основных положений перспективных подходов, ведущий не к качественным, а к количественным преобразованиям, накоплению теоретических положений.

2. Разработка единой для всех случаев теории учебника, отражающей достижения научно-педагогической мысли на определенном этапе развития образования. Этот путь представляет собой, по словам А. В. Хуторского, «дидактическое миссионерство» и не нашел пока своей разработки в настоящее время.

3. Отказ от общей теории учебника и создание учебников с опорой на те или иные образовательные концепции, каждая из которых предъявляет к ним свои требования. Согласно третьему пути, теорий учебников существует столько, сколько существует педагогических систем. Данное направление исследований получило наибольшее распространение. Действительно, основы проектирования не могут быть одинаковыми для разных дидактических систем, имеющих различные методологические основания. Тезис А. В. Хуторского о том, что смысл образования не может быть всегда, везде и для всех один и тот же, приводит его к заключению о том, что обеспечение вариативности системы образования и существующих в ней дидактических систем связано с появлением альтернатив-

ных и параллельных учебников, создаваемых для определенного типа школ (образовательных систем).

Основываясь на анализе имеющихся разработок, мы рассматриваем перспективные возможности формирования **четвертого направления** в развитии теории учебника – появление теорий предметных учебников, совмещающих в себе теоретические основы конструирования учебника как учебного издания и методологические положения, отражающие и суть образовательной системы, и закономерности процесса обучения конкретному предмету, приоритетные подходы в обучении.

Если третий путь отвечает принципу вариативности образования, то развитие теории предметного учебника обеспечит авторов методологической базой, позволит классифицировать имеющиеся требования и описать особенности содержания и структуры предметного учебника, научно обоснованные инварианты методической организации его содержания. Здесь следует указать на принципиальную разницу используемых понятий. Если общая теория учебника рассматривает проблемы создания учебника на метапредметном уровне, то теория предметного учебника занимается исследованием вопросов, касающихся универсальных инвариантных характеристик учебника по конкретной учебной дисциплине. Частную же теорию учебника отличает, на наш взгляд, функциональная направленность, обращенность к определенным аспектам, особенностям учебной литературы, создаваемой в рамках той или иной методической системы.

Мы не можем согласиться с категорическими высказываниями части исследователей о том, что общая теория учебника не разработана. В работах ведущих ученых выделены основные функции учебника, принципы и требования к его созданию, особенности содержания и структуры. По мнению Р. П. Мильруда, теория учебника не только развивается, но и выделяется отдельная область знаний – учебниковедение. Динамичное развитие теории УИЯ может быть обусловлено, согласно ученому, следующими обстоятельствами [4]:

- появлением новых междисциплинарных знаний, их интеграцией в учебник;
- пересмотром первоначальных положений коммуникативной дидактики, ориентированной преимущественно на решение прагматических задач;
- вовлечением в сферу образования мультимедийной среды, внедрением ИКТ;
- автономностью учителя в выборе учебника, внесении изменений в учебник, в авторский замысел;
- автономностью ученика и повышением его ответственности за учебные результаты.

Отметим, что Ж. Л. Витлин рассматривает данные условия одновременно как факторы, затрудняющие создание и выбор учебника [2]. Вариативность образовательных программ и целевых установок, профилизация содержания и разнорядность подготовки обуславливают, по его мнению, необходимость заложить широкие возможности дифференциации и индивидуализации в обучении, предоставить преподавателю арсенал выбора.

Не менее значимым для нас является и то обстоятельство, что, рассматривая учебник традиционно как центральное звено, эффективный способ оптимизации учебного процесса, Ж. Л. Витлин ратует за целесообразность создания единого УИЯ для вузов. В таком учебнике, согласно исследователю, должны быть учтены теоретические и методические основы, принципы обучения, а лингвострановедческая и лингвокультурологическая информация должна составить каркас такого единого учебника. Это означает, что теория предметного учебника не просто возможна, но и необходима, тем более на уровне средней школы. Ярким подтверждением тому является разработка концепции нового учебника истории, в которой формулируются методологические основы и содержательно-целевые характеристики предметного учебника.

Представления о концептуальных основах УИЯ имеют существенные различия. Наряду с отсутствием единообразия, проблема видится и в том, что в теории учебника принципы и требования к его созданию подменяются общими принципами обучения. Не составляет исключение и учебник иностранного языка. И. Ю. Низовая [5], например, приравнивает принципы обучения, выдвинутые Е. И. Пассовым и его научной школой (речемыслительная активность, мотивированность, целенаправленность, индивидуальность, ситуативность, новизна, информативность, эвристичность речевых действий, функциональность, проблемность), к основополагающим принципам современной теории УИЯ, которые определяют такие его характеристики, как:

- системно-структурный подход к организации материала;
- моделирование как метод решения методических проблем обучения;
- интегративный подход к организации видов речевой деятельности, отражению иноязычной культуры;
- деятельностный подход, определяющий целенаправленность, мотивированность;
- коммуникативность как основа всей технологии обучения.

Безусловно, закономерности обучения иностранным языкам и принципы иноязычного образования должны найти отражение в содержании и структуре УИЯ. Анализируя современные изыскания в области создания предметного

учебника, мы обнаруживаем два основных направления исследований:

- обращение к особенностям отдельных элементов учебника (текстам, оформлению, системе упражнений и заданий, структуре и т. п.);
- попытка представить концепцию учебника на основе частного подхода или метода обучения.

Вопросы зависимости содержания и структуры УИЯ от методической концепции авторов действительно имеют решающее значение. Вместе с тем мы считаем необходимым указать на целесообразность и назревшую потребность в формулировке универсальных принципов создания УИЯ. Она, с одной стороны, вызвана, а с другой – аргументирована лингводидактическими закономерностями и стандартизацией образования, обеспечиваемой как примерной учебной программой и стандартами школьного образования, так и компетентностным уровнем подходом в иноязычном образовании.

Как мы указывали выше, работы последних лет раскрывают особенности отдельных элементов УИЯ, содержат детализацию параметров учебного материала в рамках избранной методической концепции. Тем не менее данные исследования вносят существенный вклад в развитие теории УИЯ и позволяют выявить типологические характеристики современного УИЯ [7].

Суммируя итоги имеющихся разработок и результаты теоретического анализа научно-педагогической и методической литературы, формулируем следующие выводы:

1. Теория учебника – динамично развивающийся самостоятельный раздел общей дидактики. Эволюция представлений об учебнике напрямую связана с развитием образовательной системы, моделью которой он и является. Общая теория учебника обеспечивает авторов учебников ориентировочной основой их создания на метапредметном уровне.
2. Назрела необходимость создания теории предметного учебника – учебника иностранного языка, которая будет реализовывать основополагающие положения общей теории

учебника и сформулирует универсальные принципы создания предметного учебника, единые требования к его содержанию и структуре. Теория предметного учебника позволит систематизировать результаты проведенных исследований, акцентировать внимание на концептуальных основах УИЯ, выявить характерные особенности предметного учебника вне зависимости от его методической ориентации. Для построения такой теории, фиксирующей инвариантные характеристики УИЯ, есть все предпосылки и основания.

3. Теория предметного учебника призвана описать функции и принципы построения предметного учебника, рассмотреть особенности его содержания и структуры. Аккумулируя основные характеристики современной парадигмы иноязычного образования, закономерности усвоения иностранного языка, теория предметного учебника обеспечит авторов УИЯ и экспертное сообщество методологической основой и будет способствовать реализации основных принципов образовательной политики – единства образовательного пространства и стандартизации образования.
4. В силу консервативного характера образовательной системы и многоступенчатости реализации проекта написания и внедрения учебника внесение изменений в практику создания учебника происходит достаточно медленно. Такой цикл может составить от 5 до 10 лет, поэтому авторы учебника должны предусмотреть возможности обновления его содержания и коррекции способов усвоения материала. Теория предметного учебника должна не только сформулировать концептуальные положения, но и обозначить вариативные подходы к созданию учебника, отражающие особенности того или иного метода обучения иностранным языкам. Тем самым учителю иностранного языка будут предложены объективные параметры анализа и оценки качества учебника исходя из задач и условий обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бим И. Л. Методика обучения иностранным языкам как наука и проблемы школьного учебника. М.: Рус. яз., 1977. 288 с.
2. Витлин Ж. Л. Теоретические и методические основы учебников первого иностранного языка для вузов // Иностранные языки в школе. 2007. № 3. С. 45–50.
3. Вятюгнев М. Н. Теория учебника русского языка как иностранного (методические основы). М.: Рус. яз., 1984. 144 с.
4. Мильруд Р. П. Учебник иностранного языка: синергетика жанра или энергетика автора? // Иностранные языки в школе. 2005. № 8. С. 12–18.
5. Низовая И. Ю. Теория и практика создания электронного учебника по русскому языку как иностранному: Дисс. ... канд. пед. наук. М., 2001. 193 с.
6. Хуторской А. В. Место учебника в дидактической системе // Педагогика. 2005. № 4. С. 10–18.
7. Якушев М. В. Типологические особенности учебника как вида учебного издания // Ученые записки Орловского государственного университета. 2014. № 4 (60). С. 308–314.

PROSPECTS OF FOREIGN LANGUAGE TEXTBOOK THEORY DEVELOPMENT

The article considers the possibility and purposefulness of singling out a separate theoretical area – the theory of the subject tutorial – in the framework of the general theory of the textbook. The author indicates that a sufficient amount of works have been written on the matter. However, the dominating objects of the scientific study, as research shows, are individual structural elements of the textbook or its content components. A prevailing number of the existing studies describe peculiarities of a foreign language textbook created within a particular method / teaching concept. A foreign language textbook is regarded as a product of the established methodical system. The properties of this system influence the content and structure of the textbook, define its characteristics. This, in turn, contributes to the realization of the principle of educational variability. Implementation of the two leading vectors of the state educational policy – the unity of educational space and standardization of education is possible through an in depth elaboration of the unified concept of a foreign language textbook for high schools and formulation of invariant characteristics of the subject textbook. The theory of the subject textbook is intended to describe the functions and principles of the foreign language textbook development, to fix universal requirements for its content and structure. If the general theory of the textbook gives a description at the meta-subject level, the theory of the subject textbook should be an indicative basis for the projection and evaluation of the quality of a foreign language textbook.

Key words: general, special theory of textbook, the theory of a subject textbook, concept, content and structure, projection

REFERENCES

1. Bim I. L. *Metodika obucheniya inostrannym yazykam kak nauka i problemy shkol'nogo uchebnika* [Methodology of teaching foreign languages as a science and the problems of the school textbook]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1977. 288 p.
2. Vitlin Zh. L. Theoretical and methodological foundations of the first foreign language textbooks for high schools [Teoreticheskie i metodicheskie osnovy uchebnikov pervogo inostrannogo yazyka dlya vuzov]. *Inostrannye yazyki v shkole* [Foreign languages in school]. 2007. № 3. P. 45–50.
3. Vyatyutnev M. N. *Teoriya uchebnika russkogo yazyka kak inostrannogo (metodicheskie osnovy)* [Theory of the Russian textbook as a foreign language (methodological foundations)]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1984. 144 p.
4. Mil'rud R. P. Foreign language textbook: synergy of the genre or the author's? [Uchebnik inostrannogo yazyka: sinergika zhanra ili energetika avtora?]. *Inostrannye yazyki v shkole* [Foreign languages in school]. 2005. № 8. P. 12–18.
5. Nizovaya I. Yu. *Teoriya i praktika sozdaniya elektronnoho uchebnika po russkomu yazyku kak inostrannomu: Diss. ... kand. ped. nauk* [Theory and practice of e-book on Russian as a foreign language. Cand. ped. sci.diss.]. Moscow, 2001. 193 p.
6. Khutorskoy A. V. A place of the textbook in the didactic system [Mesto uchebnika v didakticheskoy sisteme]. *Pedagogika* [Pedagogy]. 2005. № 4. P. 10–18.
7. Yakushev M. V. Typological features of the textbook as a kind of educational publications [Tipologicheskie osobennosti uchebnika kak vida uchebnogo izdaniya]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Orel state university]. 2014. № 4 (60). P. 308–314.

Поступила в редакцию 21.10.2014

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ МАЛЫШЕВ
старший преподаватель кафедры речевой коммуникации
факультета журналистики, Санкт-Петербургский госу-
дарственный университет (Санкт-Петербург, Российская
Федерация)
malyshev.alexander@mail.ru

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРВОЙ РУССКОЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ СТАТЬИ ОБ ОПЕРЕ (1738 ГОД)*

История оперы в России начинается с января 1736 года. Первая попытка осмыслить историческое развитие оперы предпринимается в России Якобом Штелиным в 1738 году на страницах научно-популярного журнала «Примечания к Ведомостям». В статье Штелина доступным для читателя средней образованности языком излагаются основные этапы развития оперного искусства в Италии и в остальной Европе, а также повествуется о первой поставленной в России опере. Основными лексико-стилистическими особенностями культурно ориентированного текста Штелина являются насыщенность статьи «оперной топонимией» (в широком и узком смысле), именами виднейших оперных деятелей и лучших оперных сочинений, обильное использование эпитетов для характеристики всех аспектов оперного искусства. Текст содержит значительное количество театральной терминологии, часть которой для облегчения читательского понимания снабжена внутритекстовыми толкованиями. Рассмотрение употребления Штелиным театральной лексики в отдельных случаях позволяет уточнить время вхождения слова в русский язык и определить преломление семантики слова в театральном ключе. Кроме того, можно констатировать, что активное вхождение в литературный язык театральной терминологии и знакомство с ней широких кругов русского общества, начавшиеся во время правления Анны Иоанновны, в ряде случаев могло происходить именно на страницах «Примечаний».

Ключевые слова: русская журналистика XVIII века, русский литературный язык XVIII века, историческая стилистика, историческая лексикология

Театральная культура постпетровской России, опирающаяся, с одной стороны, на традицию школьного театра второй половины XVII века, а с другой – на придворный театр Алексея Михайловича и петровские ассамблеи, носила преимущественно светский характер [2; 6–8]. Посещение театра и, как следствие, овладение базовой театральной терминологией постепенно должны были стать привычным элементом культурной жизни образованного человека (о роли моды в расширении кругозора и лексикона в XVIII веке см., например: [3; 68–71]). Как отмечает Л. М. Старикова, именно в 1730-е годы российское общество получает своеобразный театральный «раздражитель» в лице приглашенной в Петербург итальянской труппы, стоявшей у истоков профессионального российского театра, тогда же появляются и первые отечественные работы по истории и теории театра [7; 27–29].

Первая опера была поставлена в России 29 января 1736 года, в день рождения императрицы Анны Иоанновны. Сочинение неаполитанского композитора Франческо Арайя «Сила любви и ненависти» произвело в Санкт-Петербурге подлинный фурор. Опера исполнялась по-итальянски, автором русского либретто стал В. К. Тредиакowski. Появление нового для России вида театральных представлений вызвало закономерный интерес к нему со стороны обра-

зованного общества, органично и с охотой воспринимавшего новые увеселения [8; 290]. В 1738 году в журнале «Примечания к Ведомостям» появилась статья Якоба Штелина «Историческое описание одного театрального действия, которое называется опера». Эта статья является одной из самых объемных в истории «Примечаний»: она занимает 18 частей или 72 страницы (ч. 17–21, 33–34, 39–49, с. 65–84, 132–139, 140–183 соотв.); кроме рассмотрения истории и современного состояния оперы, в статье присутствует подробный пересказ содержания отдельных опер.

Статья Штелина, как и другие материалы «Примечаний», была написана с установкой на простоту и увлекательность изложения (см.: [5]). Рассуждение об оперном искусстве Штелин закономерно начинает с определения того, что представляет собой опера. На первых страницах статьи опера последовательно определяется как *«некоторой род театральных действий, которой представляется на музыке»* (здесь и далее в цитатах и именах собственных сохраняется написание оригинала. Источником являются «Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям»¹, страницы указываются в круглых скобках) (65), как *«такой род театральных действий, которые показываются от поющих лиц»* и как *«действие пением отправляемое»* (67), неоднократно используются и сочетания *«опера»*

на музыке» и «сочиненная на музыке драма». Слово *опера* впервые фиксируется в русском языке в 1697 году, причем в большинстве толкований этого слова, особенно в первой половине XVIII века, присутствует упоминание пения и музыки [6; Вып. 17, 12–13]. Понимание оперы как «драмы» неслучайно: словом *драма* в XVIII веке могло обозначаться не только собственно драматическое, но и любое театральное сочинение [6; Вып. 6, 251] (аналогичная ситуация была в XVII и первой трети XVIII века со словом *комедия* [1]). Показательно, что такое понимание оперы сохраняется и в академическом Словаре 1847 года («драматическое сочинение с пением и музыкою»), тогда как в важном для XVIII века словаре С. Волчкова речь идет о «комедии, на музыке с машинами» (в «Словаре Академии Российской» слово *опера* не обнаружено).

Главное отличие оперы от трагедии и комедии состоит в отсутствии в ней иных действующих лиц, кроме античных богов и героев, аллегорических фигур, а также пасторальных и библейских персонажей. Опера мыслится Штелиным как особое искусство, происходящее от высших слоев общества: в Европе она появилась благодаря усердию и иждивению высородных и состоятельных любителей всего изящного, в России же появление оперы стало возможным лишь после благословенного воцарения Анны Иоанновны (66). Зарождением оперы как привилегированного театрального представления обусловлено и ее содержание: «Все в ней есть знатно, великолепно и удивительно. В ее содержании ничто находится не может, как токмо высокия и несравненные действия, божественныя в человеке свойства, благополучное состояние мира, и златые веки» (68). При этом опера, по Штелину, выгодно отличается как от комедии, восходящей к простонародным игрищам, так и от нередко скучной трагедии, мастерски сочетая в себе их лучшие качества. Приобщение к оперному искусству в известной степени вводит зрителя в круг избранных, ибо только в опере мы встречаем подлинное раскрытие таланта композитора, стихотворца, певцов, танцоров, а также хитроумные механические изобретения.

Подавляющее большинство страниц статьи посвящено описанию эволюции оперы в Италии: от церковного песнопения и народного театра до знакового атрибута итальянской светской жизни (к XV веку) и последующего перехода на качественно иной уровень. Штелин вновь подчеркивает аристократическую природу оперы, проводя параллель между оперой и древнеримским театром, на который цесари «полагали ужасныя иждивения» (73). Особо отмечается признание оперы католической церковью: «преизрядная» пасторальная опера Баттисто Гуарини «Верный пастух» была признана шедевром даже святой инквизицией, а в 1731 году папа Климент XII

разрешил ставить оперы в Риме круглый год. В Англии оперное искусство развито крайне слабо, в Испании, Португалии и Голландии оно практически отсутствует, в России настоящая опера появилась два года назад и несомненно имеет блестящее будущее.

Отметим основные лексико-стилистические особенности статьи Штелина:

1. Максимально широкая подача европейской «оперной топонимии». В широком смысле она представлена названиями крупнейших оперных центров (Рим, Венеция, Неаполь, Флоренция, Медиолан, Верона, Турин, Вена, Гамбург, Дрезден), в узком – названиями лучших оперных театров (венецианские театры Сан Кассиан, Сан Анджело, Сан Моиз, Сан Джованни Хризотомо, римский Театр делле Даме, неаполитанский театр св. Варфоломея, Баварский придворный театр, Дрезденский оперный дом и др.). Подобная информация могла сформировать своеобразный оперный путеводитель для культурно ориентированного читателя, отправляющегося в Европу.

2. Сообщение читателю имен выдающихся оперных деятелей всех времен, без чего было бы невозможным полноценное освоение читателем оперной культуры: композиторов (Беверини, Чести, Каппони, Полароли, Капелли, Порты, Орландини, Фиоре, Порпора, Лотти и др.), кастратов (Пазы, Керестини, Пачини, Бернахо, Кафалли, Николини, Фокинелли, Синезино, Фаринелли), певиц (Тези, Фаустина, Куцциони, Лемор), капельмейстеров Луллия и Капрары, декоратора Оливизери, балетмейстера Джолиантини, поэта Кино, виолиниста Верачини, органиста Камберта и многих других. Показателем исключительного таланта в отдельных случаях является сообщение сведений о максимальных гонорарах: так, композитор Гасс аль Сассоне получает за оперу 100 луидоров (375 рублей), певица Фаустина за время венецианского карнавала зарабатывает до 1200 цехинов (2700 рублей), а кастрат Фаринелли – 1001 цехин (ранее ни один кастрат не получал от венецианцев более 1000 цехинов). К именам знаменитых «оперистов» примыкают и названия наиболее значимых, по мнению Штелина, произведений оперного искусства («Презренная правда», «Брань Аполлонова с Питонским драконом», «Дом Славы», «Торжество Дианы», «Андромеда», «Желание к владению», «Артаксеркс», «Нептуново торжество», «Клеофид» и др.).

3. Восприятие оперы неразрывно связано с эстетическим наслаждением, получаемым от исполнения и содержания арий. Пение итальянских кастратов на стихи итальянских авторов признается образцовым, за итальянской оперой следует французская, созданная приглашенными из Италии мастерами. Штелин отмечает, однако, что французская опера замкнута сама на себе, а отсутствие во Франции культуры ка-

стратов приводит к тому, что многие французские исполнители поют «*фистулою и хрипатым голосом*», что весьма неприятно слушать. Ранние иезуитские сочинения немецких аббатов были «*гнусны и скудны*» и мало походили на оперу (157). Оценка оперных деятелей и самих опер создается с помощью обильного использования эпитетов (правда, их набор не отличается разнообразием): *славные* композиторы и их оперы, *несравненные* мастера и мастерицы, *великая* похвала, *щастливое* представление, *щастливый* успех, *великое* удивление, *несравненные* стихотворцы, *славные* и *славнейшие* кастраты, *изрядные* и *преизрядные* виртуозы, *наисовершеннейшая* опера, *приятное* увеселение, *особливое* искусство и т. д. (см. выше и эпитеты, характеризующие содержание образцовой оперы).

4. Описание оперы было бы невозможным без употребления театральной терминологии. В статье встречаются такие театральные или осмысляемые в театральном преломлении понятия, как *ария*, *виолинист* 'игрок на виоле', *виртуоз*, *диалого*, *драмма*, *интермедия*, *кантата*, *капельмейстер*, *кастрат*, *ложка*, *мотет* 'четырёхголосное пение', *оперетта*, *оперист* 'оперный артист / сочинитель оперы', *оперная банда*, *пасторелла*, *пролог*, *рецитатив*, *стансы*, *такт*, *терцетт*, *терция*, *фарс*, *эклога* и др. Некоторые из них, могущие вызвать непонимание у читателей статьи, заботливо снабжены внутритекстовыми толкованиями. Так, до изобретения речитатива опера исполнялась «*на подобие мотетов, или по стансам, то есть на подобие на стишки разделенныя песни, в которой оные стишки два человека между собою поют по переменах*» (71). Читатель узнавал типологию театральных представлений: «*Кантата, то есть малое пением представляемое действие <...> великая на музыке сочиненная драмма, то есть целое действие или опера <...> Когда такое действие представлялось только от двух лиц, то называли оное Диалогетто и Диалого, то есть разговор на музыке. Ежели же в оном употреблены были 3 или 4 персоны, то называлось оно уже Оперетта,*

то есть малая драмма <...> Эклоги или пастушеские представления на музыке» (72). В одной из опер действие начинается «*терцеттами, или переменяющимися ариями, состоящими из коротких стихов, из которых по три всегда на одну рифму кончаются*» (80). В опере «Дом Славы» аллегория славы выступала «*в прологе, или в первой речи к слушателям*» (132). Некоторые комедии «*праведнее должны называться оперным Фарсом или после комедии представляемыми шутками, нежели оперою*» (161).

По данным Картотеки «Словаря русского языка XVIII века», основная часть перечисленных терминов впервые фиксируется либо входит в активное употребление именно в 1730-е годы. Так происходит, например, с дериватами корня *опер-* (кроме слова *опермейстер*, датированного 1716 годом): слово *оперист* отмечается в 1735 году, *оперистка* и *оперетта* – в 1738 году, *оперный*, *оперийский*, *оперический*, *оперский* – в 1730-е годы. Слово *ложка* в значении 'зрительское место в театре' входит в употребление в 1733 году, *диалог*, *рецитатив*, *эклога* – в 1730-е годы, *драмма* – в 1738 году (написание *драма* отмечено лишь в 1790-е годы), *пролог* – в 1738 году, *терцет* – в 1738 году (при слове *терция* с 1670-х годов), *фарс* – в 1738 году. Материалы «Примечаний» уточняют первую фиксацию слов *кантата* (при известном уже в XVII веке слове *кант*) и *мотет*: это 1738 год, в Картотеке они датированы соответственно 1740 и 1795 годами.

Статья Я. Штелина, фактически представляющая собой первую, хотя и «достаточно наивную» (по определению Л. М. Стариковой), попытку познавательного и увлекательно осветить многовековую историю оперы, сыграла важную роль в расширении и формировании культурного сознания русского читателя 1730–40-х годов. Знакомство же широкого круга читателей с театральной терминологией в некоторых случаях впервые могло происходить именно на страницах «Примечаний», причем в данном случае эта терминология была органично вплетена в текст публикуемых материалов.

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-34-01028 «Культурно-просветительский журналистский дискурс: ценности, коммуникативные интенции и речевые жанры».

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям. СПб., 1738.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берков П. Н. Из истории русской театральной терминологии XVII–XVIII веков // ТОДРЛ. М.; Л.: Наука, 1955. Т. XI. С. 280–299.
2. Берков П. Н. История русской комедии XVIII века. Л.: Наука, 1977. 391 с.
3. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М.: Высшая школа, 1982. 528 с.
4. Кимягарова Р. С. Из истории формирования русской театральной терминологии в русском языке // Вестник Московского государственного университета. 1971. № 6. С. 63–75.
5. Малышев А. А. Рассуждения о языке и стиле в «Примечаниях к Санкт-Петербургским ведомостям» (1728–1742) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2014. № 3 (140). С. 62–65.

6. Словарь русского языка XVIII века. Л.; СПб.: Наука, 1984—<...>.
7. Старикова Л. М. Театр в России XVIII века: Опыт документального исследования. М.: Тип. им. А. А. Бахрушина, 1997. 152 с.
8. Язык и ментальность в русском обществе XVIII века. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. 318 с.

Malyshev A. A., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

LEXICO-STYLISTIC FEATURES OF FIRST RUSSIAN POPULAR SCIENTIFIC ARTICLE ON OPERA (1738)

The history of the Russian opera dates back to the January of 1736. The first attempt to comprehend opera's evolution was made in Russia by Jacob Staehlin in 1738 on pages of one popular scientific magazine "Notes to the St.-Petersburg Bulletin". In the article, available to the Russian reader of average education and written by Staehlin, the main stages of the opera evolution in Italy and Europe were described. It also said when the first Russian opera was staged. The main lexico-stylistic features of the culturally focused Staehlin's text are saturation of the article with the "opera toponymy" (in a broad and narrow sense), references to multiple names of the most outstanding opera figures and the best opera compositions, plentiful use of epithets facilitative in characterization of multiple aspects of the opera art. The text contains a significant amount of theatrical terminology, which is partly supplied with the intra text interpretations for easier understanding. The in depth study of theatrical lexicon used by Stehlin, in some cases, allows specification of the time of the entry of such words into the Russian literary language and refraction definition of some semantic words in a theatrical way. Besides, it is possible to ascertain that such active entry of theatrical terminology into the Russian literary language and subsequent familiarity with this terminology by the wide circles of the Russian society, which began during Anna Ioanovna's ruling, could have happened on pages of the "Notes".

Key words: Russian journalism of the XVIII century, Russian literary language of the XVIII century, historical stylistics, historical lexicology

REFERENCES

1. Berkov P. N. From the history of the Russian theatrical terminology of XVII–XVIIIth centuries [Iz istorii russkoy teatral'noy terminologii XVII–XVIII vekov]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Works of the Department of the Old Russian literature]. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1955. Vol. XI. P. 280–299.
2. Berkov P. N. *Istoriya russkoy komedii XVIII veka* [History of the Russian comedy of the XVIII century]. Leningrad, Nauka Publ., 1977. 391 p.
3. Vinogradov V. V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vekov* [Sketches of the history of the Russian literary language of XVII–XIXth centuries]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1982. 528 p.
4. Kimyagarova R. S. From the history of the formation of the Russian theatrical terminology in Russian [Iz istorii formirovaniya russkoy teatral'noy terminologii v russkom yazyke]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State University]. 1971. Vol. 6. P. 63–75.
5. Malyshev A. A. Reasoning on language and style in "Notes to Saint-Petersburg Sheets" (1728–1742) [Rassuzhdeniya o yazyke i stile v "Primechaniyakh k Sankt-Peterburgskim vedomostyam" (1728–1742)]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. "Obshchestvennye i gumanitarnye nauki"* [Proceedings of Petrozavodsk State University. Social Sciences and Humanities]. 2014. № 3 (140). P. 62–65.
6. *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the XVIIIth century]. Leningrad; St. Petersburg, Nauka Publ., 1984—<...>.
7. Stariкова Л. М. *Teatr v Rossii XVIII veka: Opyt dokumental'nogo issledovaniya* [Theatre in Russia in the XVIIIth century: The experience of the documentary research]. Moscow, A. A. Bakhrushin Publ., 1997. 152 p.
8. *Yazyk i mental'nost' v russkom obshchestve XVIII veka* [Language and mentality in the Russian society of the XVIIIth century]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2013. 318 p.

Поступила в редакцию 13.10.2014

СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА ПЕРВУХИНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарного факультета, Ростовский государственный университет путей сообщения (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)
s_pervuhina@mail.ru

АДАПТИРОВАННЫЙ ТЕКСТ: РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ

Адаптированию подвергаются не только тексты художественной литературы, но и узкоспециальные тексты. Соответственно, возникает необходимость в изучении специфических свойств адаптированного текста. Анализ фактического материала и теоретической литературы по данной проблеме показал, что общепринятое определение адаптированного текста нуждается в уточнении. Под адаптированным текстом следует понимать вторичный текст, измененный в содержательном и/или формальном отношении. При этом вторичный текст может становиться короче при компрессии и упрощении содержания или длиннее за счет экспликации внутридисциплинарных или междисциплинарных пресуппозиций. В ходе исследования были выявлены следующие свойства адаптированного текста: направленность на адресата, интертекстуальность, диалогичность. Автор-адапатор решает, какие именно пресуппозиции выбрать для экспликации, принимая во внимание запросы потенциальных читателей, их интересы и фоновые знания в этой теме. Внутридисциплинарные и междисциплинарные пресуппозиции обеспечивают интертекстуальность адаптированного текста. Диалогичность помогает привлечь и удержать внимание адресата, мотивировать к прочтению текста до конца. Результаты данного исследования могут использоваться при составлении адаптированных текстов.

Ключевые слова: адаптированный текст, адаптация текста, вторичный текст, интертекстуальность, диалогичность текста

Адаптация текста получила достаточно широкое освещение в филологии. Изучалась интердискурсивная адаптация [5], [6], лингвокультурная адаптация [14], прагматическая адаптация [9], [15], переводческая адаптация [4]. Интерес к этому вопросу вызван практической необходимостью научиться перестраивать текст под новые, изменившиеся условия его функционирования: воссоздавать его для новых групп читателей или для другой ситуации общения [2], [3]. Адаптация текста в этих работах рассматривается не как упрощение, а как «настройка» сообщения на другого читателя и иную ситуацию общения, где прежние языковые средства не приводят к пониманию замысла текста и нужно искать новые способы осуществления эффективной коммуникации.

В то же время результату адаптации – адаптированному тексту – уделяется куда меньше внимания. В основном это исследования, связанные с адаптацией художественных произведений и текстов учебников в обучающем дискурсе [13]. Но применение адаптированных текстов нельзя ограничивать только этой сферой. Адаптация текста осуществляется тогда, когда читателю необходимо ознакомиться с текстом, который непонятен для него по каким-то причинам. Такое бывает при общении специалиста и неспециалиста. Можно выделить медицинский, юридический, научный, образовательный и художественный дискурсы, где возможна подобная ситуация.

Адаптированный текст в Большом энциклопедическом словаре понимается как «облегченный текст литературно-художественного и др. произведения, приспособленный для малоподготовленных читателей или детей; применяется чаще при изучении иностранных языков» [1]. Это определение нуждается в дополнении и пояснении, принимая во внимание результаты исследований по изучению процесса адаптации текста. Они показывают, что не всегда адаптация текста происходит только по принципу упрощения формы, существуют случаи, когда можно судить о трансформации содержания, которая также отражается на формальном уровне. Объем текста при этом не сокращается, а наоборот, увеличивается.

Мы понимаем под адаптированным текстом вторичный текст, измененный в содержательном и/или формальном отношении, построенный с учетом фоновых знаний и запросов потенциальных читателей, которые не могут понять текст-источник. Данное определение учитывает ряд аспектов, связанных с созданием и функционированием адаптированного текста. Рассмотрим их последовательно.

Понимание адаптированного текста в первую очередь как вторичного текста важно, так как оно устанавливает родственную связь между этими текстами. Под вторичным текстом мы вслед за С. В. Ионовой понимаем «производные речевые произведения, представляющие собой результат вторичной текстовой деятельности

разных типов» [7; 69]. Уточняя это определение, отметим, что вторичные тексты создаются на основе текста-источника в других обстоятельствах, то есть с другими прагматическими целями и в другой коммуникативной ситуации, но сохраняют когнитивно-семантические элементы текста-источника как условие развертывания своего текста [11; 117]. Знание текста-источника создает культурно-информационный фон для понимания адаптированного текста, построенного на его основе. Возможно, читатель был знаком с переводом текста-источника, слышал об этой книге от своих знакомых и т. д. Вся эта информация участвует в понимании адаптированного художественного текста, происходит антиципация его структуры и компонентов на основе текста-источника. Таким образом, адаптированный текст всегда интертекстуален, и это свойство влияет на его понимание адресатом. Читая адаптированные тексты медицинской и юридической литературы, можно обратиться к тексту-источнику за дополнительной информацией, а также к справочной литературе, которая поясняет и дополняет некоторые элементы адаптированного текста.

Ранее мы уже рассматривали некоторые виды вторичных текстов. Исходя из цели и ситуации создания вторичного текста были выделены тексты-копии, тексты-продолжения и тексты-реакции [11; 117]. Тексты-продолжения основаны на событиях текста-источника, часто цитируют его, имеют многочисленные отсылки к нему. Примером являются все виды продолжения романов, серийные художественные произведения. Под текстами-копиями мы понимаем такие вторичные тексты, которые сохраняют значительную часть композиции текста-источника и не имеют собственного варианта развития сюжета, который бы отличался от текста-источника. Адаптированные тексты встречаются среди текстов-копий, так как у них прослеживается содержательная и сюжетная связь с текстом-источником. Типичный пример адаптированного текста-копии – это адаптированная художественная литература. У текста-источника и вторичного текста отмечаются общие ключевые текстообразующие компоненты, родство сюжетных линий, они имеют одинаковое заглавие. Авторы текста-источника и адаптированного художественного текста являются разными людьми, которые непременно указываются в адаптированной книге, но читатели воспринимают адаптированный художественный текст как произведение автора текста-источника. Адаптированная художественная книга, как правило, сопровождается словарем или глоссарием, учитывающими потребности новой группы читателей, для которой адаптирован этот текст, и снимающими сложности при понимании этого текста. Часто книга сопровождается вступительным или заключительным словом, где даются краткие сведения

об авторе текста-источника или истории создания этой книги, что формирует культурно-исторический фон для более глубокого понимания этой книги, привязывает адаптированный текст к контексту создания текста-источника. Все эти детали помогают адаптированному тексту функционировать как текст-источник для читателей, которые не могут познакомиться с оригинальной литературой. Благодаря структуре адаптированного текста не только упрощается форма выражения текста, но и создаются необходимые для понимания этого текста фоновые знания.

Адаптированные тексты могут иметь форму текстов-реакций и приобретать диалогичность. Иллюстрацией таких текстов являются комментарии к законам и кодексам, ответы юристов с комментированием конкретного закона или постановления. Они созданы для широкого круга читателей, в том числе и не имеющих прочных знаний в сфере юриспруденции. Тексты-реакции не повторяют композицию текста-источника, а концентрируются на какой-то одной или нескольких его частях. Адаптированный текст такого типа стремится не к упрощению языка текста-источника, а к вторичной категоризации знаний. Некий отрезок окружающей действительности описывается более детально, эксплицируется необходимая для этого информация. Такие тексты имеют двойственную природу: с одной стороны, они основаны на тексте-источнике и обладают характеристиками вторичного текста, а с другой стороны, они тесно связаны с объектом окружающей действительности, на которую опирается текст-источник. Информация текста-источника получает вторичную категоризацию в адаптированном тексте.

Интертекстуальность является важным свойством адаптированного текста. Так как адаптированный текст создается для определенной группы читателей с ограниченными фоновыми знаниями, то автор-адапатор стремится восполнить недостающие знания читателей через экспликацию необходимых пресуппозиций или через ссылки и цитаты релевантных источников. В комментариях к кодексам законов прослеживаются многочисленные ссылки на другие законодательные акты, эксплицируется внутридисциплинарные и междисциплинарные пресуппозиции.

Приведем пример интертекстуальности комментария к Конституции РФ от 25.12.1993. Часть 3 статьи 11 Конституции РФ гласит: *«Разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации осуществляется настоящей Конституцией, Федеративным и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий»*. В этой статье упоминается несколько нормативно-правовых документов,

а в комментариях О. Е. Кутафина к этой статье Конституции РФ можно узнать, какие именно документы регулируют эти отношения и чем ограничивается их сила: «Федеральный закон от 06.10.1999 г. в редакции от 04.07.2003 г. “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” устанавливает основные принципы и порядок заключения указанных выше договоров...

Заключаемые договоры и соглашения, а также федеральные законы, принятые по предметам ведения Российской Федерации и предметам совместного ведения, конституции, уставы, законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации не могут передавать, исключать или иным образом перераспределять установленные Конституцией Российской Федерации предметы ведения Российской Федерации, предметы совместного ведения» [8].

В данном отрывке из комментария к Конституции РФ указывается на ее главенство над другими возможными законодательными актами, а также дается ссылка на законопроект, который регулирует полномочия других договоров. Такая экспликация внутридисциплинарной пресуппозиции является примером интертекстуальности адаптированного текста. Ссылки на конкретные нормативно-правовые документы дают возможность проверить, имеют ли они силу на данный момент, они отражают изменения в юридической сфере.

В адаптированных текстах наблюдается такая черта, как диалогичность. Благодаря этому качеству в тексте содержатся выражения, подчеркивающие структуру текста и привлекающие внимание читателя, которые свойственны диалогической речи. По своей сути адаптированный текст всегда нацелен на определенную группу читателей. Если текст-источник может создаваться для всех, кто интересуется данной темой, то адаптированный текст написан для читателей с ограниченными знаниями в конкретной области. Диалогичность помогает преодолеть барьер возможного непонимания. Приведем примеры текстов-реакций из колонки ответов юристов:

Вопрос: «Здравствуйте! Я капитан ВС РФ!!! Я знаю, что меня без моего согласия могут перевести в другой город для прохождения службы! Если у моей жены мама инвалид, прикованный к постели, меня могут отправить без моего согласия???»

Ответ: «МОГУТ, за исключением случаев, указанных в п. 2 ст. 15 Положения... Так что предоставьте справки о том, что....».

Вопрос: «Живу в частном доме в деревне. Договор на вывоз мусора не был заключен. Имею ли я право отказаться от услуги вывоза мусора?»

Ответ: «А куда вы деваете свой мусор? Его не может не быть по определению. Вывозить самим без лицензии запрещено. Сжигать запрещено. Если задолженность по оплате техобслуживания/содержания жилого помещения имеется, то, несмотря на отсутствие письменного договора с УК, ее искивые требования обоснованны (см. ч. 7 ст. 155 ЖК). В соответствии с гражданским законодательством договор на вывоз твердых бытовых отходов относится к публичным договорам (этим пользуется неопределенный круг населения) и в этом случае в соответствии с гражданским законодательством специальное письменное заключение не является обязательным» [10].

Отметим, что приведенные выше примеры адаптированного текста дают дополнительные знания для понимания ситуации, описанной в тексте-источнике.

Изучение сложности текста и параметров, определяющих сложность текста, ведется очень давно [17], [18], [19] и др. Адаптированный текст возникает при упрощении текста-источника не только в содержательном, но и в смысловом отношении.

Построение адаптированного текста осуществляется с учетом фоновых знаний и потребностей потенциальных читателей. Чем больше у читателя опыта в данной сфере, тем легче и быстрее воспринимается информация о данном тексте. В исследованиях Г. Лероя и др. [19] изучалось понимание адаптированных и неадаптированных текстов на тему депрессии и сердечно-сосудистых заболеваний. В ходе эксперимента выяснилось, что текст о депрессии, даже с использованием медицинской терминологии и длинных предложений, понятен читателям без специального образования лучше, чем адаптированный медицинский текст о заболеваниях сердца. К сожалению, авторы не сделали выводов о причинах такой ситуации. Мы можем объяснить ее тем, что в обычной жизни депрессия очень распространена и так или иначе люди сталкиваются с ней куда чаще, чем с профессиональным лечением сердечно-сосудистых заболеваний. Чувственно пережитый опыт помогает воссоздать пробелы в фоновых знаниях при чтении специализированного текста. Понимание текста о сердечно-сосудистых заболеваниях, даже если он адаптирован, требует наличия знаний анатомии, физиологии и др., что образует внушительный пласт специальных знаний, формирующих профессиональное языковое сознание. Оно состоит из множества пресуппозиций, которые невозможно воссоздать в рамках одного адаптированного текста. Сложность адаптированного текста в рамках специализированной сферы остается высокой. Отсюда можно сделать вывод, что знание сферы текста является значительным фактором, влияющим на его пони-

мание. Этот фактор необходимо учитывать при адаптации текста.

Резюмируем. В настоящее время необходим новый взгляд на адаптированный текст, так как адаптации подвергается не только художественная, но и научная литература. В ходе исследования нами были выявлены следующие

свойства адаптированного текста: направленность на адресата, интертекстуальность, диалогичность. Практическая ценность такого исследования высока – знание о формах и свойствах адаптированного текста, степень его зависимости от текста-источника позволят создать качественную методику адаптации текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vedu.ru/bigencdic/843/>
2. Брыгина А. В. Лингвистические принципы адаптации художественного текста: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004. 200 с.
3. Брыгина А. В. О некоторых способах адаптации текста на содержательно-смысловом уровне // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Лингвистика». 2005. № 7. С. 84–88.
4. Войнич И. В. Стратегия перевода и «видимость»/«невидимость» переводчика (на материале русскоязычных переводов трагедии В. Шекспира «Юлий Цезарь») // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 30. С. 56–63.
5. Дьякова А. А. Интердискурсивная адаптация текста: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 20 с.
6. Ионова С. В. Принципы интердискурсивной адаптации текстов // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер. «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». 2006. № 5. С. 50–59.
7. Ионова С. В. О двух моделях построения вторичных текстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. «Языкознание». 2006. № 5. С. 69–76.
8. Кутафин О. Е. Конституция Российской Федерации. Постатейный научно-практический комментарий. ЗАО «Библиотека Российской газеты», 2003 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusfolder.com/11009997>
9. Лобанов С. В. Прагматическая адаптация художественного текста: опыт функционально-стилистического анализа // Иностранные языки в высшей школе. 2010. № 4. С. 99–106.
10. Ответы юристов на сайте «Юрист Онлайн» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.yurist-online.net>
11. Первухина С. В. Когнитивно-семантическая связь вторичных текстов и их текстов-источников // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. № 2. Т. 1. Филология. С. 116–125.
12. Попова О. В. Адаптация текста к новым параметрам коммуникативной ситуации // Вестник Омского университета. 2011. № 4. С. 222–226.
13. Трыгуб И. С. Лингвометодический потенциал народных сказок в обучении русскому языку как иностранному младших школьников: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. М., 2006. 21 с.
14. Тукалевская Н. Ю. Культурная адаптация в англосаксонских текстах: Дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2011. 220 с.
15. Тюрина Н. И. Прагматическая адаптация англоязычных газетно-публицистических текстов. СПб.: СПбГУ, 2003. 209 с.
16. Эрдынеева Ч. В., Хундаева Е. О. Научный стиль: виды перевода и компрессии текста // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. 2011. № 4. С. 103–107.
17. Flesch R. A New Readability Yardstick // The Journal of Applied Psychology. 1948. Vol 32(3). June. P. 221–233.
18. Fry E. A Readability Formula That Saves Time // Journal of Reading. 1968. Vol. 11 (7). P. 265–271.
19. Leroy G., Helmreich S., Cowie J. R. The influence of text characteristics on perceived and actual difficulty of health information // International journal of medical informatics. 2010. № 79. P. 438–449.

Pervukhina S. V., Rostov State Transport University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

SIMPLIFIED TEXT: TERM DEVELOPMENT

Foreign philological sciences traditionally use the term “simplified text” to denote the text, which is simplified for special readers who might consider the source-text difficult for understanding. Not only belles-lettres texts are exposed to simplification but also texts of highly specialized sciences. Consequently, there is a necessity for studying specific properties of the simplified text. The analysis of actual materials and theoretical research on the given problem have shown that the standard definition of the term “simplified text” requires specification. A simplified text is a necessarily secondary text, which form and/or content is changed. Thus a secondary text can become shorter due to compression and content simplification, or can become longer at the expense of explication of intradisciplinary or interdisciplinary presuppositions. The Russian philological science uses the term “adapted text” much wider than the term “simplified text”. The given research reveals the following characteristics of the simplified (adapted) text such as orientation to the addressee, intertextuality, and interaction. The author-adaptor decides what presuppositions should be chosen for explication taking into consideration requirements of potential readers, their interests, and background knowledge on the subject. Intradisciplinary and interdisciplinary presuppositions provide intertextuality of simplified (adapted) texts. Such interaction helps to catch and keep the addressee’s attention, to motivate text perusal. Results of the given research can be used in texts’ simplification (adaptation).

Key words: adapted text (simplified text), text adaptation, simplification of the text, secondary text, intertextuality, interaction

REFERENCES

1. *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Big Encyclopaedia]. Available at: <http://www.vedu.ru/bigencdic/843/>
2. Brygina A. V. *Lingvisticheskie printsipy adaptirovaniya khudozhestvennogo teksta: Diss. ... kand. filolog. nauk* [Linguistic principals of adaptation of belles-lettres text. PhD. philol. sci. diss.]. Moscow, 2004. 200 p.
3. Brygina A. V. On some methods of text adaptation on content level [O nekotorykh sposobakh adaptirovaniya teksta na

- soderzhatel'no-smyslovom urovne]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya "Lingvistika"* [Herald of Peoples' Friendship University of Russia, Philology series]. 2005. № 7. P. 84–88.
4. Voynich I. V. Translation strategy and "visibility"/"invisibility of interpreter. (On the material of Russian translations of W. Shakespear tragedy "Yulius Ceasar" [Strategiya perevoda i "vidimost'" / "nevidimost'" perevodchika (na materiale russkoyazychnykh perevodov tragedii V. Shekspira "Yuliy Tsezar'"). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Chelyabinsk State University]. 2009. № 30. P. 56–63.
 5. D'yakova A. A. *Interdiskursivnaya adaptatsiya teksta: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Interdiscourse text adaptation.] Author's abstract. PhD philol. sci. diss. Volgograd, 2009. 20 p.
 6. Ionova S. V. Principals of interdiscourse text adaptation [Printsipy interdiskursivnoy adaptatsii tekstov]. *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya "Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya"* [Herald of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series of Contemporary linguistic, methodic and didactic research.]. 2006. № 5. P. 50–59.
 7. Ionova S. V. About two models of designing adapted texts [O dvukh modelyakh postroeniya vtorichnykh tekstov]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. "Yazykoznanie"* [Herald of Volgograd State University. Ser. 2. "Linguistics"]. 2006. № 5. P. 69–76.
 8. Kutafin O. E. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Postateynnyy nauchno-prakticheskiy kommentariy* [Constitution of the Russian Federation. Paragraph-by-paragraph scientific and practical commentary]. Available at: <http://rusfolder.com/11009997>
 9. Lobanov S. V. Pragmatic adaptation of belles-lettres text: experience of functional and stylistic analysis [Pragmatische adaptatsiya khudozhestvennogo teksta: opyt funktsional'no-stilisticheskogo analiza]. *Inostrannyye yazyki v vysshey shkole* [Foreign languages in higher school]. 2010. № 4. P. 99–106.
 10. *Otvet yuristov na sayte "Yurist Onlain"* [Lawyer's consultations on the site "Lawyer on-line"]. Available at: <http://www.yurist-online.net>
 11. Pervukhina S. V. Coognitive and semantic connection of the secondary texts and their source-texts [Kognitivno-semanticheskaya svyaz' vtorichnykh tekstov i ikh tekstov-istochnikov]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Herald of Leningrad State University named after A. S. Pushkin]. 2012. № 2. Vol. 1. Filology. P. 116–125.
 12. Popova O. V. Text adaptation to new characteristics of communicative situation [Adaptatsiya teksta k novym parametram kommunikativnoy situatsii]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of Omsk University]. 2011. № 4. P. 222–226.
 13. Trygub I. S. *Lingvometodicheskiy potentsial narodnykh skazok v obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu mladshikh shkol'nikov: Avtoref. diss. ... kand. ped. nauk* [Philological and methodical potential of folk tales in teaching Russian as a foreign language in primary school. Author's abstract. PhD. ped. sci. diss.]. Moscow, 2006. 21 p.
 14. Tukalevskaya N. Yu. *Kul'turnaya adaptatsiya v anglosaksonskikh tekstakh: Diss. ... kand. filol. nauk* [Cultural adaptation in anglo-saxon texts. Author's abstract. PhD. philol. sci. diss.]. Tver', 2011. 220 p.
 15. Tyurina N. I. *Pragmatische adaptatsiya angloyazychnykh gazetno-publitsisticheskikh tekstov* [Pragmatic adaptation of English newspaper texts]. St. Petersburg, Saint-Petersburg State University Publ., 2003. 209 p.
 16. Erdyneeva Ch. V., Khundaeva E. O. Scientific style: types of translation and text compression [Nauchnyy stil': vidy perevoda i kompressii teksta]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya RAN* [Herald of Buryatian scientific centre of Siberian division of RAS]. 2011. № 4. P. 103–107.
 17. Flesch R. A New Readability Yardstick // *The Journal of Applied Psychology*. 1948. Vol 32(3). June. P. 221–233.
 18. Fry E. A Readability Formula That Saves Time // *Journal of Reading*. 1968. Vol. 11 (7). P. 265–271.
 19. Leroy G., Helmreich S., Cowie J. R. The influence of text characteristics on perceived and actual difficulty of health information // *International journal of medical informatics*. 2010. № 79. P. 438–449.

Поступила в редакцию 12.08.2014

ЕЛЕНА ИВАНОВНА КОЛЕСНИКОВА

доктор филологических наук, старший научный сотрудник
Отдела новейшей литературы, Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ekolesn@mail.ru

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ УЛЬЯНОВ

аспирант кафедры рекламы и связей с общественностью
Института бизнес-коммуникаций, Санкт-Петербургский
государственный университет технологии и дизайна
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
dimaulianov.com@gmail.com

СРЕДСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В СОВЕТСКОМ МЕДИАТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТЫ «ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПРАВДА» 1930-Х ГОДОВ)

Статья посвящена описанию воздействующего характера различных тропов, используемых в статьях газеты «Ленинградская правда» за 1930-е годы. Выбор материала обосновывается тем, что эта газета сочетала в себе традиции общегосударственного органа (поскольку наследовала бренд главной советской газеты «Правда») с содержанием областного печатного издания. Советской прессе отводилась воздействующая роль на всех уровнях, начиная со зданий, в которых располагались редакции, и заканчивая словесной игрой в статьях. В процессе исследования текстов газеты выявляются такие фигуры речи, как дубитация, объективизация, риторические вопросы, риторическое восклицание, повторы, каламбур и др. С помощью социолингвистического, интертекстуально-дискурсивного методов исследуются манипулятивные приемы и создаваемый каждым из них эффект. Определяется тенденция создания псевдиалога с читателями, на деле оборачивающаяся односторонним властным посылом. Делаются выводы, что значительная функция воздействия отводилась не рационально-логическим, а эмоциональным выразительным средствам языка, которые способны создавать желаемый эффект.

Ключевые слова: медиатекст, средства художественной выразительности, риторическое усиление речи, «Ленинградская правда»

Несмотря на достаточную изученность медиаречи, появление специальных работ, посвященных воздействию интенциональности медиатекста (см. исследования Л. Р. Дускаевой, Н. И. Клушиной, Н. С. Цветовой, Г. А. Копниной и др.), специальных исследований, посвященных функционированию тропов в газетах советской эпохи в целом и в «Ленинградской правде» в частности, нет. Между тем именно эмпирический материал чрезвычайно интересен для такого рода наблюдений.

Важнейшим текстообразующим явлением советских СМИ было стремление сознательно-го воздействия на читателя. Подобная «интенция... как системный феномен устанавливала элементы и особенности взаимосвязи этих элементов» [2; 11], то есть пронизывала все лингвистические и экстралингвистические уровни газетного текста. Манипуляция общественным сознанием в СМИ 1930-х годов достигалась с помощью усиления выразительности речи, что позволяло производить нужные эмоциональные эффекты, а также зачастую служило средством смещения, замещения или подмены понятий. Рассмотрим, какие именно средства речевой выразительности применялись в советской прессе в 1930-е годы. Для анализа использовались тексты газеты «Ленинградская правда» (в ос-

новном редакционные). Этот выбор обусловлен тем, что издание содержательно сочетало в себе генеральные государственные идеи (поскольку генетически восходило к главной партийной газете «Правда») с конкретными материалами из жизни крупного культурно-промышленного областного центра.

История газеты сама по себе представляла акт брендового замещения: с 5 мая 1912 года до 21 марта 1918 газета «Правда» издавалась в Санкт-Петербурге – Петрограде. После переезда Советского правительства, ЦК РКП(б) и основной редакции газеты «Правда» в Москву начиная с № 54 впервые рядом с привычным словом «правда» в заголовке появилось набранное петитом слово «петроградская». Московская редакция с этого времени издавала главную газету страны «Правда». А с 31 марта 1918 года в Петрограде окончательно утвердилась «Петроградская правда». Это была ежедневная газета, официальный орган Центрального и Петроградского комитетов РКП(б). С 30 января 1924 года, вслед за переименованием Петрограда в Ленинград, газета была переименована в «Ленинградскую правду» (далее в тексте – ЛП), ставшую органом издания Ленинградского обкома и горкома КПСС, областного и городского Советов депутатов трудящихся. Отражая жизнь региона,

она тем не менее сохраняла свою прежнюю значимость, о чем свидетельствуют планы 1920-х годов об открытии московского отделения ЛП. Проект зданий для него разрабатывался передовыми архитекторами-конструктивистами братьями Весниными. По проектному заданию это сооружение должно было выразить динамизм, агитационный характер размещавшегося в нем учреждения.

Как видим, доминирование воздействующей функции совокупного газетного текста проявлялось на всех уровнях, начиная с архитектурного вида издательства, заканчивая непосредственно языковой игрой в излагаемом речевом материале. Отсюда вытекает методология исследования, использующая «такой подход... когда центральной проблемой становится исследование функций изучаемого объекта, вопрос о его назначении, особенностях его природы в свете выполняемых им задач, его приспособленность к их выполнению и т. д.» [4; 218]. В данной статье ставится также частная задача: рассмотреть способы «речевого воплощения социального ориентирования читательской аудитории, которое осуществлялось в трех направлениях – информировании, оценочном диагностировании и стимулировании социальной активности» [3; 24], с помощью анализа средств художественной выразительности, встречающихся в текстах газеты за 1930–1934 годы.

Исследователями отмечена принципиальная неоднородность стилистических средств в СМИ: использование «эмоционально-окрашенной лексики, сочетание стандартных и экспрессивных средств языка» [5; 107]. Действительно, на страницах газет можно увидеть все типы фигур речи, включая вопросы разных видов. В ЛП часто использовалась **дубитация** – вопросы, служащие для постановки проблемы. Как правило, подобные вопросы располагаются перед рассуждением: «Так ли обстоит на самом деле? Можно ли утверждать, что недочеты снабжения являются тем “объективным фактором”, который снимает с промышленности ответственность за прорывы в выполнении промфинплана?»¹. Модальность данного высказывания не допускает возражений со стороны представителей промышленности, срывающих выполнение промфинплана, и сомнений у читателя. Фраза направлена на формирование у него оценки происходящего, «ориентирует» в политической ситуации, заставляет безоговорочно осудить виновного. Коммуникации, свойственной вопросительной речи, здесь не происходит, поскольку вопрос по сути риторический, не требующий ответа и произносимый от имени некоей всезнающей высшей инстанции. Со свойственной советской прессе запевальщицей издание осуществляет трансляцию как самой проблемы, определяя ее как важную, так и одного единственно верного решения.

В статье «Бьем тревогу, пока не поздно!» ставится проблема о недостаточной готовности к речной навигации: «Готовы ли мы к навигации? Какие меры приняты к тому, чтобы навигация протекала в нормальных условиях, без перебоев, возможно рациональнее?»². Дубитация здесь – это формулировка насущных задач приближающегося сезона навигации. В корреляции с заглавием производственная проблема приобретает заостренную рубежность: выражения «бить тревогу», «пока не поздно» создают ощущение экстремальной ситуации. Подобная экспрессия была свойственна эпохе 1930-х годов, причем находила отклик не только в советской прессе, но и зарубежной, что свидетельствовало о всеобщей кризисной ситуации в мире.

Объективизация – это подтекстная форма диалога. Ставится предполагаемый вопрос, расположенный в начале абзаца, на который автор сам же дает ответ: «В чем же тут дело? А дело заключается в том, что и на этом участке плохо работает кооперация, плохо работает наш низовой аппарат»³. Автор задается вопросом, заостряющим проблему, делающим ее значимой не только для журналиста, но и для читателя. Затем начинает раскрывать свою точку зрения на происходящее, инкорпорируя в происходящее читателя. Приведенный пример демонстрирует воздействие на обыденное сознание читателя и формирование у него определенного миропредставления. Под псевдоаналитичностью высказывания скрывается его ориентирующая идеологическая функция: **что** в данный момент нужно считать «хорошим», а что «плохим», **кто** сейчас для власти «свой», а кто «чужой». В первой половине 1930-х годов наблюдались противоречивые тенденции: с одной стороны, происходила централизация власти и полное подчинение СМИ, а с другой – прилагались значительные усилия по формированию демократического имиджа государства. К всенародному обсуждению готовился проект новой Конституции СССР, которая должна была продемонстрировать всему миру демократическое лицо страны. Для этого важна была диалогичность власти с массами, а потому продемонстрированный пример является достаточно характерным для медиатекста 1930-х годов.

В статье «Прорыв на “Выборжце”» не ликвидирован» говорится об обнаруженном недо-выполнении промфинплана на «Выборжце», не исправленном и через несколько месяцев – «перелома так и не произошло». Автор статьи пишет: «Так в чем же дело? В чем причина невыполнения производственной программы? Первая причина – брак. Потери на браке больше всего в литье»⁴. Вопрос-объективизация придает приведенному тексту категоричность и динамичность. «Всесведущий» и «всезнающий» Пишущий не оставляет места для сомнений или рассуждений о неоднозначности ситуации.

В этом же номере – статья «Нас душит брак», где говорится о том, что на заводе «Красный Путиловец» продолжает увеличиваться количество бракованной продукции. Две эти статьи идут под общим заголовком «Брак – червоточина производства». Приведенные заголовки содержат слова в переносных значениях. Олицетворение «душит брак» говорит о том, что некачественная работа подавляет, лишает воздуха, не дает развиваться производству; во втором заголовке используется сравнение брака с червоточиной, то есть с трещиной, отверстием, проделанным червем-древоточем. Яркие живые сравнения делают газетный текст привлекательным и легко запоминающимся. В статье приводится тревожный факт: брак не только не идет на убыль, но по некоторым изделиям возрастает. Автор также задает вопрос и отвечает на него: «Где же причины? У станка, штампующего диски, сломались штампы. Несмотря на это, начальник отдела распорядился пропустить дорогую импортную сталь сквозь поломанный станок, в результате все 4 тысячи дисков пошли в брак»⁵. Как видим, автор обстоятельно излагает производственные проблемы, находит даже виновного. Подобное внимание к производственным процессам было характерно для советской прессы. Она была не только источником информации, но и реальным рычагом воздействия.

Риторические вопросы часто использовались для эффектного завершения статей. Пример этого наиболее употребительного речевого средства: «Нормально ли положение, когда есть партгруппы, месяцами не бывающие в театрах и кино, не читающие художественной литературы?»⁶. Ответ очевиден: «Нет, не нормально». Пресуппозицией данного высказывания является не подлежащий сомнению факт, что советские партийные руководители – просвещенные, ориентирующиеся в современном культурном пространстве люди, испытывающие естественную потребность в регулярном посещении театров, кино, не мыслящие свою жизнь без чтения художественной литературы. Помимо оценочной задачи, помогающей видеть «правильных» и «неправильных» партийных деятелей, формируется нормативная основа поведения граждан: разъясняется, что в данный момент нужно считать приоритетным в практически-поведенческом аспекте.

Распространены постулирующие утверждения, которые не подлежали обсуждению и доказательству и должны были приниматься как единственно верные: «Не медлить с льнозаготовками»⁷.

«Может ли подняться производительность труда при такой расхлябанной дисциплине?»⁸. Риторический вопрос прозвучал в статье, в заглавии содержащей также еще одну фигуру речи – олицетворение («расхлябанная дисциплина»), иронически обобщающее и отчасти визуализи-

рующее суть проблемы. Прогулы на фабрике «Скороход» процветают, 87 процентов их приходится на новичков и по времени – на день после полочки. За канцелярскими штампами скрыта извечная проблема пьянства. Здесь мы видим одновременно оценку сложившейся производственной ситуации и побудительную установку на то, чтобы партийные и профсоюзные организации взялись за перевоспитание рабочих.

Речевым средством поддержания контакта с читателем служит **риторическое восклицание**, по классическому определению называемое показным выражением эмоций. Например, в статье «Приближающаяся годовщина Великого Октября»: «Да здравствует Октябрьская социалистическая революция! Да здравствует великий вождь мирового пролетариата тов. Сталин!»⁹. Восклицательный знак привлекает внимание читателя. С официальной точки зрения подобные восклицания должны были играть побудительно-мобилизационную роль. В политически нестабильные 1930-е годы подобные клише были еще и маркерами легитимности тех или иных политических фигур и идей. Например, в 1930-е годы уже не приняты были лозунги, прославляющие В. И. Ленина. Его место занял И. В. Сталин. Появись в газетном лозунге вновь имя Ленина, это стало бы либо роковой ошибкой редакции, либо сигналом о смене властных приоритетов.

В названии статьи «Плохо!»¹⁰ уже содержится оценочное риторическое восклицание. О чем же может говориться в статье с таким названием? Оказывается, плохо, что к 20 февраля перевыполнил задание по земельным обществам только Окуловский район (125 процентов). Очевидно, что автор статьи говорит о проваливании посевной кампании и необходимости решительных мер. При этом преуспевающий Окуловский район непроизвольно попадает в общее семантическое поле «плохого», что не дает возможности его жителям почитать на лаврах и чувствовать себя расслабленно-спокойно. В целом эмоциональный фон оставался напряженным. Примером риторического восклицания может служить и заголовок «Перелома нет!»¹¹.

Повторы разных типов важны в языке газет, так как они фиксируются памятью и формируют отношение к проблеме. Например, название статьи: «Без планов, без средств, без инициативы»¹². Нагнетание однородным перечислением скопившихся неурядиц создает эффект ее неразрешимости. Подобное название интертекстуально и синтаксически отсылает читающего как к строкам А. С. Пушкина «без божества, без вдохновения, без слез, без жизни, без любви», так и их последующим цитатам, прозвучавшим, например, в статье А. Блока об акмеистах, в стихотворении Н. Павлович и др. Подобное использование прецедентных текстов или хотя бы

их конструктивной синтаксической модели способно создавать иронический подтекст.

Повторы могут создаваться средствами любого языкового уровня. В статье «Внимание вечерним и ночным сменам»: «Негде пообедать. Негде закусить. Негде даже выпить стакан кипятку»¹³ – производственная ситуация, касающаяся бытовой неустроенности, нагнетается до предела путем использования градации-повтора. Эмоциональная избыточность фразы напоминает жанр нищенских «жалостливых» стихов. При этом здесь, как и во многих других текстах, отсутствует субъект повествования. Повествовательная позиция автора всячески объективируется, что придает написанному беспристрастность и истинность, что также из сегодняшнего дня воспринимается как ирония.

В газетах в большом количестве содержатся и различные тропы – языковые единицы, имеющие смещенное значение, среди них метафора, метонимия, синекдоха, но наиболее интересным представляется широко распространенный в языке газеты **каламбур**. Эта игра слов широко употребляется в названии статей, например, «О чем гудят рельсы...»¹⁴. «Гудение» в физическом смысле в данном случае синонимично сигналу-сообщению о положении дел на железной дороге. Не случайно слово «гудок» выбрано для названия главной железнодорожной газеты, издающейся с 1917 года по наше время. Лексема «гудеть» в советском семантическом поле актуализировалась после публикации в 1925 году стихотворения М. Исаковского «Вдоль деревни» и особенно после переложения в 1933 году В. Захаровым его слов на музыку. Впервые исполненная хором имени М. Пятницкого, эта песня часто звучала на радио, а фраза «Загудели, заиграли провода, мы такого не видали никогда» стала особенно популярной, близкой к крылатой. Синонимичность слов «гудок» и «сигнал» подспудно отражала контекст эпохи, когда свыше поощрялось «сигнализировать» о положении дел на местах.

Еще один используемый троп – **олицетворение**. Например, заголовки газеты: «Почему молчит газета “Крестьянское слово”?»¹⁵ (данное олицетворение почти не воспринимается как троп; из-за частого использования его художественная выразительность стерлась); «Красногвардейский район спит»¹⁶ (к этому тропу подходят также признаки метонимии, его можно назвать метонимическим олицетворением). Воздействующий характер олицетворения объясняется тем, что, говоря словами первого исследователя приемов манипуляции массами Г. Лебона, массы никогда не впечатляются логичной речью, но поддаются воздействию чувственных образов. Словосочетания «спящий город» или «молчащая газета» создавали доверительный фон и способствовали приятию соседствующей с ними информации.

Газета ЛП широко использовала также **фразеологизмы**, например, статья о плохой организации труда на производстве называлась «Без руля и без ветрил»¹⁷, а статья о покрывательстве нарушителей в Кингисеппском районе – «Свои люди – сочтемся»¹⁸, о недобросовестных рабочих трикотажной фабрики «Красное знамя» – «Пыль в глаза пускают»¹⁹. Использование подобных выражений сокращало дистанцию между официальным языком и разговорным, что создавало эффект тесной связи с читателями.

Таким образом, можно сделать вывод, что в рассмотренных текстах преобладает эмоционентрированная аргументация над рациональной [3; 21], поскольку наибольшая функция воздействия отводилась не рационально-логическим, а эмоциональным фигурам речи, которые способны создавать желаемый эффект воздействия на читателей. Как основная тенденция выявляется стремление авторов статей к созданию псевдиалога с массами, на деле оборачивающегося односторонним властным посылом. Используются эффективные инструменты воздействия на людей, в том числе стилистические фигуры и тропы, создающие эффект риторического усиления речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ответственный участок борьбы за промфинплан // Ленинградская правда. 1930. 2 марта. № 60 (4439).

² Бьем тревогу, пока не поздно! // Ленинградская правда. 1930. 23 марта. № 81 (4460).

³ Там же.

⁴ Прорыв на «Выборжце» не ликвидирован // Ленинградская правда. 1930. 27 февраля. № 57 (4436).

⁵ Нас душит брак // Ленинградская правда. 1930. 27 февраля. № 57 (4436).

⁶ Вырастим новые кадры партийных организаторов // Ленинградская правда. 1935. 14 сентября. № 213 (6196).

⁷ Не медлить с льнозаготовками // Ленинградская правда. 1930. 24 февраля. № 54 (4433).

⁸ Расхлябанная дисциплина // Ленинградская правда. 1930. 27 февраля. № 57 (4436).

⁹ Приближающаяся годовщина Великого Октября // Ленинградская правда. 1934. 27 октября. № 251 (5930).

¹⁰ Плохо! // Ленинградская правда. 1930. 27 февраля. № 57 (4436).

¹¹ Перелома нет! // Ленинградская правда. 1930. 2 марта. № 60 (4439).

¹² Без планов, без средств, без инициативы // Ленинградская правда. 1930. 13 марта. № 213 (4450).

¹³ Внимание вечерним и ночным сменам // Ленинградская правда. 1930. 22 марта. № 80 (4459).

¹⁴ О чем гудят рельсы... // Ленинградская правда. 1930. 26 марта. № 215 (4465).

¹⁵ Почему молчит газета «Крестьянское слово»? // Ленинградская правда. 1930. 24 марта. № 213 (4461).

¹⁶ Красногвардейский район спит // Ленинградская правда. 1930. 24 марта. № 213 (4461).

¹⁷ Без руля и без ветрил // Ленинградская правда. 1930. 1 февраля. № 31 (4410).

¹⁸ Свои люди – сочтемся // Ленинградская правда. 1934. 14 сентября. № 215 (5894).

¹⁹ Пыль в глаза пускают // Ленинградская правда. 1934. 21 декабря. № 296 (5975).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вильчинская-Бутенко М. Э. Эпатирующий PR в истории связей с общественностью. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publ. GmbH&Co. KG, 2012. 114 с.
2. Дускаева Л. Р. Интенциональность медиатекста как детерминант речевого поведения в медиасфере // Медиатекст как полиинтенциональная система: Сб. статей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. 252 с.
3. Дускаева Л. Р. Типология речевых жанров журналистского дискурса // Медиалингвистика. Вып. 3. Речевые жанры в масс-медиа. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. 228 с.
4. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: Изд-во МГУ, 1995. С. 208–227.
5. Сафонов А. А. Стилистика газетных заголовков. М.: Изд-во МГУ, 1981. 390 с.

Kolesnikova E. I., Institute of Russian Literature (Pushkinsky Dom) of RAS (St. Petersburg, Russian Federation)
Ul'yanov D. A., St. Petersburg State University of Technology and Design (St. Petersburg, Russian Federation)

INFLUENCING FUNCTIONS OF ARTISTIC TOUCHES IN SOVIET MEDIATEXT (ON MATERIALS OF NEWSPAPER “THE LENINGRAD TRUTH” / “LENINGRADSKAYA PRAVDA” OF THE 1930S)

The article is devoted to the description of the influence caused by various artistic touches employed by the Leningradskaya Pravda newspaper in 1930s. The choice of the material is explained by the fact that this newspaper combined in itself traditions of the state and characteristic features of provincial newspaper. It is noted that the assigned leading role of the Soviet press can be traced at all levels of its functions starting from the buildings in which newspaper editions were issued and ending with the verbal games practiced by the newspaper. In the course of the newspaper texts' study and research such figures of speech as dubitation, objektivization, rhetorical questions, rhetorical exclamation, repetitions, and puns were revealed. By means of sociolinguistic, intertextual, and discourse methods manipulative effects created by each of the tools are investigated. The tendency of pseudo-dialogue with the reader is created, which in practice turned out to be a unilateral imperious message. The greatest influence was transferred not by the use of rational and logical figures of speech but by the use of emotional ones as well.

Key words: media text, means of art expressiveness, rhetorical strengthening of the speech, “Leningradskaja pravda”

REFERENCES

1. Vil'chinskaya-Butenko M. E. *Epatiruyushchiy PR v istorii svyazey s obshchestvennost'yu* [Shocking PR in the history of public relations]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publ. GmbH&Co.KG, 2012. 114 p.
2. Duskayeva L. R. Intentsionalnost of the media text as a determinant of speech behavior in the media sphere [Intentsional'nost' mediateksta kak determinant rechevogo povedeniya v mediasfere]. *Mediatekst kak poliintentsional'naya sistema* [Mediatekst as poliintentsionalny system]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2012. 252 p.
3. Duskayeva L. R. Tipologiya of speech genres of a journalistic discourse [Tipologiya rechevykh zhanrov zhurnalistskogo diskursa]. *Medialingvistika. Vypusk 3. Rechevye zhanry v mass-media* [Media linguistics. Issue 3. Speech genres in mass media]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2014. 228 p.
4. Kubryakova E. S. Evolution of linguistic ideas in the second half of the XX century (the experience of paradigmatic analysis) [Evolutsiya lingvisticheskikh idey vo vtoroy polovine XX veka (opyt paradigmatal'nogo analiza)]. *Yazyk i nauka kontsa 20 veka* [Language and science of the late 20th century]. Moscow, Moscow State University Publ., 1995. P. 208–227.
5. Safonov A. A. *Stilistika gazetnykh zagolovkov* [Stilistika of newspaper headings]. Moscow, Moscow State University Publ., 1981. 390 p.

Поступила в редакцию 04.07.2014

ЕВГЕНИЯ ПЕТРОВНА ЛИТИНСКАЯ

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
litgenia@yandex.ru

ПОРТРЕТНОЕ ОПИСАНИЕ В РОМАНЕ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА С. ПАТАДЗИСА)*

Рассматриваются стилистические особенности портретного описания Ф. М. Достоевского. Дано определение литературного портрета, отмечается его «объемный» характер: к понятию «портрет» относится описание наружности героя, характеристика его поведения, психологический анализ его состояния (внешнее призвано передать внутреннее). Портрет включает героя в предметно-пространственный мир произведения и играет важную роль в идейно-художественной структуре романа. Главные черты художественного портрета у Достоевского: предельная сжатость, экспрессивность, поливариантность, психоаналитическая составляющая. Основное содержание статьи посвящено комплексному исследованию портретной зарисовки С. З. Мармеладова в интерпретации современного греческого переводчика С. Патадзиса. Используется метод лингвистического и литературоведческого анализа текстов. При работе с текстом русского писателя переводчик проявляет предельную аккуратность, минимально трансформирует текст, тщательно подходит к отбору лексем, стремится сохранить синтаксическую структуру, осуществляет допустимые добавления и замены, не искажающие смысл. Делается вывод об адекватной передаче греческим переводчиком особенностей художественного метода Достоевского при работе с портретным описанием.

Ключевые слова: Достоевский, Патадзис, новогреческий язык, перевод, переводоведение, портрет

Современная лингвистика рассматривает перевод с точки зрения его прагматики: способность вторичного текста, созданного в инокультурном пространстве, производить подобный тексту-оригиналу коммуникативный эффект, благодаря, в первую очередь, адекватному семантико-стилистическому отбору языковых единиц [3]. Высокий уровень прагматического потенциала формируется за счет особой чуткости переводчика, объема не только его специальной лингвистической эрудиции, но и широты фоновых знаний: понимания культуры и истории, к которым принадлежит сообщение [4]. Механизм работы переводчика с портретным описанием также обуславливается прагматическим аспектом.

Литературный портрет относится к художественному виду описания, наряду с пейзажем и интерьером, и является важнейшей составляющей художественного образа. В понятие «портрет» может быть включено не только описание наружности героя (его фигуры, лица, одежды, движений, манер), но и характеристика его поведения, сформированного под влиянием социальной среды, культурной традиции, собственной индивидуальности [6; 204]. Портретное описание является одной из форм психологического анализа в литературном тексте: внешнее описание героя призвано передать его внутреннее состояние, раскрыть глубинные свойства его натуры. Портрет включает героя в предметно-пространственный мир произведения и играет важную роль в идейно-художественной структуре романа.

Особыми чертами отличается словесный портрет героев в произведениях Ф. М. Достоевского. В. В. Виноградов считал, что стиль портрета Достоевского «выразителен, сжат и стремителен» [2; 579]. С. М. Соловьев, характеризуя изобразительные средства в произведениях русского писателя, отмечал: «Есть два основных типа изображения характеров. Один из них – монологическая трактовка человека <...> Другим способом изображения человека будет многосмысловая, поливариантная трактовка, отличающаяся изменчивостью, неустойчивостью, множественностью противоречивых качеств, крайне широкой амплитудой чувствования, допускающей сосуществование весьма разнородных, часто остро конфликтующих между собой мироощущений» [5; 10]. Такой сложный, многосоставной портрет может быть назван полифоническим. Впервые термин «полифония», «полифонический роман» был введен М. М. Бахтиным при определении художественного метода Ф. М. Достоевского [1]. Достоевский в своем творчестве органично соединяет эти два способа изображения героя, «эти два столь разнородных, разностильных направления в трактовке человеческих характеров не развертываются последовательно друг за другом, не сменяют друг друга, но существуют в каждом крупном произведении вместе, по соседству» [5; 11].

Примером подобного яркого полифонического портретного описания в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» является изображение С. З. Мармеладова.

Нами будет рассмотрен портрет Мармеладова в интерпретации Сотириса Патадзиса (Σωτήρης Πατατζής), переводчика на греческий язык романа Достоевского. Основным методом исследования станет лингвопрагматический подход.

Перевод С. Патадзиса был выполнен в 1971 году, выдержав шесть переизданий в различных издательских домах, он не потерял своей актуальности и по сей день: в 2011 году вышло в свет шестое издание романа «Преступление и наказание» в данном переводе. Несколько слов о переводчике. С. Патадзис (1914–1991) родился в городе Мессине, большую часть жизни прожил в Афинах, имел незаконченное экономическое образование, работал журналистом в различных афинских газетах и журналах, писал оригинальные новеллы, романы и пьесы для театра, очерки, переводил Дж. Стейнбека, У. С. Моэма, Сервантеса, А. И. Солженицына и Ф. М. Достоевского [9; 194–216].

Достоевский дает первый портрет Мармеладова в эпизоде его встречи с Раскольниковым в распивочной глазами главного героя (часть первая, гл. II): «Это был человек уже за пятьдесят, среднего роста и плотного сложения, с проседью и большой лысиной, с отеком от постоянного пьянства желтым, даже зеленоватым лицом и с опухшими веками, из-за которых сияли крошечные, как щелочки, но одушевленные красноватые глазки»¹. При всей непривлекательности образа пьяницы, опустившегося человека мы отчетливо ощущаем симпатию автора к Мармеладову благодаря восхитительной детали: «сияли... одушевленные... глазки». «Правдивость глаз – единственное в облике человека, что Достоевский считает наиболее близким воплощением внутреннего во внешнем» [5; 29].

Перевод С. Патадзиса: «Ήταν ένας άνθρωπος που θα είχε περάσει τα πενήντα, με ανάστημα μέτριο, γεροδεμένος, με αραιά γκρίζα μαλλιά στο γυμνό του κεφάλι. Το αλκοολικό, φουσκωμένο πρόσωπο του ήταν κιτρινό ή μάλλον πρασινωπό, και τα μικρά ματάκια του γυάλιζαν, κοκκινωπά, αλλά γεμάτα ζωρότητα, κάτω απ' τα πρησμένα βλέφαρα του»². Букв. «Это был человек уже за пятьдесят, среднего роста, коренастый, с жидкими седыми волосами на лысой голове. Испитое, опухшее лицо его было желтым или даже зеленоватым, и маленькие глазки его сияли, красноватые, но полные живостью под вспухшими его веками». При декодировании текста переводчик упрощает синтаксическую структуру сложного предложения, разбивая его на два простых; лексически близко передает русский текст, сохраняя детали, опуская, однако, сравнение «как щелочки», хотя греческий язык располагает формой сущ. *η ρωγμή* (трещина, щель) и морфологическими средствами создания уменьшительной формы, имеющей эмоционально-выразительную функцию. Благодаря появле-

нию книжной формы «ήταν» вместо усеченной, более распространенной, разговорной «ήταν» (3 л., ед. ч., прош. вр. от гл. «быть») в переводе создается своеобразная стилизация, имитация слога XIX века романа Достоевского.

Далее в описании героя возникает диссонанс: «Но что-то было в нем очень странное; во взгляде его светилась как будто даже восторженность, – пожалуй, был и смысл и ум, – но в то же время мелькало как будто безумие». Достоевский стремится к максимальной экспрессивности образа, вводит «резкое заострение противоположностей в едином образе персонажа, и движение внешнего порядка, за которым скрывается огромный внутренний подтекст» [7; 14]. Так этот отрывок передан греческим переводчиком: «Ὡστόσο, εντελώς ιδιαίτερη εντύπωση σου 'κανε το βλέμμα του, που φλογιζότανε από ένα είδος ενθουσιασμού. Ίσως να 'χε και μυαλό και εξυπνάδα, αλλά από μερικές απότομες εκλάμψεις, διέκρινες στα μάτια του κάτι που μπороύσε μια χαρά να είναι και τρέλλα». Букв. «Однако совершенно особое впечатление производил его взгляд, который воспламенялся своего рода восторгом. Пожалуй, был и ум и сообразительность, но по некоторым внезапным вспышкам, различаешь в его глазах нечто, что [отлично] могло бы быть и безумием». Патадзис не переводит первое предложение и обращается непосредственно к описанию взгляда героя, которое отличается распространенностью и является перифразой, в отличие от лаконичного, сжатого текста Достоевского. Но тем не менее Патадзису удается воспроизвести впечатление дисгармонии в образе Мармеладова.

Далее писатель характеризует внешний облик, одежду Мармеладова. «Одет он был в старый совершенно оборванный черный фрак, с осыпавшимися пуговицами. Одна только еще держалась кое-как, и на нее-то он и застегивался, видимо желая не удалиться приличий. Из-под нанкового жилета торчала манишка, вся скомканная, запачканная и залитая». Диспропорция в портрете отражает внутреннее состояние героя, особенно это подчеркивает деталь с пуговицей, готовой вот-вот оторваться. У Патадзиса: «Φορούσε μια παλιά μαύρη ρεντικότα, ξεκουρελιασμένη, με τα κουμπιά κομμένα. Μονάχα ένα κουμπί ψευδοστεκότανε ακόμα. Είχε κουμπωθεί μ' αυτό σίγουρα, γιατί ήθελε να είναι μέσα στα όρια της ευπρέπειας. Κάτω απ' το γιλέκο του, φαινόταν μια χιλιотσαλακωμένη κολλαρίνα, λιγδιασμένη και μουσκεμένη απ' το πιτότο». Букв. «Носил он старый черный оборванный фрак, с оторванными пуговицами. Одна только пуговица еще держалась. На нее он и застегивался, поскольку хотел быть в рамках приличий. Из-под жилета его показывалась скомканная манишка, засаленная и залитая от напитков». Текст передан достаточно точно, детально, но с опущением определения в словосочетании «нанковый жилет»,

то есть жилет, сшитый из нанки, сорта грубой хлопчатобумажной ткани из плотной пряжи, часто желтого цвета. Ткань получила наименование по городу в Китае Нанкин, где производилась. Видимо, эта этнографическая реалья показалась переводчику излишней, усложняющей текст, адресованный широкой грекоговорящей аудитории.

Достоевский вновь обращается к описанию лица героя: «Лицо было выбрито, по-чиновничьи, но давно уже, так что уже густо начала выступать сизая щетина». Греческий текст: «Ευρίζοτανε σαν καλός δημόσιος υπάλληλος, αλλά, κατά πως φαίνεται, είχε ξυριστεί για τελευταία φορά πριν από πολύν καιρό, γιατί τα μάγουλα και το σαγόνι του ήτανε σκεπασμένα τώρα από γκρίζα και σκληρά γένια». Букв. «Брился он как хороший государственный чиновник, но по тому, как казалось, брился последний раз уже давно, так что щеки и подбородок его были покрыты седой и жесткой щетиной». Переводчик вновь использует перифразу при передаче русского текста, добавляет (на наш взгляд, излишнее) выражение «по тому, как казалось», заменяет красочное определение «сизая» двумя – «седая» и «жесткая». Обращает на себя внимание книжная форма «πολύν» (вин. падеж, ед. ч., м. р. от «πολύς»), которая используется вместо более распространенной формы «πολύ».

Затем следует описание поведения Мармеладова: «Да и в ухватках его действительно было что-то солидно-чиновничье. Но он был в беспокойстве, ерошил волосы и подпирал иногда, в тоске, обеими руками голову, положив продранные локти на залитый и липкий стол». Вновь очевидно противоречие в образе, противопоставляется солидность чиновника и беспокойство, отчаяние опустившегося человека в униженной обстановке. Греческий текст: «Οι κινήσεις του και οι τρόποι του είχανε τη σφραγίδα της γραφειοκρατικής επισημότητας. Ωστόσο, φαινότανε ανήσυχος. Ανασκάλενε τα μαλλιά του και από καιρό σε καιρό έσφιγγε με απελπισία το κεφάλι του ανάμεσα στα χέρια, ακουμπώντας τους τρύπιους αγκώνες του πάνω στο λιγδιασμένο και μουσκεμένο τραπέζακι». Букв. «Движения его и манеры имели отпечаток чиновнической официальности. Однако он казался обеспокоенным. Ерошил волосы и иногда сжимал с отчаянием голову руками, положив дырявые локти на засаленный и залитый столик». Переводчик улавливает дисгармонию в облике героя и благодаря скрупулезному отбору лексических единиц воссоздает ее в своем тексте.

Проследим траекторию движения в описании автором внешности Мармеладова: фигура, лицо (испитое, но акцент на «одушевленных» глазах – первое противоречие), взгляд (восторженность и безумие одновременно – второе противоречие); одежда (фрак, но оборванный, с одной пуговицей – третье противоречие), лицо (выбритое, но давно – четвертое противо-

речие), поведение (бывший чиновник, соединение бывшего социального статуса с нынешней асоциальностью – пятое противоречие). Перед нами психологически противоречивый портрет, «многосоставной», «полифонический». У Достоевского «внешний портрет всегда является только средством передачи внутреннего мира действующего лица» [7; 7].

Один и тот же персонаж у Достоевского может иметь несколько портретных зарисовок. Так происходит и с образом Мармеладова. Второй портрет дан в эпизоде его покаяния перед смертью (часть первая, гл. VII). Позволим привести несколько отрывков, в которых описаны глубокие физические и нравственные страдания умирающего.

«На земле лежал только что раздавленный лошадыми человек, без чувств, по-видимому, очень худо одетый, но в “благородном платье”, весь в крови. С лица, головы текла кровь; лицо было всё избито, ободрано, исковеркано».

В переводе: «Καταγής ήταν ξαπλωμένος ένας άνθρωπος σε αφασία, καταματωμένος. Τον είχανε πατήσει πριν από λίγο τ' άλογα. Ήτανε κακοτυμένος, αλλά με ρούχα “κυρίου”. Το αίμα κύλαγε απ' το κεφάλι του κι' από το στραπατσαρισμένο, το λιωμένο και άμορφο πρόσωπο του». Букв. «На земле лежал человек без сознания, окровавленный. Его только что раздавили лошади. Он был плохо одет, но в одежду “господина”. Кровь текла из его головы и исковерканного, разбитого и обезображенного лица». Как видим, переводчик осуществляет ряд словесных перестановок, в результате которых описание несколько теряет свою экспрессивность. Особо отметим отсутствие повтора лексемы «лицо» и снижение напряжения: стиль «протокольного» описания у Достоевского утрачен.

«— Священника! – проговорил опять умирающий после минутного молчания.

– Пошли-и-и! – крикнула на него Катерина Ивановна; он послушался оклика и замолчал. Робким, тоскливым взглядом отыскивал он ее глазами; она опять воротилась к нему и стала у изголовья. Он несколько успокоился, но ненадолго. Скоро глаза его остановились на маленькой Лидочке (его любимице), дрожавшей в углу, как в припадке, и смотревшей на него своими удивленными, детски пристальными глазами.

– А... а... – указывал на нее с беспокойством. Ему что-то хотелось сказать.

– Чего еще? – крикнула Катерина Ивановна.

– Босенькая! Босенькая! – бормотал он, по-лоуным взглядом указывая на босые ножки девочки».

В переводе «“Έναν παπά!”, ξανάπε ο ετοιμοθάνατος, αφού σόπασε λίγο. “Πάνε να τον φέρουν”, του φώναξε η Κατερίνα Ιβάνοβνα. Σόπασε. Άρχισε τότε να γυρεύει με τα μάτια, κοιτάζοντας τριγύρω του ανήσυχα και φοβισμένα.

Εκείνη ξαναγύρισε κοντά του και στάθηκε όρθια πάνω απ' το μαξιλάρι του. Ο Μαρμελάντοφ ησύχασε λιγάκι, αλλά αυτό δεν κράτησε πολύ. Τα μάτια του στυλώθηκαν ύστερα στη μικρή Λύντα (που της είχε ιδιαίτερη αδυναμία). Τουρτούριζε σε μια γωνιά, σα να την είχε πιάσει θερμή και τον κοίταζε επίμονα με τα παιδιάστικα έκπληκτα μάτια της. «Α... α...», ψέλλισε ο Μαρμελάντοφ δείχνοντας την με ταραχή. Ήθελε να πεί κάτι. «Τί είναι πάλι,». «Ευ... ξυπόλητη! Ευ...Ξυπόλητη!». Και το βλέμμα του είχε карφωθεί έντρομο στα γυμνά πόδια της μικρής». Букв. ««Священника!» – вновь произнес умирающий, после того, как немного помолчал. «Ушли его привести», крикнула ему Катерина Ивановна. Он замолчал. Тогда начал отыскивать глазами, глядя вокруг беспокойно и испуганно. Она вновь вернулась к нему и встала над подушкой его. Мармеладов немного успокоился, но это недолго длилось. Его взгляд приковался к маленькой Лиде (к которой он имел особую слабость). Она дрожала в углу, как в лихорадке, и смотрела на него упорно детскими удивленными глазами. «А... а...», запинался Мармеладов, указывая на нее с беспокойством. Он хотел что-то сказать. «Что еще?», «Бо-босая! Бо-босая!» И он испуганным взглядом впился в голые ноги маленькой».

Отметим разночтения: у Достоевского Мармеладов ищет взглядом «ее», Катерину Ивановну, испытывая глубокую вину перед женой, у Патадзиса уточняющее местоимение отсутствует; «робким, тоскливым взглядом» (сколько чувств в этом взгляде: и любовь, и боль, и отчаяние от сознания своего «преступления» перед ней) – «глядя беспокойно и испуганно» (выбранные наречия не отражают истинного психологического состояния героя); «босенькая» – «босая» (отсутствие уменьшительно-ласкательной формы, которую возможно создать в греческом языке, снижает экспрессивность).

«Вся грудь была исковеркана, измята и истерзана; несколько ребер с правой стороны изломано. С левой стороны, на самом сердце, было зловещее, большое, желтовато-черное пятно, жестокий удар копытом».

Перевод: «Ολόκληρο το στήθος του ήτανε μπλάβο, κατατσακισμένο, καταξεσχισμένο. Στα δεξιά, είχανε σπάσει πολλά πλευρά. Αριστερά, στο μέρος ακριβώς της καρδιάς, υπήρχε ένα σημάδι μπλάβο και κιτρινωπό, μια τρομερή κλωτσιά αλόγου, καθώς φαίνεται». Букв. «Вся его грудь была синяя, разбита, разорвана. С правой стороны было сломано много ребер. С левой стороны, на месте самого сердца, было синее и желтоватое пятно, ужасный удар лошади, как казалось».

Ряд Достоевского «исковеркана, измята и истерзана» передан «μπλάβο, κατατσακισμένο, καταξεσχισμένο» – «синяя, разбита, разорвана». Очевидно, что определение «μπλάβο» выделяется из перечня и должно быть отнесено ко второй части описания, где его вновь читаем. У перевод-

чика есть попытка воспроизвести фонетический строй повторяющихся префиксов *из-*, *ис-* греческой приставкой *κατα-*. «Зловещее, большое, желтовато-черное пятно» сокращено до «синее и желтоватое пятно». Важно, что сохранена лексема «желтоватый», передающая значение одного из наименее любимых цветов в творчестве русского писателя. «Желтый цвет у Достоевского уже сам по себе создает, дополняет, усиливает атмосферу нездоровья, расстройства, надрыва, болезненности, печали. Грязно-желтый, уныло желтый, болезненно желтый цвет вызывает чувство внутреннего угнетения, психической неустойчивости, общей подавленности» [5; 224] и в нашем отрывке напрямую рисует картину смертельного состояния героя. Напомним, что эта же цветовая характеристика присутствует и в описании лица героя: оно «желтое, даже зеленоватое».

Следующий и заключительный эпизод в портретном описании героя отличается особенной выразительностью и передан переводчиком предельно точно. Укажем, однако, курсивом разночтения.

«Мармеладов был в последней агонии; он не отводил своих глаз от лица Катерины Ивановны, склонившейся снова над ним. Ему всё хотелось что-то ей сказать; он было и начал, с усилием шевеля языком и неясно выговаривая слова, но Катерина Ивановна, понявшая, что он хочет просить у ней прощения, тот час же повелительно крикнула на него:

– *Μолчи-и-и!* Не надо!.. Знаю, что хочешь сказать!.. – И больной умолк; но в ту же минуту блуждающий взгляд его упал *на дверь, и он увидал Соню...*

До сих пор он не замечал ее: она стояла в углу и в тени.

– Кто это? Кто это? – проговорил он вдруг хриплым задыхающимся голосом, весь в тревоге, с ужасом указывая глазами на дверь, где стояла дочь, и усиливаясь приподняться.

– Лежи! Лежи-и-и! – крикнула было Катерина Ивановна.

Но он с неестественным усилием успел опереться на руку. Он дико и неподвижно смотрел некоторое время на дочь, как бы не узнавая ее. Да и ни разу еще он не видал ее в таком костюме. Вдруг он узнал ее, приниженную, убитую, *расфранченную* и стыдящуюся, смиренно ожидающую своей очереди проститься с умирающим отцом. Бесконечное страдание изобразилось в лице его.

– Соня! Дочь! Прости! – крикнул он и хотел было протянуть к ней руку, но, потеряв опору, сорвался и грохнулся с дивана, прямо лицом наземь; бросились поднимать его, положили, но он уже отходил. Соня слабо вскрикнула, подбежала, обняла его и так и замерла в этом объятии. Он умер у нее на руках».

В переводе: «Ο Μαρμελάντωφ, ψυχομαχώντας, δεν έπαιρνε καθόλου τα μάτια του από την Κατερίνα Ιβάνοβνα που είχε σκύψει πάλι από πάνω του. Ήθελε κάτι να της πεί ακόμα και σάλευε τη γλώσσα του με κόπο, ψελλίζοντας λέξεις ακατάληπτες. Η Κατερίνα Ιβάνοβνα, καταλαβαίνοντας πως ήθελε να της ζητήσει συχώρεση, του φώναξε αμέσως μ' έναν τρόπο που δε σήκωνε άλλη κουβέντα. “Πάψε!... Δεν είναι ανάγκη!... Ξέρω τί θέλεις να πείς...”. Και ο ετοιμοθάνατος σώπασε. Την ίδια όμως στιγμή το βλέμμα του, που πλανιότανε στο δωμάτιο, στυλώθηκε σε μια σκοτεινή γωνιά. “Ποιος είναι ‘κει; Ποιος είναι;”, ψέλλισε άξαφνα, βραχνά και πνιγμένα, ενώ ταυτόχρονα έδειχνε, τρομαγμένα, με τα μάτια του κατά την πόρτα, όπου στεκότανε η Σόνια. Προσπάθησε να σηκωθεί. “Μη σηκώνεσαι, μη σηκώνεσαι!”, του φώναξε η Κατερίνα Ιβάνοβνα. Εκείνος όμως, με μια υπεράνθρωπη προσπάθεια, κατόρθωσε ν' ανασηκωθεί λίγο στο ντιβάνι, ακουμπώντας στο ένα του χέρι. Κοίταξε επικέξ στιγμές την κόρη του, μ' ένα βλέμμα επίμονο και παράξενο, σα να μην την αναγνώριζε πια. Ποτέ ως τώρα, άλλωστε, δεν την είχε ξαναϊδέι ντυμένη έτσι. Και ξαφνικά, τη γνώρισε, την είδε εκεί, ταπεινωμένη, τσακισμένη, δειλή, να περιμένει με τα λούσα της καρτερικά, ώσπου να 'ρθει κι η δικιά της σειρά ν' αποχαιρετήσει τον ετοιμοθάνατο πατέρα της. Απέραντος πόνος ζωγραφίστηκε στο πρόσωπο του.

“Σόνια, παιδί μου. Συχώρεσε με!”, φώναξε. Και θέλησε να της απλώσει το χέρι. Έχασε όμως έτσι το στήριγμα του και σωριάστηκε κάτω απ' το ντιβάνι, με τα μούτρα στο πάτωμα. Ορμησαν, τον ανασήκωσαν και τον ξάπλωσαν πάλι στο ντιβάνι. Αλλά τελείωνε πια. Η Σόνια έβγαλε μια αδύνατη κραυγή κι έτρεξε κοντά στον πατέρα της, τον αγκάλιασε κι έμεινε σ' αυτή τη στάση σα μαρμαρωμένη. Ξεψύχησε στα χέρια της». Букв. «Мармеладов, находясь в агонии, не отводил совсем глаз от Катерины Ивановны, которая склонилась вновь над ним. Он хотел что-то ей сказать еще и зашевелил языком с усилием, запинаясь в неясных словах. Катерина Ивановна, поняв, что он хотел попросить у нее прощения, крикнула ему тотчас так повелительно. “*Хватит!*!.. Нет нужды!.. Знаю, что хочешь сказать...” И умирающий замолчал. Но в тот же момент его взгляд, который блуждал по комнате, приковался к темному углу. “*Кто это там? Кто это?*”, проговорил он вдруг хрипло и задыхаясь, в то же время указывая, с ужасом, глазами на дверь, где стояла Соня. Попытался встать. “Не вставай, не вставай!”, закричала ему Катерина Ивановна. Но ему с сверхчеловеческим усилием удалось приподняться немного на диване, опираясь на одну руку. Он некоторое время смотрел на свою дочь *взглядом упорным и странным*, как будто не узнал ее. Никогда до сегодняшнего момента он не видел ее одетой таким образом. И вдруг, он узнал ее, увидел ее там, униженную, убитую, *робкую*, ждущую терпе-

ливо в своем наряде, когда подойдет ее очередь проститься с умирающим отцом. Бесконечное страдание изобразилось в лице его.

“Соня, *дитя мое*. Прости меня!”, крикнул. И хотел протянуть ей руку. Однако потерял опору и рухнул с дивана, лицом на пол. Бросились, его подняли и вновь положили на диван. Но он уже умирал. Соня издала слабый крик, подбежала к отцу, обняла его и оставалась в таком положении как окаменевшая. Он умер у нее на руках».

Переводчик осуществляет следующие трансформационные операции с русским текстом. Патадзис использует прием генерализации при переводе фразы «не отводил своих глаз от лица Катерины Ивановны» с пропуском «от лица»; «молчи-и-и», в значении «остановка говорения» (глагол, который Катерина Ивановна неоднократно использует при общении с мужем) передано «хватит», в значении «остановка действия»; прием перифразы при описании встречи взглядом Мармеладова с Соней; герой смотрел «дикое и неподвижное» в переводе «взглядом упорным и странным»; снято экспрессивное определение Сони «расфранченную» и добавлено «робкую»; добавлено «дитя мое» в скупые прощальные слова Мармеладова. В переводном отрывке используется идиоматическое выражение «δε σήκωνε άλλη κουβέντα» – «он не начал нового разговора» в значении «повелительно».

Мы убедились, что портретное описание Мармеладова характеризуется лаконичностью, экспрессивностью и при этом многосоставностью. Образ героя связан с темой маленького человека, темой нищеты и унижения его человеческого достоинства. «Тема Мармеладова – это тема мытаря в новом социально-психологическом варианте: отверженность петербургского пьяницы-чиновника середины XIX века. В Мармеладове раскрывается сознание им своей беспредельной вины перед семьей и особенно перед Соней, беспощадное самоосуждение и порыв из глубины последнего падения к свету и добру» [8; 109].

Сотириис Патадзис сумел адекватно передать особенности художественного метода Достоевского при работе с портретным описанием. Ему удалось в иноязычном, греческом, тексте воссоздать полифоничность, глубокий психологизм, сжатость портретных зарисовок русского писателя. Переводчик проявляет предельную аккуратность при обращении с русским текстом, минимально его трансформирует, тщательно подходит к выбору лексического эквивалента, стремится сохранить синтаксическую структуру, осуществляет допустимые при межъязыковой асимметрии добавления и замены, не искажающие общий смысл и идею произведения, а также благодаря употреблению книжных форм достигает стилистической эквиваленции греческого текста.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг. в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Русский текст романа приводится по изданию: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 6. 424 с.

² Перевод С. Патадзиса приводится по изданию: Πατατζής Σ. Ἑγκλημα καὶ τιμωρία. Αθήνα: Γράμματα, 2006. 638 σσ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М.: Русские словари: Языки славянских культур, 2000. Т. 2. С. 5–300.
2. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М.: ГИХЛ, 1961. 614 с.
3. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
4. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
5. Соловьев С. М. Изобразительные средства в творчестве Ф. М. Достоевского. Очерки. М.: Сов. писатель, 1979. 352 с.
6. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высш. шк., 2007. 405 с.
7. Чирков Н. М. О стиле Достоевского. М.: Наука, 1964. 269 с.
8. Чирков Н. М. О стиле Достоевского. Проблематика. Идеи. Образы. М.: Наука, 1967. 304 с.
9. Καρβέλης Τ. Σωτήρης Πατατζής // Η μεταπολεμική πεζογραφία: Από τον πόλεμο του '40 ως τη δικτατορία του '67Στ'. Αθήνα: Σοκόλης, 1988. Σ. 194–216.

Litinskaya E. P., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

PORTRAIT DESCRIPTION IN NOVEL “CRIME AND PUNISHMENT” BY F. DOSTOEVSKY (ON MATERIALS OF S. PATADZIS’ S TRANSLATION)

The research is focused on the uniqueness of stylistic features employed by F. M. Dostoevsky in portrait description. The author gives his definition of the literary portrait, highlights its “volumetric” nature: the concept of the “portrait” contains a description of the hero’s appearance, characteristics of his behavior, psychological analysis of his condition (external intended to convey inside). The portrait implies inclusion of the hero into the object-spatial world of the work and plays an important role in the ideological and artistic structure of the novel. The major features of the artistic portrait drawn by Dostoevsky are its ultimate compactness, expressiveness, poly alternativiveness, and psychology. The main content of the article is devoted to the study of the complex S. Z. Marmeladov’s portrait sketch in the interpretation by the modern Greek translator S. Patadzis. A method of linguistic and literary analysis of the text was used by the author to carry out the research. It was revealed that the translator takes the utmost care of the Russian writer’s text, transforms the minimum of the text, seeks how to preserve its syntactic structure, and brings in allowable additions and substitutions, which do not distort the meaning. It was concluded that the Greek translator preserved and transferred the nature of Dostoevsky’s artistic method employed by him in portrait description.

Key words: Dostoevsky, Patadzis, Modern Greek, translation, translation theory, portrait

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. *Sobr. soch.: V 7 t.* [Omnibus edition. 7 v.]. Moscow, Russkie slovari: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2000. Vol. 2. P. 5–300.
2. Vinogradov V. V. *Problema avtorstva i teoriya stiley* [The problem of attribution and theory of styles]. Moscow, GIKhL Publ., 1961. 614 p.
3. Garbovskiy N. K. *Teoriya perevoda* [Translation theory]. Moscow, Moscow University Publ., 2007. 544 p.
4. Komissarov V. N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Translation Theory (linguistic aspects)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 253 p.
5. Solov'ev S. M. *Izobrazitel'nye sredstva v tvorchestve F. M. Dostoevskogo. Ocherki* [Visual tools in the works of F. M. Dostoevsky. Essays.]. Moscow, Sovetskiy Pisatel' Publ., 1979. 352 p.
6. Khalizev V. E. *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2007. 405 p.
7. Chirkov N. M. *O stile Dostoevskogo* [On Dostoevsky's style]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 269 p.
8. Chirkov N. M. *O stile Dostoevskogo. Problematika. Idei. Obrazy* [On Dostoevsky's style. Problems. Ideas. Images]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 304 p.
9. Καρβέλης Τ. Σωτήρης Πατατζής // Η μεταπολεμική πεζογραφία: Από τον πόλεμο του '40 ως τη δικτατορία του '67Στ'. Αθήνα: Σοκόλης, 1988. Σ. 194–216.

Поступила в редакцию 02.09.2014

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ПАШКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры прибалтийско-финской филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
 tvp-1979@mail.ru

К ВОПРОСУ О ЯЗЫЧЕСКО-ХРИСТИАНСКОМ СИНКРЕТИЗМЕ В КАРЕЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ (НА ПРИМЕРЕ БОЛЕЗНИ *JUMALANVIGA* ‘НАСЛАННЫЙ БОГОМ НА ЧЕЛОВЕКА НЕДУГ’)*

Впервые рассматриваются процессы изменения в области карельской народной медицины в связи с произошедшей в XIII веке христианизацией карел. Под влиянием христианства лексика начинает приобретать новые значения. Например, слово *Jumal*, обозначающее ранее небесных духов, приобретает значение христианского Бога. Вера карел в то, что некое божество / Бог может насылать на человека болезнь, подтверждается данными словарей карельского языка и собранным автором материалом в разных районах Карелии. Предпосылки возникновения и способы лечения рассматриваемого недуга также указывают на то, что языческие и христианские воззрения тесно переплетались и двойственно влияли на такой пласт карельской культуры, как народная медицина.

Ключевые слова: карельская традиционная культура, народная медицина, язычество, христианство, лечебные обряды, верования карел

Первое упоминание о массовом крещении карел относится к 1227 году¹. Распространение христианства по-разному отразилось на различных сферах карельской народной культуры. Сложный синтез происходил в народной медицине. Религиозность крестьян и их глубокая вера в христианского Бога, с одной стороны, и до сих пор еще сильная народная вера в мифологических персонажей природных стихий – с другой, создали особую категорию причин болезней, в которой ведущее место отводится первому началу. Карелы видели в роли «посланника» некоторых заболеваний черта / нечистую силу / лешего (кар. *Kaigu* ‘Кару’, *Kehno* / *Kegno* ‘Кегно’), плохого человека (скорее всего, здесь подразумевался человек, способный сглазить) или некое божество / бога. Свидетельств, повествующих о финских и карельских древних богах, почти не сохранилось. После христианизации слово Юмала, обозначающее ранее бога неба и воздуха, приобрело и значение христианского Бога.

В карельском языке зафиксированы следующие значения слова *Jumala* / *Jumal*: 1) покровитель воздуха / погоды / природных стихий, божество; 2) святой, праведник; 3) создатель, творец, Бог (христианский) [6; 52]. В словаре «*Kansanperinteiden sanakirja*» («Словарь народной культуры») указано лишь одно толкование данной лексики ‘колдун / знахарь’ [11; 112]. Если данные значения применить к вопросу об этиологии народных болезней, то окажется, что карелы, сохраняя на протяжении длительного времени пережитки язычества, верили, что Юмала, являясь хозяином / покровителем неких природных явлений, а по другим сведениям, даже колдуном, мог насылать на людей за проступки

и неуважение различные наказания, одним из которых являются болезни / хвори / недуги.

Эти предположения можно подтвердить представлениями различных групп карелов о классификации болезней, в которой всегда присутствует некая хворь, насланная Юмала. Так, например, жители ранее существовавшей в Олонецкой губернии д. Оланга (вар. Оуланга / Оуланка) среди прочих групп болезней (от плохого человека, его проклятий, зависти и колдовства; от земли, воды, бани, огня, ветра и т. д.; различных травм и повреждений) выделяли болезнь от Юмала. Основной насылаемой им болезнью считалась оспа, на втором месте – дизентерия и на третьем – брюшной тиф [9; 234–235]. Проживавшие в бывшей деревне Бабы Губа (кар. *Akonlahti*) карелы утверждали, что существует всего две группы болезней: от Юмала и от плохого человека. Различие между ними состоит лишь в том, что если человек болеет в легкой форме, то эта болезнь наслана Юмала, а если сильно мучается, то это от плохого человека [10; 111]. Карелы Калевальского района (например, д. Войница) о летальном исходе от оспы или любой другой эпидемической болезни говорили, что он «умер от правильной Божьей болезни» или «Божья болезнь его сломила» [8; 59].

В настоящей статье мы попытаемся ответить на вопрос: кем являлся персонаж, посылающий болезнь на человека: языческим или христианским Богом в представлениях карел? Начнем с известных наименований данного заболевания в диалектах карельского языка, которые содержат первым компонентом лексему *Jumala*:

jumalanluoma (букв. ‘Божье творенье’): ск.: *jumalanluomoa viruu* ‘он болеет Божьей болезнью’ // ливв.: *jumalanluomu* [5; 523];

jumalantaudi (букв. 'Божья болезнь, болезнь Бога'): ск. *jumalantaud'i on, tulloo, ga olgah, anna kävyu* [5; 523] 'Божья болезнь идет, дай ей идти' // ливв. *minuz on jumalantaud(i), ei tiedoin'iekad n'i mid(ä) auteta* [5; 523] 'у меня Божья болезнь, знахарь здесь ничем не поможет' // ср. (фин.) *jumalantauti* [7; 57];

jumalanviga (букв. 'Божья причина (изъян), причина Бога'): ск. *jumalanviga* // ливв. *jumalanviga* [5; 523] // ср. (вепс.) *jumalanviga* [2; 158].

Представленные выше карельские названия имеют одинаковую трактовку в русском языке: 'насланная Богом на человека болезнь (не мучительная, но изнуряющая), обычно сопровождающаяся жаром' [5; 523]. Проявлялось это заболевание с наступлением полуночи и длилось до утра или полудня [8; 68]. Каким Богом была наслана болезнь – языческим или христианским – не понятно.

Собранный автором полевой материал в разных районах Карелии показал, что и в настоящее время еще сохраняются архаические представления об исследуемом недуге. Было опрошено около 10 информантов (1930–1965 г. г.), которым среди прочих был задан вопрос: «Знаете ли Вы такое заболевание *jumalanviga* / *jumalanvika*? Что это за болезнь?» Нами были получены следующие ответы (стиль сохранен):

1) «Знаю, *jumalanviga*. Я слыхала. Но точно не могу сказать. Я слышала, как говорят: "Sinul on jumalanviga" ('У тебя Богом насланная болезнь') (Здесь и далее перевод автора. – Т. П.). Это тоже как болезнь» (д. Гавриловка, Олонецкий район). В данном примере дать однозначный ответ на заданный вопрос мы не можем.

2) «*Ga jumalanviga. Se on, konzu et usko, gu Jumal on libo, gu pruazniekan aigua ruat. Ei sua guadua. Jumal kai nägõu* ('Да *jumalanviga*. Она появляется, когда ты не веришь, что Бог существует, или если во время праздника работаешь. Нелзя работать. Бог всё видит')» (с. Видлица, Олонецкий район). Ответ связан с христианством и верой в Бога.

3) «Человек, который недоразвит или родился с каким-то дефектом. Или как их называют "убогие", то есть "при Боге", "ошибка Бога"» (д. Ювалакша, Калевальский район).

4) «Божья кара» (п. Калевала, Калевальский район; д. Новинка, Олонецкий район).

5) «Божья кара. Это кожные болезни и головные боли» (д. Тукса, Олонецкий район).

6) «Божий человек – так называли людей, у которых было отсталое развитие или какие-нибудь дефекты с рождения» (д. Войница, Калевальский район).

7) «Слышала. В моем представлении, это какой-то изъян, то есть с которым родился человек. Изъян, Богом данный» (д. Михайловское, Олонецкий район).

8) «Изъян, Божье наказание» (д. Вехкусельга, Суоярвский (ранее Пряжинский) район).

Как можно видеть из представленных записей, по народным представлениям карел, причины рассматриваемого недуга были связаны, скорее всего, с влиянием христианского Бога, Божьей карой. В первую очередь, это касалось «насылания» болезней божествами и духами низшей мифологии, которое впоследствии закрепилось и за Богом-творцом, за какие-то проступки. В процессе христианизации православные представления по-разному контаминировались с архаическими, приспосабливались к народному быту.

Так, например, карелы верили, что насланной Богом болезнью человек может заболеть в том случае, если он пройдет мимо иконы и не перекрестится (д. Мяндусельга, Медвежьегорский район; д. Войница, Калевальский район)² [8; 68]; повесит икону дома в холодной комнате; если женщина будет посещать церковь в течение шести недель после родов (пока у нее кровь идет). Жители д. Кевятзеро (Беломорский район) утверждали, что Бог наказывал болезнями тех людей, которые разоряли и ликвидировали церкви: кого-то разбивал паралич, кто-то слеп, а у некоторых рот перекашивало [4; 15].

Заболевший человек узнавал о возникшей у него Божьей болезни из сна: он видел во сне красную или черную лошадь (Суоярвский район) [5; 523]. Появление лошади в сновидениях объяснялось тем, что в представлениях прибалтийско-финских народов (например, вепсов) лошадь являлась существом, связанным с иным миром, а следовательно, болезнями и смертью. Обладая таким свойством, она имела и дар предсказания [1; 274]. Необходимо отметить, что и в славянской мифологии явившийся в сновидениях конь / лошадь предсказывал болезнь / недуг или дорогу. Цветовой код здесь также был существенен: красная или черная лошадь – к болезни, сивая – к смерти, а белая – к добру [3; 592]. Калевальские карелы (д. Войница) уверяли, что видели во сне изгнанную лошадь и именно ту, которая была из той же деревни, что и болеющий этим недугом [8; 68].

По народной логике для излечения Божьей болезни нужно использовать предметы, связанные с христианством, и проводить действия, направленные на то, чтобы «задобрить» Всевышнего. Карелы ставили свечку и крестились, кланялись иконе, относили в церковь или часовню подарки (пару метров ситцевой или холщовой ткани) (д. Войница, Калевальский район) [8; 68]. Жители д. Мяндусельга (Пряжинский район) с целью исцеления данного недуга ходили три ночи подряд к кресту просить прощения³.

Таким образом, внехристианские представления карел можно воспринимать как устойчивый значительный пласт карельского традиционного мировоззрения. Попадая на эту почву, воззрения христианского происхождения особым образом модифицировались и проявлялись в ка-

рельской культуре в виде своеобразного языческо-христианского синкретизма. Ярким примером такого двойственного влияния являются представления карел о болезни *jumalanviga*.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг. в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

вепс. — вепский язык
ливв. — ливвиковское наречие карельского языка
ск. — собственно-карельское наречие карельского языка
фин. — финский язык

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Полное собрание русских летописей. Т. 1. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1846. С. 191.
- ² Народные суеверия и предрассудки, знахари и колдуны (в Мяндусельгской волости, Повенецкого уезда) // Олонецкие губернские ведомости. 1875. № 80. С. 894.
- ³ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 448 с.
2. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л.: Наука, 1972. 745 с.
3. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М.: Междунар. отношения, 1995. 680 с.
4. Степанова А. С. Устная поэзия тунгудских карел. Петрозаводск: Периодика, 2000. 384 с.
5. Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI, I – 1968. 576 s.
6. Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI, II – 1974. 591 s.
7. Nykysuomen sanakirja. Porvoo; Helsinki; Jyväskylä: WSOY, 2 – 1992. 735 s.
8. Paulaharju S. Syntymä, lapsuus, kuolema (Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia). Helsinki: SKS, 1924. 248 s.
9. Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto (uskontoantropologinen tutkimus). Helsinki: SKST, 1971. 388 s.
10. Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1958. 804 s.
11. Vuorela T. Kansanperinteen sanakirja. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1979. 543 s.

Pashkova T. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ON PAGAN-CHRISTIAN SYNCRETISM ISSUE IN KARELIAN FOLK MEDICINE (CASE STUDY OF JUMALANVIGA DISEASE “GOD’S SENT AFFLICTION”)

The processes of Karelian folk medicine alteration and its consequent development influenced by Christianization of the local Karelian population in the XIIIth century is studied. Under the influence of spreading Christianity some local words and terms begin to acquire new meanings. For example, the word Jumal, which formerly denoted heavenly spirits, came to mean the Christian God. A strong belief in the fact that some deity or God himself can punish people by sending different ailments was widely shared by Karelian population. This fact is confirmed by the in depth study of Karelian language dictionaries and vast research materials collected by the author. Prerequisites and causes of the disease occurrence, its further treatment point out to the fact that Christian and Pagan traditions were closely intertwined and had a double effect on the development of such cultural layer of Karelian traditions as folk medicine.

Key words: Karelian traditional culture, traditional medicine, paganism, Christianity, medical ceremonies, beliefs Karelian

REFERENCES

1. Vinokurova I. Yu. *Zhivotnye v traditsionnom mirovozzrenii vepsov (opyt rekonstruktsii)* [Animals in the traditional world of Vepsians (experience of reconstruction)]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2006. 448 p.
2. Zaytseva M. I., Mullonen M. I. *Slovar' vepsskogo yazyka* [Dictionary of the Vepsian language]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. 745 p.
3. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar' : V 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary in 5 volumes] / Under the general editorship. N. I. Tolstoy. Vol. 2. Moscow, International Relations Publ., 1995. 680 p.
4. Stepanova A. S. *Ustnaya poeziya tungudskikh karel* [Oral poetry tungudskih Karel]. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2000. 384 p.
5. Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI, I – 1968. 576 s.
6. Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI, II – 1974. 591 s.
7. Nykysuomen sanakirja. Porvoo; Helsinki; Jyväskylä: WSOY, 2 – 1992. – 735 s.
8. Paulaharju S. Syntymä, lapsuus, kuolema (Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia). Helsinki: SKS, 1924. 248 s.
9. Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto (uskontoantropologinen tutkimus). Helsinki: SKST, 1971. 388 s.
10. Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1958. 804 s.
11. Vuorela T. Kansanperinteen sanakirja. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1979. 543 s.

Поступила в редакцию 15.01.2015

ЛАРА ВЛАДИМИРОВНА КРАСНИКОВА

аспирант кафедры английского языкознания филологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

lara.philol@mail.ru

ОБ ИНВАРИАНТНЫХ И ВАРИАТИВНЫХ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ: ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ ИЗ ЦИКЛА «ИРЛАНДСКИЕ МЕЛОДИИ» ТОМАСА МУРА

Статья посвящена одной из актуальных проблем современной филологической науки: изучению эстетической значимости художественных текстов. Цель исследования заключалась в объяснении специфики эстетического воздействия, оказываемого на читателя поэтическими текстами английского поэта Томаса Мура. Применение двух методов лингвопоэтического исследования (анализ лингвопоэтики повествовательных типов текста и лингвопоэтики художественного приема) показало, что проанализированные в статье четыре стихотворения Томаса Мура принадлежат к трем повествовательным типам: 1) описание, для которого характерны сниженная коннотативность, лингвопоэтическая полноценность речепотребления и экспрессивная лингвопоэтическая функция стилистически маркированных единиц; 2) рассуждение, в котором присутствуют развернутые метафоры, повышенный уровень коннотативности, актуализация потенциальных свойств элементов функции воздействия и использование их в ассоциативной функции; 3) волеизъявление (проанализировано два стихотворения, относящиеся к этому повествовательному типу), которое, как и рассуждение, и в отличие от описания, отличается повышенной коннотативностью, но не выходит на уровень рассуждения по степени метафоричности и при этом характеризуется внутренним варьированием на уровне лингвопоэтической функции (либо экспрессивная, либо гномическая) и лингвопоэтической значимости использованных элементов функции воздействия (от «автоматизированного» до актуализированного речепотребления). Проведенный анализ показал, что при значительном стилистическом сходстве стихотворения Томаса Мура отличаются друг от друга в лингвопоэтическом плане в силу их принадлежности к разным повествовательным типам текста, приводящей к реализации стилистически маркированными единицами разного объема их семантических и метасемантических свойств.

Ключевые слова: лингвопоэтика, повествовательный тип, художественный прием, лингвопоэтическая значимость, лингвопоэтическая функция, стилистически маркированные единицы

Словесно-художественное творчество, с одной стороны, состоит из уникальных текстов, оригинальность которых является одним из залогов их популярности. С другой стороны, существуют основания для объединения этих текстов по различным совокупностям признаков (например, их жанровые классификации). Возможность такого объединения не говорит о шаблонности или низком качестве подпадающего под классификацию материала. Она лишь указывает на существование неких типических черт, но не отрицает идеи об уникальности произведений словесно-художественного творчества. Лингвопоэтика как часть филологии стремится объяснить, с одной стороны, уникальность художественных текстов, а с другой стороны, черты сходства, имеющиеся между ними [3]. Черты сходства нередко составляют определенный инвариант, а различия между текстами и в конечном итоге их уникальность объясняются присутствием варьирования в рамках инвариантов. Поскольку лингвопоэтика направлена на описание роли и функции стилистически маркирован-

ных языковых единиц в передаче идейно-художественного содержания литературного текста и в создании эстетического эффекта, обобщения в лингвопоэтике должны иметь двойственную – и понятийную (содержательную), и языковую – природу [2], [4]. Начальным уровнем обобщения применительно к лингвопоэтике логичнее всего считать теорию повествовательных типов [5].

Теория повествовательных типов восходит к трудам Аристотеля [1] и непосредственно связана с разнообразием художественных (и не только художественных) текстов и с необходимостью, издавна ощущавшейся филологами, объяснить с объективных позиций их разнообразие и подобие. Естественным противопоставлением, на которое обращали внимание филологи, является противопоставление прозаических и поэтических текстов, устных и письменных текстов, принадлежащих к разным функциональным стилям, текстов, являющихся диалогами или монологами, но при всей важности этого противопоставления определенные вопросы, связанные в первую очередь с оценкой качества текстов, при таких подходах остаются без ответа.

Существует необходимость более абстрактного и более глобального взгляда на объективные различия, существующие между художественными и вообще любыми текстами, на те особенности, которыми данные тексты (вне зависимости от своей разновидности) скорее всего должны обладать. Именно с этой целью и была в свое время сформулирована теория повествовательных типов, основанная на объединении текстов по инвариантным способам языковой передачи содержания и при этом позволяющая описать их уникальность благодаря признанию существования значительного варьирования в рамках каждого из выделяемых инвариантов.

Содержание может передаваться либо в виде простой констатации: факты таковы, какими они являются; это может быть описание внешности, описание некоторых предметных характеристик, это может быть описание действий. Описание предоставляет читателю или слушателю факты как они есть, нечто объективно присущее явлениям действительности. В плане модальности такого рода текстов мы можем говорить об их относительной нейтральности. Пишущий не ставит под сомнение эти факты и не пытается придать им особую значимость, он просто их перечисляет. В этом и заключается суть описания. Если речь идет о характеристике действия, можно говорить о повествовании, но в данном случае во избежание тавтологии («повествовательный тип «повествование»») нам будет удобнее использовать единый термин как для описания предметно-вещественных характеристик, так и для описания действий.

Описание по своей нейтральности естественно может быть противопоставлено другим вариантам отношения к тому, что излагается. Рассказывающий или пишущий может с некоторым сомнением относиться к тому, о чем он сам говорит или пишет. Это нормальная ситуация для рассуждения. Человек говорит о фактах, которые, возможно, таковы, а возможно, и не таковы, какими он их представляет. Степень уверенности здесь значительно меньше, чем в текстах описательного характера. Таким образом, в плане общей модальности можно говорить о снижении степени уверенности от некой нейтральности к минусовым величинам.

С другой стороны, по сравнению с описанием, по сути своей нейтральным, возможны случаи значительно большей уверенности, с которой обсуждаются те или иные факты или мысли: вещи именно таковы, и никакими иными быть не могут. Мы настаиваем на том, о чем говорим. В данном случае общая модальность будет сдвигаться отчетливо в некую «плюсовую» сторону и передавать так называемое волеизъявление.

В результате мы получаем тройственное противопоставление, которое в восходящей еще

к Аристотелю трихотомии будет выражено как «присущее» – «возможно присущее» – «необходимо присущее». Данная трихотомия выглядит весьма абстрактно, но в силу своей категориальной природы она вполне адекватно освещает лежащие в основе данного противопоставления факты логического характера.

Логическая составляющая классификации повествовательных типов должна соотноситься с определенными устойчивыми языковыми характеристиками текстов, принадлежащих к данным повествовательным типам; в противном случае эта классификация не сможет быть использована для лингвопоэтического анализа, предполагающего одновременное рассмотрение формы и содержания литературных произведений. В предыдущих работах, посвященных лингвопоэтике повествовательных типов, было выявлено, что на языковом уровне описанию обычно соответствует умеренный уровень коннотативности, отсутствие развернутой метафорики и тенденция к паратактической организации текста [4]. Волеизъявление соответствует использованию императивов, олицетворений, ингерентно коннотативной лексики (то есть слов, обладающих экспрессивностью на языковом уровне, а не приобретающих коннотативность в речи, как это происходит с адгерентно коннотативными единицами); на синтаксическом уровне волеизъявление характеризуется применением восклицательных конструкций, риторических вопросов и тенденций к параллельному подчинению. Рассуждение, в свою очередь, соотносится с метафорикой разной степени сложности, с употреблением адгерентно коннотативных единиц и с более явной выраженностью причинно-следственных связей (за счет последовательного подчинения), чем в случае с описанием и волеизъявлением [5]. Кроме того, необходимо учитывать объем семантических и метасемиотических свойств, характеризующих употребление той или иной стилистически маркированной единицы (автоматизированное, лингвопоэтически полноценное и актуализированное речеупотребление), то есть ее лингвопоэтическую значимость, а также лингвопоэтическую функцию стилистически маркированных единиц (соответственно экспрессивную, гномическую и ассоциативную) [5].

Эта предельно общая схема нуждается в уточнениях в связи с каждым конкретным литературным произведением, и целью настоящей статьи будет проверка действенности данной схемы на примере нескольких стихотворений из цикла «Ирландские мелодии» Томаса Мура (1779–1852).

В справедливости изложенных постулатов применительно к повествовательному типу «описание» можно убедиться, обратившись к стихотворению «Oh! Breathe not his name».

[Oh! Breathe not his name, let it sleep in the shade,
Where cold and unhonour'd his relics are laid;
Sad, silent and dark, be the tears that we shed,
As the night-dew that falls on the grass o'er his head!
But the night-dew that falls, though in silence it weeps
Shall brighten with verdure the grave where he sleeps.
And the tear that we shed, though in secret it rolls,
Shall long keep his memory green in our souls] [6; 430].

Несмотря на наличие императива, общий тип повествования соответствует констатации того факта, что память о герое будет сохраняться в душах его современников, даже если о нем не будут говорить вслух. Стихотворение отличается исключительной простотой: помимо упоминания уподобляемых друг другу «ночной росы» и «слез друзей» как символов скорби природы и людей по погибшему герою, никаких других образов в нем не содержится. «Ночная роса» («night dew») и «втайне проливаемые слезы» («the tears that we shed») сохраняют память о герое. Стихотворение несвободно от коннотативных единиц («unhonoured», «relics», «verdure», «brighten» как примеры ингерентно коннотативной лексики и «sad», «silent», «dark», «be the tears», «keep his memory green» как примеры адгерентно коннотативного речеупотребления), однако они не развивают сложных метафорических рядов. Синтаксис, как это свойственно описанию, характеризуется преобладанием паратактических конструкций и слабой выраженностью причинно-следственных связей. Семантические и метасемантические свойства коннотативных элементов реализованы на уровне лингвопоэтически полноценного речеупотребления, но в силу отсутствия абстрактного или ассоциативного плана их лингвопоэтическая функция остается в пределах экспрессивности.

Иными повествовательными характеристиками отличается стихотворение «Erin! The tear and the smile in thine eyes».

Erin! The tear and the smile in thine eyes,
Blend like the rainbow that hangs in thy skies!
Shining through sorrow's stream,
Saddening through pleasure's beam,
Thy sons, with doubtful gleam,
Weep while they rise!
Erin! Thy silent tear never shall cease,
Erin! Thy languid smile ne'er shall increase,
Till, like the rainbow's light,
Thy various tints unite,
And form, in Heaven's sight,
One arch of peace! [6; 430].

Стихотворение представляет собой развернутое олицетворение: автор обращается к Ирландии как к живому существу, способному

плакать и улыбаться, благодаря чему стихотворение сразу приобретает значительно большую коннотативность, чем это было в предыдущем случае, когда автор в своем тексте обращался к реальным людям. Возрастает пропорция ингерентно коннотативной лексики: «shining», «sorrow's stream», «saddening», «pleasure's beam», «doubtful gleam», адгерентно коннотативное речеупотребление усложняется по смысловой структуре («сыновья Ирландии сверкают через поток скорби» и др.). Более сложным, чем в предыдущем случае, оказывается и синтаксис (например, наличествуют однородные определительные конструкции с причастиями «shining», «saddening»). Несмотря на упоминание традиционных для поэзии Мура «слезы» и «улыбки», конструкции, в которых они обнаруживаются, не сводятся к их простому противопоставлению. Напротив, они соединены по смыслу, подчеркивая совмещение и одновременность соответствующих эмоций ирландских патриотов, что свидетельствует об актуализации потенциальных свойств указанных лексических единиц, придающих повествованию определенную абстрактность, то есть выполняющих гномическую лингвопоэтическую функцию. Помимо этих признаков, не свойственных обычному описанию, стихотворение обращает на себя внимание обилием восклицательных конструкций. Все это указывает на сильную императивность данного текста, из чего следует логический вывод: стихотворение относится к волеизъявительному повествовательному типу.

Примером рассуждения в «Ирландских мелодиях» является, например, стихотворение «The harp that once through Tara's halls».

The harp that once through Tara's halls,
The soul of music shed,
Now hangs as mute on Tara's walls
As if that soul were fled.
So sleeps the pride of former days,
So glory's thrill is o'er,
And hearts, that once beat high for praise,
Now feel that pulse no more!
No more to chiefs and ladies bright
The harp of Tara swells;
The chord, alone, that breaks at night,
Its tale of ruin tells.
Thus Freedom now so seldom wakes,
The only throb she gives,
Is when some heart indignant breaks,
To show that still lives [6; 431].

Тематически это стихотворение опять-таки связано с Ирландией; из него можно сделать вывод, что былая слава страны утрачена навсегда, так как звуки арфы, которые больше не слыш-

ны, но звучали раньше, уподоблены свободе, которая теперь утрачена и стремление к которой проявляется лишь тогда, когда умирает один из гордых сынов Ирландии. Как и в предыдущих стихотворениях, данное содержит ингерентно коннотативную лексику (*pride, glory* и т. д.) и адгерентно коннотативные словосочетания (*sleeps the pride, glories throw*), но это сходство не должно скрывать от читателя существенное отличие. Умолкшая арфа, о которой идет речь в первых четырех строках первой строфы, в последующих строках уподобляется славе былых дней, а во второй строфе по аналогичной схеме в плане объема текста она (арфа) уподобляется свободе. Наличие развернутого сравнения заставляет читателя размышлять о печальном состоянии Ирландии и выявить черты сходства между сравниваемым конкретным музыкальным инструментом и абстрактными понятиями, с которыми он сопоставлен. Это сравнение обеспечивается за счет сложной синтаксической организации, которая особенно очевидна в первых четырех и в последних четырех строках стихотворения. Как и в стихотворении «*Erin! The tear and the smile in thine eyes*», перечисленные элементы текста являются примером актуализации потенциальных свойств стилистически маркированных единиц, но в данном случае лингвопоэтическая функция по указанным причинам будет уже не гномической, а ассоциативной.

До настоящего момента проводившийся анализ показывал инвариантные различия между текстами, принадлежащими к разным повествовательным типам. Однако в рамках одного и того же повествовательного типа может присутствовать некоторое варьирование: не на уровне списка стилистически маркированных единиц, а в плане их лингвопоэтической значимости и лингвопоэтической функции. В этом можно убедиться, обратившись, например, к стихотворению «*Go where glory waits thee*», принадлежащему, как и «*Erin! The tear...*», к волеизъявлению. Для подтверждения этой мысли рассмотрим первую строфу данного стихотворения:

Go where glory waits thee,
But while fame elates thee,

Oh! Still remember me.
When the praise thou meetest
To thine ear is sweetest,
Oh! Then remember me.
Other arms may press thee,
Dearer friends caress thee,
All the joys that bless thee,
Sweeter far may be;
But when friends are nearest,
And when joys are dearest,
Oh! Then remember me [6; 428].

Наличие императивов, абстрактных коннотативных существительных («*glory, fame, praise, joys*») в составе олицетворения, восклицаний, переданных с помощью междометий, с уверенностью позволяет отнести этот текст к волеизъявлению. Однако в семантическом плане эти существительные в данном контексте фактически взаимозаменяемы, что свидетельствует об автоматизации речупотребления и указывает на то, что они выполняют лишь экспрессивную лингвопоэтическую функцию. Здесь мы ограничимся констатацией данных черт и воздержимся от анализа последующих двух строф данного стихотворения, поскольку уже на примере процитированных 13 строчек становится очевидной мысль о потенциальном варьировании в рамках одного и того же повествовательного типа на уровне лингвопоэтической значимости и лингвопоэтической функции коннотативных единиц.

Проведенный анализ, на наш взгляд, выявляет черты различия между стихотворениями и показывает действенность применяемого метода. Несмотря на явное тематическое сходство и значительное стилистическое подобие, рассмотренные стихотворения тем не менее производят различное впечатление на читателя, и это обусловлено спецификой их повествовательной организации. Одни и те же коннотативные единицы проявляют различный объем семантических и метасемантических свойств в силу принадлежности содержащих эти единицы текстов к разным повествовательным типам или к отдельным разновидностям одного и того же повествовательного типа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Поэтика. Риторика. М.: Азбука-классика, 2007. 352 с.
2. Задорнова В. Я. Словесно-художественное произведение на разных языках как предмет лингвопоэтического исследования: Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1992. 479 с.
3. Липгарт А. А. Методы лингвопоэтического исследования. М.: Московский лицей, 1997. 221 с.
4. Липгарт А. А. Основы лингвопоэтики. М.: Либроком, 2013. 168 с.
5. Липгарт А. А. «Шекспировский вопрос», шекспировский канон и стиль Шекспира // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология № 1. 2005. С. 81–94.
6. Мооре Т. The Poetical Works of Thomas Moore. Edinburgh; London: Gall and Inglis, 1904. 290 p.

Krasnikova L. V., Moscow State University named after M. V. Lomonosov (Moscow, Russian Federation)

**ON INVARIANT AND VARIABLE NARRATIVE CHARACTERISTICS OF LITERARY TEXTS:
LINGUOPOETIC ANALYSIS OF SOME POEMS FROM “THE IRISH MELODIES”
BY THOMAS MOORE**

The article deals with one of the topical questions of the present-day philological science: the study of the aesthetic value of literary texts. The aim of the research was to explain the nature of the deep aesthetic impact produced by Thomas Moore's poems upon the reader. The use of the two methods of linguopoetic investigation (analysis of linguopoetics of narrative types and analysis of linguopoetics of artistic device) has shown that the four poems analyzed in the article belong to three different narrative types: 1) description, characterized by moderate connotativeness, linguopoetical full-fledged usage of speech, and an expressive linguopoetic function of stylistically marked units; 2) contemplation, containing extended metaphors, increased connotativeness, cases of foregrounding, and realization of the associative linguopoetic function; 3) volition (two poems belonging to this narrative type were analyzed), where the level of connotativeness is also considerable but still not equal to that observed in contemplation with the use of metaphors, and where one might observe variability of both the linguopoetic function (it being either expressive or gnomic) and of linguopoetic value (the usage being either automatized or foregrounded). The present study has shown that regardless of their stylistic similarity Thomas Moore's poems are linguopoetically dissimilar because they belong to different narrative types, which results in stylistically marked units with different semantic and metasemiotic potential.

Key words: linguopoetics, narrative type, stylistic device, linguopoetic value, linguopoetic function, stylistically marked units

REFERENCES

1. Aristotel'. *Poetika. Ritorika* [Poetics. Rhetorics]. Moscow, Azbuka-klassika Publ., 2007. 352 p.
2. Zadornova V. Ya. *Slovesno-khudozhestvennoe proizvedenie na raznykh yazykakh kak predmet lingvopoeticheskogo issledovaniya: Diss. ... d-ra filol. nauk* [Verbal works of art translations as the topic for linguopoetic research: Dr. filol.sci. diss.]. Moscow, 1992. 479 p.
3. Lipgart A. A. *Metody lingvopoeticheskogo issledovaniya* [Methods of linguopoetic research]. Moscow, Moskovskiy litsey Publ., 1997. 221 p.
4. Lipgart A. A. *Osnovy lingvopoetiki* [Bases of linguopoetics]. Moscow, Librokom Publ., 2013. 168 p.
5. Lipgart A. A. Shakespeare question, canon and style ["Shekspirovskiy vopros", shekspirovskiy kanon i stil' Shekspira]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya № 1*. 2005. P. 81–94.
6. Moore T. *The Poetical Works of Thomas Moore*. Edinburgh; London: Gall and Inglis, 1904. 290 p.

Поступила в редакцию 24.12.2014

АЛЛА АЛЕКСАНДРОВНА ВАСИЛЕНКО

кандидат экономических наук, доцент кафедры аудита
учетно-экономического факультета, Ростовский государ-
ственный экономический университет (Ростов-на-Дону,
Российская Федерация)
allvasilenko@yandex.ru

ЭЛЕМЕНТЫ ФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ КАК ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ АУДИТА

В условиях повышения требований к качеству аудита отчетности становится актуальным развитие новых подходов к методологии аудита, в частности структурно-функционального подхода. Цель исследования – элиминировать компоненты аудируемой финансовой отчетности и усовершенствовать модель аудита финансовой отчетности на основе структурно-функционального подхода. На основе анализа международных и российских регулятивов в области финансовой отчетности исследованы элементы отчетности и факты хозяйственной жизни как структурная и функциональная компоненты аудируемой отчетности. В результате предложена модель аудита финансовой отчетности на основе структурно-функционального подхода. Использование такого подхода позволяет аудитору разработать практические методики по определению конкретных предпосылок составления отчетности и аудиторских процедур для подтверждения достоверности каждого элемента финансовой отчетности. Значимость детализации методик аудита на уровне предпосылок составления отчетности обусловлена тем, что создаются оптимальные условия для подтверждения достоверности отражения в финансовой отчетности ее функционально-структурных компонентов.

Ключевые слова: аудит, предпосылки составления финансовой отчетности, структурно-функциональный подход, элементы финансовой отчетности, факты хозяйственной жизни

В условиях повышения интереса пользователей к информации, представляемой в финансовой отчетности, возрастает роль аудита в решении проблемы обеспечения ее достоверности. При переходе на международные стандарты аудита становится актуальным обоснование предметной области аудита, в том числе утверждений руководства аудируемого лица в отношении достоверности отчетности. К задачам исследования относится обоснование необходимости использования аудитором предпосылок составления финансовой отчетности применительно к ее элементам, фактам хозяйственной жизни и на этой основе уточнение методологических подходов к планированию и проведению аудита.

В действующей до перехода на международные стандарты аудита нормативно-правовой базе аудита «предпосылки составления бухгалтерской отчетности – это утверждения руководства аудируемого лица в явной или неявной форме по поводу признания, оценки и раскрытия в бухгалтерской отчетности объектов бухгалтерского учета»¹. Данное определение означает, что предпосылки составления отчетности применяются аудитором в отношении объектов бухгалтерского учета. К последним статья 5 Федерального закона от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете»² относит: факты хозяйственной жизни; активы; обязательства; источники финансирования его деятельности; доходы; расходы; иные объекты в случае, если это установлено федеральными стандартами.

В международных стандартах аудита вместо термина «предпосылки составления бухгал-

терской отчетности», появившегося в результате адаптации перевода с английского языка, используется понятие «утверждения руководства». При их интерпретации речь идет о финансовой отчетности, а не об объектах бухгалтерского учета: утверждения (Assertions) – прямо выраженные или иные представления руководства, содержащиеся в финансовой отчетности и используемые аудитором для анализа различных категорий потенциально возможных искажений³. Таким образом, подход, декларируемый в международных стандартах аудита, соответствует цели аудита – подтверждению достоверности финансовой отчетности. В международных и российских регулятивах по бухгалтерскому учету и аудиту используются различные термины – финансовая отчетность, бухгалтерская отчетность, бухгалтерская (финансовая) отчетность. В статье в дальнейшем остановимся на первом из приведенных понятий, применяемом в международных стандартах аудита.

Для исследования предмета утверждений руководства аудируемого лица (предпосылок составления отчетности) рассмотрим подходы к пониманию структурных элементов финансовой отчетности. При этом остановимся только на тех международных и национальных регулятивах, в которых непосредственно встречается термин «элементы финансовой отчетности». В нормативной базе, регулирующей аудиторскую деятельность (Федеральный закон «Об аудиторской деятельности»), федеральные стандарты аудиторской деятельности, рекомендации Департамента регулирования бухгалтерского

учета, финансовой отчетности и аудиторской деятельности Министерства финансов Российской Федерации) не используется понятие «элементы финансовой отчетности». В глоссарии терминов международных стандартов аудита под элементами финансовой отчетности (в контексте МСА 805) понимаются элемент, счет или статья финансовой отчетности⁴.

«Концептуальные основы подготовки и представления финансовой отчетности (The Framework for the Preparation and Presentation of Financial Statements) – это документ, который... в 2001 г. принят Советом по международным стандартам. <...> В сентябре 2010 г.... выпущен документ **Концептуальные основы финансовой отчетности (Conceptual Framework for Financial Reporting)**, который включает в себя еще не измененный текст старых Концептуальных основ и две новые главы...» [5; 2, 4]. В данном регламенте финансовая отчетность интерпретируется как структурированное представление исторической финансовой информации, предназначенное для информирования об экономических ресурсах или обязательствах по состоянию на определенную дату, или изменениях в них, произошедших за определенный период времени [8]. Отчетность отображает влияние на финансовое положение операций и прочих событий, объединенных в крупные классы в соответствии с их экономическими характеристиками. Данные крупные классы операций и прочих событий и определены как элементы финансовой отчетности. В Концептуальных основах финансовой отчетности (Conceptual Framework for Financial Reporting) содержится три раздела, посвященных элементам финансовой отчетности:

– **«Элементы финансовой отчетности (The elements of financial statements)»** – устанавливает элементы финансовой отчетности (активы, обязательства, собственный капитал, доходы и расходы);

– **Признание элементов финансовой отчетности (Recognition of the elements of financial statements)** – устанавливает критерии признания элементов финансовой отчетности (вероятность и надежность оценки);

– **Оценка элементов финансовой отчетности (Measurement of the elements of financial statements)** – устанавливает виды оценки элементов финансовой отчетности» [5; 3].

В российских условиях используется термин «элементы финансовой информации», экономическое содержание которого раскрывается в Концепции бухгалтерского учета в рыночной экономике России, одобренной Методологическим советом по бухгалтерскому учету при Министерстве финансов Российской Федерации, Президентским советом Института профессиональных бухгалтеров Российской Федерации 29.12.1997 г. (Концепция бухгалтерского учета в рыночной экономике России)⁵. В п. 7.1 данного

документа указывается, что элементами информации о финансовом положении хозяйствующего субъекта, которые отражаются в бухгалтерском балансе, являются активы, обязательства и капитал. Доходы и расходы – элементы информации о финансовых результатах деятельности хозяйствующего субъекта, которые отражаются в отчете о финансовых результатах.

Следовательно, исходя из требований международных и российских регулятивов в исследуемой области, аудитор при подтверждении достоверности финансовой отчетности исследует ее элементы.

Требования международных и российских регулятивов, позволяющих идентифицировать элементы финансовой отчетности, представлены в табл. 1.

Таким образом, в сравниваемых регулятивах раскрывается экономическая сущность каждого элемента финансовой отчетности. Элементами, непосредственно связанными с оценкой финансового положения, являются активы, обязательства и собственный капитал. К элементам финансовой отчетности, определяющим результаты финансово-хозяйственной деятельности, относятся доходы и расходы.

В отдельных международных стандартах финансовой отчетности и положениях по бухгалтерскому учету раскрываются принципы учета и отражения в отчетности как групп активов и обязательств (основные средства, нематериальные активы, материально-производственные запасы, обязательства по займам и кредитам), так и элементов финансовой отчетности (доходы, расходы). При этом непосредственно термин «элементы финансовой отчетности» не применяется. Поэтому с позиции задач нашего исследования в статье представлена сравнительная характеристика двух регулятивов в области структурирования финансовой отчетности: Концептуальные основы финансовой отчетности (The Conceptual Framework for Financial Reporting) и Концепция бухгалтерского учета в рыночной экономике России.

Данные табл. 1 демонстрируют, что все элементы финансовой отчетности, за исключением собственного капитала, определяются с помощью понятия «экономические выгоды». Под увеличением экономических выгод понимается получение денежных средств или иного имущества, к уменьшению экономических выгод приводит отток денежных средств или другого имущества.

Объект для включения в состав финансовой отчетности, помимо соответствия определению элемента отчетности, должен соответствовать критериям признания, к которым относятся следующие положения Концептуальных основ финансовой отчетности (The Conceptual Framework for Financial Reporting) [8]:

Таблица 1

Информация международных и российских регулятивов
для целей идентификации элементов финансовой отчетности (ЭФО)

Наименование ЭФО	Определение ЭФО в Концептуальных основах финансовой отчетности	Определение ЭФО в Концепции бухгалтерского учета в рыночной экономике России
Активы	Ресурс, контролируемый компанией в результате прошлых событий, от которого ожидается поступление будущих экономических выгод	Хозяйственные средства, контроль над которыми организация получила в результате свершившихся фактов ее хозяйственной деятельности и которые должны принести ей экономические выгоды в будущем
Обязательство	Существующая обязанность компании, возникающая в результате прошлых событий, погашение которой, как ожидается, приведет к выбытию из компании ресурсов, содержащих экономические выгоды	Существующая на отчетную дату задолженность организации, которая является следствием свершившихся проектов ее хозяйственной деятельности и расчеты по которой должны привести к оттоку активов. Обязательство может возникнуть в силу действия договора или правовой нормы, а также обычаев делового оборота
Собственный капитал	Остаточная доля в активах компании после вычета всех ее обязательств	Вложения собственников и прибыль, накопленная за все время деятельности организации. При определении финансового положения организации величина капитала рассчитывается как разница между активами и обязательствами
Доходы	Увеличение экономических выгод в течение отчетного периода в форме поступлений или улучшения качества активов либо уменьшения величины обязательств, которые приводят к увеличению собственного капитала, не связанному со взносами участников капитала	Увеличение экономических выгод в течение отчетного периода или уменьшение обязательств, которые приводят к увеличению капитала, отличного от вкладов собственников
Расходы	Уменьшение экономических выгод в течение отчетного периода в форме выбытия или списания активов или увеличения обязательств, которые приводят к уменьшению собственного капитала, не связанному с его распределением между участниками капитала	Уменьшение экономических выгод в течение отчетного периода или возникновение обязательств, которые приводят к уменьшению капитала, кроме изменений, обусловленных изъятиями собственников

– поступление в организацию или выбытие из нее будущих экономических выгод, связанных с этим объектом, представляется вероятным;

– объект имеет первоначальную стоимость или стоимость, которая может быть надежно оценена.

В Концепции бухгалтерского учета в рыночной экономике России⁶ указывается, что объекты для включения их в бухгалтерский баланс или отчет о финансовых результатах должны соответствовать определению и двум критериям:

– во-первых, на дату составления бухгалтерской отчетности существует обоснованная вероятность того, что компания приобретет или потеряет какие-либо будущие экономические выгоды, обусловленные объектом;

– во-вторых, объект может быть оценен с достаточной степенью надежности.

Вероятность будущей экономической выгоды определяется через оценку неопределенности, присущей потоку будущих экономических выгод. Вторым критерием для признания является наличие у объекта первоначальной стоимости или стоимости, которая может быть надежно оценена. Этот процесс предусматривает выбор определенной базы оценки. Концептуальные основы финансовой отчетности (The Conceptual Framework for Financial Reporting) [8] выделяют следующие базы оценки: первоначальная стоимость; текущая стоимость; возможная цена про-

дажи (стоимость погашения); приведенная стоимость (табл. 2).

Объект, обладающий необходимыми характеристиками элемента финансовой отчетности, но не удовлетворяющий критериям признания, должен отражаться в пояснениях к финансовой отчетности.

Понятие «элементы финансовой отчетности» в экономической литературе по проблемам бухгалтерского учета, аудита и финансового анализа встречается чаще, чем в соответствующей нормативной базе. Так, А. Аренс, Дж. Лоббек указывали на то, что «сегментация аудита по элементам финансовой отчетности с использованием циклического подхода помогает аудитору выполнить заказ» [1; 152]. В 1999 году Ю. А. Данилевский, С. М. Шапигузов, Н. А. Ремизов, Е. В. Старовойтова к элементам бухгалтерской (финансовой) отчетности относили бухгалтерский баланс, отчет о прибылях и убытках, пояснения к бухгалтерскому балансу и отчету о прибылях и убытках, итоговую часть аудиторского заключения [3; 391]. В. В. Ковалев, Вит. В. Ковалев с позиции финансового анализа исследовали «...системообразующие элементы, непосредственно связанные с балансом: активы, капитал, обязательства» и с отчетом о прибылях и убытках – доходы и расходы [4; 38, 45]. По мнению Л. Б. Трофимовой, в российском законодательстве следует разграничить понятия «объекты учета» и «элементы отчетности», а также дать

Таблица 2

Базы оценки элементов финансовой отчетности

В Концептуальных основах финансовой отчетности (The Conceptual Framework for Financial Reporting)		В Концепции бухгалтерского учета в рыночной экономике России	
Наименование базы оценки	Содержание базы оценки	Наименование базы оценки	Содержание базы оценки
Первоначальная стоимость	Активы отражаются в сумме уплаченных денежных средств или эквивалентов денежных средств либо по справедливой на момент приобретения стоимости переданного за их приобретение вознаграждения. Обязательства отражаются в сумме поступлений, полученных в обмен на обязательство, или в некоторых обстоятельствах в сумме денежных средств или эквивалентов денежных средств, которые, как ожидается, будут выплачены для погашения обязательства при обычном ходе деятельности	Фактическая (первоначальная) стоимость (себестоимость)	Отражаются в сумме денежных средств, уплаченных или начисленных при приобретении или производстве объекта
Текущая стоимость	Активы отражаются в сумме денежных средств или эквивалентов денежных средств, которая была бы выплачена, если бы эти или эквивалентные им активы приобретались в данный момент. Обязательства отражаются по недисконтированной стоимости денежных средств или эквивалентов денежных средств, которые потребовались бы для урегулирования обязательства в данный момент	Текущая (восстановительная) стоимость (себестоимость)	Отражаются в сумме денежных средств, которая должна быть уплачена на дату составления бухгалтерской отчетности в случае необходимости замены какого-либо объекта
Возможная цена продажи (стоимость погашения)	Активы отражаются в сумме денежных средств или эквивалентов денежных средств, которые могли бы быть получены в данный момент в результате продажи актива в обычном порядке. Обязательства отражаются по стоимости погашения; иными словами, по недисконтированной стоимости денежных средств или эквивалентов денежных средств, которые, как ожидается, были бы выплачены для исполнения обязательства при обычном ходе деятельности	Текущая рыночная стоимость (стоимость реализации)	Отражаются в сумме денежных средств, которая может быть получена в результате продажи объекта или при наступлении срока его ликвидации
Приведенная стоимость	Активы отражаются по приведенной к текущей дате посредством дисконтирования стоимости будущих чистых поступлений денежных средств, которые, как ожидается, будет генерировать актив при обычном ходе деятельности. Обязательства отражаются по приведенной к текущей дате посредством дисконтирования стоимости будущего чистого выбытия денежных средств, которое, как ожидается, будет необходимо для погашения обязательств при обычном ходе деятельности.	Дисконтированная стоимость	Применяется при отсутствии иной базы измерения

определения объектов бухгалтерского учета и элементов финансовой отчетности: «...элементы относятся к определенным разделам форм отчетности, вместе с тем факты хозяйственной жизни относятся к объекту учета» [7; 20]. А. Суворов представляет элементы финансовой отчетности как «...экономические категории, которые связаны с предоставлением информации о финансовом состоянии кредитной организации и результатах ее деятельности... финансовые операции, сгруппированные в классы в соответствии с их экономическими характеристиками» [6; 31].

Возвращаясь к определению предпосылок составления отчетности, приведенному в Федеральном стандарте аудиторской деятельности (ФСАД) «Аудиторские доказательства»⁷, можно сделать следующий вывод: аудитор проверяет утверждения руководства аудируемого лица по поводу признания, оценки и раскрытия в финансовой отчетности ее элементов (активов, обяза-

тельств, капитала, доходов, расходов), а также фактов хозяйственной жизни и иных объектов. Рассмотрение финансовой отчетности как объекта, представляющего в структурированной форме взаимное положение ее элементов отчетности, дает возможность исследовать элементы финансовой отчетности в качестве ее базовой структурной единицы. В свою очередь, факты хозяйственной жизни вызывают «перетекание» стоимости от одного структурного компонента отчетности к другому в процессе изменения элементов финансовой отчетности (движения активов, капитала, возникновения и погашения обязательств и т. д.). Следовательно, факты хозяйственной жизни тесно связаны с элементами финансовой отчетности и неотделимы от выполнения функций экономического субъекта, обусловленных сделками, возникновением событий, осуществлением операций, оказываю-

щих влияние на финансовое состояние и финансовые результаты деятельности. В нормативной базе, регулирующей аудиторскую деятельность (федеральные стандарты аудиторской деятельности, рекомендации Департамента регулирования бухгалтерского учета, финансовой отчетности и аудиторской деятельности Министерства Финансов Российской Федерации), широко используется понятие «хозяйственные операции» вместо термина «факты хозяйственной жизни».

Взаимобусловленность элементов финансовой отчетности и фактов хозяйственной жизни позволяет любой момент деятельности аудируемого лица представить в виде «среза финансово-хозяйственной жизни», на котором проявляется структурная и функциональная компоненты финансовой отчетности (рис. 1.). Заметим, что для аудитора особенно актуален такой «срез» на отчетную дату.

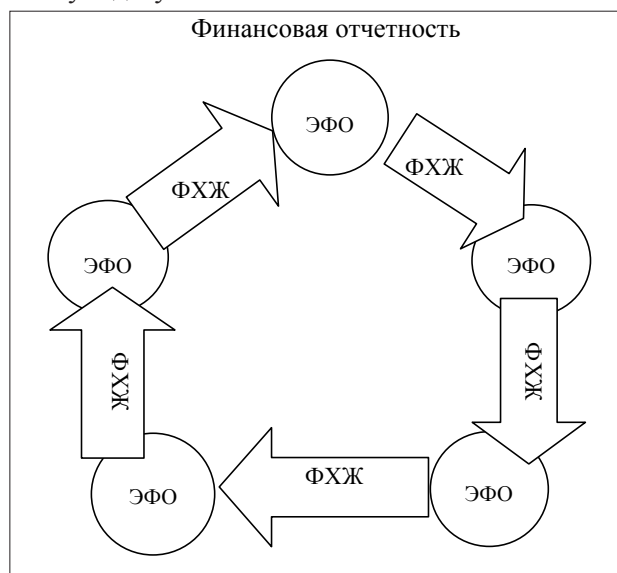

Рис. 1. Финансовая отчетность как «срез» финансово-хозяйственной жизни экономического субъекта
(ЭФО – элемент финансовой отчетности,
ФХЖ – факт хозяйственной жизни)

В качестве структурной компоненты финансовой отчетности, следовательно, выступают ее элементы, функциональную роль играют факты хозяйственной жизни.

Проведенное исследование компонентов аудируемой финансовой отчетности позволило разработать модель аудита на основе структурно-функционального подхода с использованием предпосылок составления отчетности (рис. 2).

Основываясь на требованиях стандартов аудиторской деятельности и в контексте цели аудита, аудитор в процессе проверки должен подтвердить достоверность финансовой отчетности по предпосылкам ее составления. В рамках структурно-функционального подхода к аудиту такие предпосылки объединены нами в следующие три группы:

- предпосылки в отношении подтверждения финансовой отчетности правоустанавливающими документами, данными бухгалтерского учета;
- предпосылки в отношении регламентов формирования финансовой отчетности;
- предпосылки в отношении агрегирования финансовой отчетности [2; 17].

Финансовая информация в отношении возникновения, существования, прав и обязательств, оценки, отраженная в регистрах бухгалтерского учета и финансовой отчетности, подтверждается правоустанавливающими документами, первичными документами и регистрами бухгалтерского учета. Следовательно, предпосылки «Возникновение», «Существование», «Права и обязательства», «Оценка» целесообразно объединить в группу предпосылок, подтверждающих значимые факты хозяйственной жизни, вызывающие изменения элементов финансовой отчетности (активов, капитала, обязательств, доходов, расходов).

Исследование аудитором предпосылок «Классификация», «Оценка», «Отнесение к периоду», «Понятность», «Распределение» связано с оценкой установления и соблюдения регламентов финансовой отчетности. Например, при формировании предпосылки «Оценка» следует отразить в учетной политике экономического субъекта правила определения стоимости объектов учета и далее контролировать исполнение этих требований в рамках системы внутреннего контроля. Утверждения, включенные в группу «Предпосылки в отношении регламентов формирования финансовой отчетности», позволяют аудитору подтвердить соблюдение условий, процесса признания отдельных элементов финансовой отчетности и, в конечном итоге, соответствие регламентам признания всех элементов и достоверности отчетности в целом.

Содержание процедур формирования предпосылок составления бухгалтерской отчетности «Полнота» и «Точность» сводится к агрегированию экономическим субъектом информации в финансовой отчетности с выполнением полного и точного последовательного переноса данных из первичных документов в регистры аналитического и синтетического учета и далее из регистров учета в финансовую отчетность. При этом аудитор для целей подтверждения отчетной информации производит дезагрегирование финансовой отчетности на элементы, для каждого из которых характерны определенный набор аудиторских процедур.

Таким образом, факты хозяйственной жизни и элементы финансовой отчетности экономического субъекта исследуются во взаимосвязи в процессе выполнения аудиторских процедур. Факты хозяйственной жизни находят отражение в правоустанавливающих документах, первичных документах, регистрах аналитического и синтетического учета.

Рис. 2. Модель аудита финансовой отчетности на основе структурно-функционального подхода

На основе изучения отдельных групп фактов хозяйственной жизни аудитор инспектирует соблюдение условий, при которых должны признаваться и отражаться в отчетности ее структурные компоненты – элементы финансовой отчетности. Это создает оптимальные условия для подтверждения аудитором достоверности отчетности в части ее соответствия: правоустанавливающим документам, данным бухгалтерского учета; регламентам формирования финан-

совой отчетности; требованиям агрегирования финансовой отчетности.

Развитие структурно-функционального подхода в плоскости практической аудиторской деятельности подразумевает разработку детальных методик по определению конкретных предпосылок составления отчетности и соответствующих аудиторских процедур с целью выражения обоснованного мнения о достоверности финансовой отчетности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Об утверждении федеральных стандартов аудиторской деятельности и внесении изменения в федеральный стандарт аудиторской деятельности (ФСАД 5/2010) «Обязанности аудитора по рассмотрению недобросовестных действий в ходе аудита», утвержденный приказом Министерства финансов Российской Федерации от 17 августа 2010 г. № 90н: приказ Минфина Российской Федерации от 16 августа 2011 г. № 99н [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://minfin.ru/common/img/uploaded/library/2012/01/fsad7-2011.pdf>

² О бухгалтерском учете: Федеральный закон Российской Федерации от 06 декабря 2011 г. № 402-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2011/12/09/buhuchet-dok.html>

³ Международные стандарты аудита и контроля качества. Ч. 1 [сборник]: В 3 т. Т. 1 / Международная Федерация Бухгалтеров (МФБ). Киров: ООО «Кировская областная типография», 2012. С. 33.

⁴ Там же. С. 43.

⁵ Концепция бухгалтерского учета в рыночной экономике России: одобрена Методологическим советом по бухгалтерскому учету при Министерстве финансов Российской Федерации, Президентским советом Института профессиональных бухгалтеров Российской Федерации 29 декабря 1997 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=17312>

⁶ Там же.

⁷ Об утверждении федеральных стандартов аудиторской деятельности и внесении изменения в федеральный стандарт аудиторской деятельности (ФСАД 5/2010) «Обязанности аудитора по рассмотрению недобросовестных действий в ходе аудита», утвержденный приказом Министерства финансов Российской Федерации от 17 августа 2010 г. № 90н: приказ Минфина Российской Федерации от 16 августа 2011 г. № 99н [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://minfin.ru/common/img/uploaded/library/2012/01/fsad7-2011.pdf>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аренс А., Лоббек Дж. Аудит: Пер. с англ. М.: Финансы и статистика, 1995. 560 с.
2. Василенко А. А. Взаимосвязь предпосылок составления бухгалтерской отчетности и аудиторских процедур // Актуальные проблемы социально-экономического развития России. 2012. № 3. С. 15–19.
3. Данилевский Ю. А., Шапигузов С. М., Ремизов Н. А., Старовойтова Е. В. Аудит: Учеб. пособие. М.: ИД ФБК-ПРЕСС, 1999. 544 с.
4. Ковалев В. В., Ковалев Вит. В. Финансовая отчетность и ее анализ (основы балансоведения): Учеб. пособие. М.: ТК Велби: Изд-во Проспект, 2004. 432 с.
5. Соловьева О. В. Концептуальные основы финансовой отчетности в соответствии с МСФО: последние изменения // Международный бухгалтерский учет. 2011. № 40. С. 2–11.
6. Суворов А. Финансовая отчетность по МСФО // Аудит и налогообложение. 2012. № 1. С. 31–37.
7. Трофимова Л. Б. Интеграционные схемы концептуальных основ финансовой отчетности в МСФО и российском бухгалтерском учете // Международный бухгалтерский учет. 2012. № 23. С. 13–26.
8. The Conceptual Framework for Financial Reporting. IFRS Foundation and the IASB. Available at: <http://www.iasplus.com/en/standards/other/framework/>

Vasilenko A. A., Rostov State Economic University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

ELEMENTS OF FINANCIAL STATEMENTS AS SUBJECT AREA OF AUDIT

In conditions of constantly increasing requirements to the audit quality of financial reporting development of new approaches to the audit methodology based on the structural-functional approach in particular becomes essential. The purpose of the research is to eliminate redundant components of the audited financial reporting and improve the widely used model of audit based on the employment of the structural-functional approach. We studied reported account elements and facts of economic life as structural and functional components of the audited reporting based on the analysis of international and Russian regulations inherent to financial reporting. As a result, the model of audit of financial reporting incorporating fundamental principles of the structural-functional approach is proposed. Using this approach the auditor developed a practical methodology for determination of specific financial reporting assertions and audit procedures to verify the validity of every element of financial reporting. Therefore, we came to a conclusion that a detailed audit methodology, in case of financial reporting assertions, creates optimum conditions helping to verify the validity of functional and structural components' reflection in the accounting reporting.

Key words: audit, financial reporting assertions, structural-functional approach, elements of financial reporting, facts of economic life

REFERENCES

1. Arens A., Lobbek Dzh. *Audit* [Audit]. Moscow, Finansy i Statistika Publ., 1995. 560 p.
2. Vasilenko A. A. Interrelation of financial reporting assertions and audit procedures [Vzaimosvyaz' predposylok sostavleniya bukhgalterskoy otchetnosti i auditorskikh protsedur]. *Aktual'nye problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii* [Actual problems of socio-economic development of Russia]. 2012. № 3. P. 15–19.
3. Danilevskiy Yu. A., Shapiguzov S. M., Remizov N. A., Starovoytova E. V. *Audit* [Audit]. Moscow, ID FBK-PRESS Publ., 1999. 544 p.
4. Kovalev V. V., Kovalev Vit. V. *Finansovaya otchetnost' i ee analiz (osnovy balansovedeniya): Uchebnoe posobie* [Financial reporting and its analysis (foundations of accounting study)]. Moscow, TK Velby: Izd-vo Prospekt Publ., 2004. 432 p.
5. Solov'eva O. V. Conceptual framework for financial reporting in accordance with IFRS: recent changes [Kontseptual'nye osnovy finansovoy otchetnosti v sootvetstvii s MSFO: poslednie izmeneniya]. *Mezhdunarodnyy bukhgalterskiy uchët* [International accounting]. 2011. № 40. P. 2–11.
6. Suvorov A. Financial reporting according to IFRS [Finansovaya otchetnost' po MSFO]. *Audit i nalogooblozhenie* [Audit and Taxation]. 2012. № 1. P. 31–37.
7. Trofimova L. B. Integration scheme of the conceptual foundations of financial reporting in accordance with IFRS and Russian accounting [Integratsionnye skhemy kontseptual'nykh osnov finansovoy otchetnosti v MSFO i rossiyskom bukhgalterskom uchete]. *Mezhdunarodnyy bukhgalterskiy uchët* [International accounting]. 2012. № 23. P. 13–26.
8. The Conceptual Framework for Financial Reporting. IFRS Foundation and the IASB. Available at: <http://www.iasplus.com/en/standards/other/framework/>

Поступила в редакцию 24.12.2014

ЕГОР АЛЕКСАНДРОВИЧ МИХЕЛЬ

кандидат экономических наук, научный сотрудник отдела
институционального развития регионов, Институт эконо-
мики Карельского научного центра РАН (Петрозаводск,
Российская Федерация)
e-mikhel@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТАЙМИНГА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА РЕСПУБЛИКА КАРЕЛИЯ

Одной из актуальных российских проблем в сфере демографии является постарение населения, что отражается на воспроизводстве и реализации трудового потенциала территорий различного уровня. Целью исследования является разработка институциональных инноваций для повышения эффективности занятости населения Республики Карелия старше трудоспособного возраста в условиях постарения населения и сокращения численности трудоспособного населения. На основе использования социологических методов сбора информации и математических методов обработки данных выявлены основные демографические и социально-экономические факторы трансформации тайминга экономической активности населения старше трудоспособного возраста. Обосновано, что в условиях общего постарения населения, снижения доли населения трудоспособного возраста, миграционного оттока наиболее активных групп актуализируются институциональные инновации, позволяющие стимулировать его экономическую активность через создание комплекса институциональных условий для трудовой адаптации и реализации трудового потенциала. Предложены механизмы повышения эффективности институциональной среды для воспроизводства и реализации трудового потенциала населения третьего возраста.

Ключевые слова: экономически активное население, институты, население старше трудоспособного возраста

В течение новейшей истории российской экономики 1990–2000-х годов исследование вопросов занятости населения касалось процессов безработицы, бедности, социальной защиты населения, которые были на тот момент наиболее актуальными. На смену этой тематике в начале нового десятилетия пришли вопросы повышения экономической активности населения и эффективности использования трудового потенциала [4], [8].

На уровне государственной политики в сфере труда и занятости происходит переход «от политики низкой безработицы» к политике «эффективной занятости», «переход на принципиально новый уровень производительности труда», нацеленные на компенсацию снижения доли населения трудоспособного возраста [4]. В то же время отсутствие роста производительности труда рассматривается как риск для сохранения уровня и качества жизни для широких групп населения.

Грядущее снижение численности трудоспособного населения может быть связано с социально-экономическими рисками, в частности с отрицательным воздействием этого процесса на экономический рост.

Процессы старения населения и сокращения численности населения трудоспособных возрастов являются новыми вызовами для федеральной и региональной социально-экономической политики.

В 1990-х и 2000-х годах на фоне снижения общей численности населения России доля насе-

ления в трудоспособном возрасте росла благодаря сформированной ранее благоприятной возрастной структуре населения и увеличилась с 84 млн человек в 1990 году до 90,2 млн в 2005-м [1], [2]. Во второй половине 2000-х годов благоприятный период закончился и с 2009 года начался период снижения численности экономически активного населения (15–72 года) на 0,3–0,7 % в год.

Согласно среднему варианту прогноза Росстата, численность населения РФ в трудоспособном возрасте в ближайшие 10 лет продолжит сокращаться в среднем на 1 % ежегодно. Стабилизация численности этой группы населения произойдет в период 2024–2031 годов. Наибольшее снижение произойдет в численности молодежи (18–29 лет): в ближайшие 10 лет она сократится на треть.

Таким образом, для России складывается ситуация, в которой экономика начинает функционировать в условиях старения населения и сокращения численности трудоспособного населения [5].

Демографические процессы 1990–2000-х годов, отражающиеся на предложении труда, сформировали у работодателей устойчивый стереотип о достаточном наличии молодежи как потенциальном трудовом ресурсе на рынке труда. Но изменение возрастной структуры трудоспособного населения уже приводит к нехватке молодежи на локальных рынках труда. Более того, миграционная убыль молодежи усиливает социально-экономические риски предприятий

и развития территорий, прежде всего сельских и периферийных. В ближайшем будущем работодателям для решения проблемы кадрового обеспечения придется внедрять и использовать образовательные программы по профессиональной подготовке не только для молодежи, но и для остальных групп населения, включая население старше трудоспособного возраста.

Среди населения это стимулирует конкуренцию за рабочие места, а следовательно, увеличивает спрос на получение дополнительного образования, медицинских услуг и формирует потребность в здоровом образе жизни.

МЕТОДИКА

Ситуация в Республике Карелия как одном из северных и приграничных регионов России заслуживает проведения исследования, нацеленного на анализ и оценку последствий влияния демографических и миграционных процессов на рынок труда, а именно на повышение эффективности его функционирования.

Целью данного исследования является разработка институциональных инноваций для повышения эффективности занятости населения Республики Карелия в условиях постарения населения и сокращения численности трудоспособного населения.

Исследование трансформации тайминга экономической активности населения старше трудоспособного возраста проводится на основе междисциплинарного подхода, включающего экономический, компаративный анализ, социологические методы сбора данных и математические методы их обработки.

При проведении социологического опроса была взята за основу анкета, разработанная научными сотрудниками Института экономики Карельского научного центра РАН для комплексных экономико-социологических обследований населения.

В исследовании использовались статистические и эмпирические данные, полученные в ходе социологических опросов домохозяйств Республики Карелия в 2007 и 2012 годах.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Оценка демографических факторов трансформации тайминга экономической активности населения старше трудоспособного возраста основывается на анализе статистических данных о населении.

Изменение возрастной структуры населения в Республике Карелия на фоне соседних регионов по Северо-Западному федеральному округу представлена на рис. 1.

Трансформация возрастной структуры населения в сторону общего постарения населения происходит во всех регионах СЗФО России. Увеличение доли населения старше трудоспособно-

го возраста и снижение доли населения моложе трудоспособного возраста является следствием выхода за пределы трудоспособного возраста многочисленных поколений 1950–1960-х годов и снижения численности поколений, рожденных в 1990-х годах.

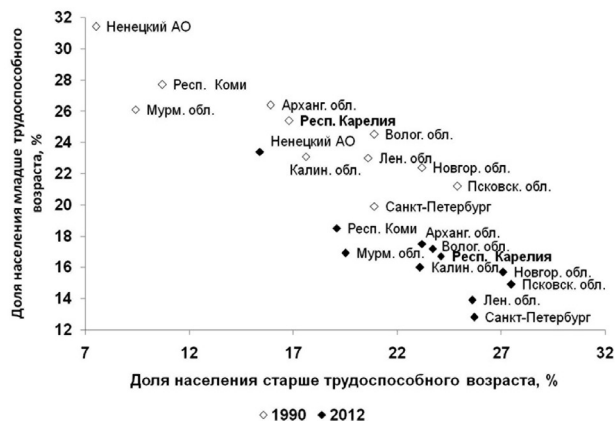

Рис. 1. Население моложе и старше трудоспособного возраста в регионах СЗФО России, % [7; 55]

Вместе с тем существуют положительные тенденции и перспективы в демографическом развитии регионов СЗФО РФ, представленные на рис. 2.

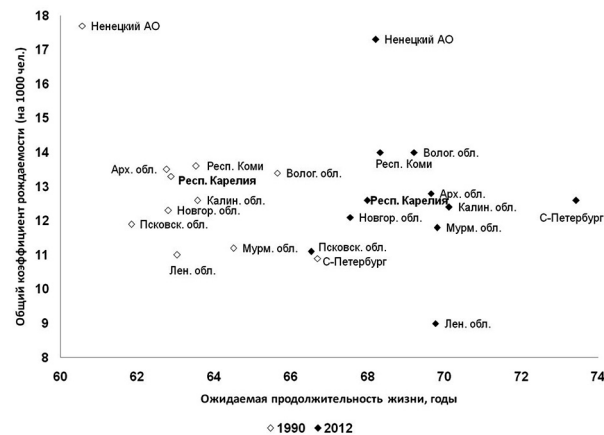

Рис. 2. Динамика ожидаемой продолжительности жизни и общих коэффициентов рождаемости [7; 65; 73]

За исследуемый период наблюдается рост показателей ожидаемой продолжительности жизни населения и общих коэффициентов рождаемости. Рост ожидаемой продолжительности жизни при рождении обусловлен реализацией целого ряда мер социально-экономической политики государства, направленных на повышение качества медицинского обслуживания населения, в первую очередь национального проекта «Здоровье». Повышение рождаемости связано с благоприятной возрастной структурой женщин репродуктивного возраста: вступление в него многочисленных поколений, рожденных в конце 1980-х годов, и созданием дополнительных мер поддержки семей и матерей с детьми

(ФЗ «О Семейном капитале»), что позволило женщинам реализовать отложенные рождения вторых и последующих детей.

Динамика возрастной структуры населения Республики Карелия по показателю трудоспособности представлена на рис. 3.

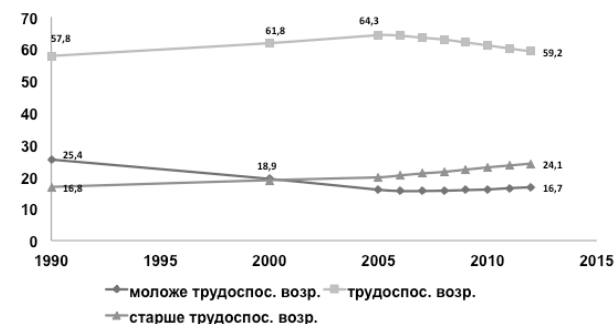

Рис. 3. Население моложе и старше трудоспособного возраста в Республике Карелия, % [7; 59]

За период 1990–2012 годов наблюдается несколько тенденций в возрастной структуре населения Республики Карелия. Во-первых, до 2005 года продолжалось увеличение доли населения трудоспособного возраста, после чего тенденция получила противоположное направление. Во-вторых, с 1990 года продолжается рост доли населения старше трудоспособного возраста. В-третьих, на протяжении 1990-х и первой половины 2000-х годов существовала устойчивая тенденция сокращения доли населения младше трудоспособного возраста.

Таким образом, в Республике Карелия продолжается процесс старения населения. В ближайшем будущем эта тенденция сохранится в силу объективных причин, связанных как с численностью разных поколений, так и с ростом ожидаемой продолжительности жизни населения. Это будет способствовать росту экономической нагрузки на трудоспособное население и негативно скажется на количественных и качественных характеристиках трудового потенциала региона, особенно его сельских и отдаленных территориях.

Процесс миграционной убыли населения, характерный для Республики Карелия, также оказывает влияние на темпы старения населения. Данные о миграционном движении населения в Республике Карелия представлены в таблице.

Анализ данных о миграционном движении населения позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в Республике Карелия продолжается миграционный отток населения, усиливающий естественную убыль населения. Во-вторых, растущий отток населения Республики Карелия в другие российские регионы в 2010–2012 годах лишь на 40–50 % компенсируется притоком населения из стран СНГ. В-третьих, за 2011–2012 годы исчезла устойчивая миграционная убыль населения в страны дальнего зарубежья, характерная

для предыдущих лет, что связано главным образом с исчерпанием потенциала этнической миграции в соседнее государство Финляндию.

Миграционное движение населения Республики Карелия [3; 99], [6; 5]

	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Сальдо миграции	1217	138	407	1191	299	-573	-1031	-1147	-972
Миграционный обмен населением с другими регионами России	554	182	351	226	-431	-1196	-1448	-1903	-2001
Миграционный обмен населением со странами ближнего зарубежья	1090	341	390	1200	990	1001	684	757	1026
Миграционный обмен населением со странами дальнего зарубежья	-427	-385	-334	-235	-260	-378	-267	-1	3

Вместе с тем, учитывая, что в миграционных процессах принимает участие в основном население трудоспособного возраста, необходимо констатировать, что миграционное движение населения в Республике Карелия способствует как снижению общей численности, так и интенсификации процессов старения населения региона.

В условиях снижения численности и старения населения Республики Карелия вопрос увеличения эффективности использования трудового потенциала региона за счет повышения уровня экономической активности населения старше трудоспособного возраста становится все более актуальным.

Компаративное исследование экономической активности населения Республики Карелия старше трудоспособного возраста проводилось на основе данных, полученных в ходе экономико-социологических обследований домохозяйств в 2007 и 2012 годах. Данные о трансформации тайминга экономической активности населения старше трудоспособного возраста представлены на рис. 4.

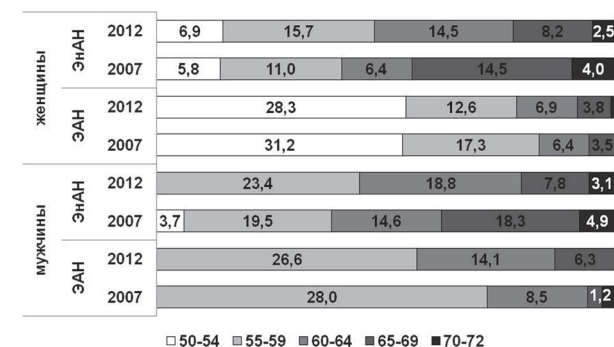

Рис. 4. Трансформация тайминга экономической активности населения РК старше трудоспособного возраста, %

Анализ данных исследования экономической активности населения старше трудоспособного возраста показал, что за последние пять лет изменилась возрастная структура экономически активного населения старше трудоспособного возраста. В среднем на 5 % возросла экономическая активность мужчин в возрастных группах 60–64 и 65–69 лет, тогда как среди женщин произошло снижение уровня экономической активности на 5 % в возрастной группе 55–59 лет и на 9 % в возрастной группе 60–64 года. За указанный период совокупная доля экономически активных мужчин старше трудоспособного возраста увеличилась на 7,9 %, тогда как соответствующая доля женщин снизилась на 6,2 %.

Выявленные гендерные особенности трансформации тайминга экономической активности населения Республики Карелия старше трудоспособного возраста связаны с увеличением продолжительности жизни мужчин, что находит свое отражение на снижении уровня экономической активности женщин.

Таким образом, изменение тайминга экономической активности населения связано как с демографическими факторами (изменением численности возрастных групп населения, увеличением продолжительности жизни), так и с социально-экономическими факторами, влияющими на занятость населения.

Институциональные условия в сфере занятости населения, позволяющие населению северных регионов России оформлять трудовую пенсию на пять лет раньше, чем в других регионах, благоприятно отражаются на продолжении экономической активности населения старше трудоспособного возраста и смягчении социально-экономических рисков, связанных с прекращением экономической активности. От 25 до 32 % населения продолжает работать первые пять лет после выхода за пределы трудоспособного возраста, от 10 до 20 % населения – следующие пять лет, после чего доля занятого населения начинает снижаться более интенсивно.

На наш взгляд, экономически неактивное население на десять лет старше трудоспособного возраста представляет собой неиспользуемый запас трудового потенциала региона, который при внедрении соответствующих институциональных инноваций может быть реализован как для социально-экономического развития территорий, так и для повышения качества жизни самого населения. Совокупная доля такого населения составляет 32 % и обладает потенциалом количественного роста в силу наличия многочисленных поколений соответствующего возраста.

Внедрение институциональных инноваций в сфере занятости населения старше трудоспособного возраста более актуально для акционерных обществ, производственных компаний, малых предприятий, в том числе индивидуальных пред-

принимателей, нежели для бюджетных организаций, характеризующихся традиционно лояльным отношением к такой категории работников.

В качестве таких инноваций необходимо предложить более широкое внедрение практик профилактики и лечения заболеваний, разработки образовательных программ по профессиональной переподготовке и повышению квалификации с непосредственным участием работодателей, формированием целевого пула вакансий с гибким режимом труда для населения старше трудоспособного возраста. Кроме того, необходимо проводить информационную работу с работодателями и населением старших возрастных групп о возможностях эффективной занятости после преодоления порога возраста трудоспособности. Организационными формами таких инноваций могут стать центры трудовой адаптации населения старше трудоспособного возраста и центры профессиональных компетенций как на базе центров занятости населения, так и независимо от них.

Эффективность взаимодействия институтов, влияющих на экономическую активность населения старше трудоспособного возраста, отражается как на качестве жизни, снижении социально-экономических рисков для населения (в том числе самих пенсионеров), так и на социально-экономическом развитии предприятий и территорий.

В качестве критериев оценки внедрения предложенных институциональных инноваций может стать динамика занятости населения старше трудоспособного возраста, средняя продолжительность экономической активности после преодоления возрастного порога трудоспособности, оценка социально-экономического положения населения, структура занятости населения и структура предприятий, трудоустройства этих групп населения, разработка и реализация образовательных программ по профессиональной подготовке и переподготовке населения старших возрастных групп, наличие целевого пула вакансий для населения старше трудоспособного возраста.

ВЫВОДЫ

Негативное влияние естественной убыли населения на численность трудоспособного и экономически активного населения Республики Карелия усиливается за счет отрицательного сальдо миграции населения.

На фоне увеличения продолжительности жизни мужчин наблюдается повышение сроков их экономической активности и соответствующее снижение периода экономической активности женщин в Республике Карелия.

Процессы постарения населения оказывают существенное влияние на повышение экономической нагрузки на трудоспособное население, в то же время существует неиспользуемый тру-

довой потенциал населения старше трудоспособного возраста.

Перспективы повышения экономической активности населения старше трудоспособного

возраста связаны с институциональными инновациями, нацеленными на стимулирование экономической активности и трудовую адаптацию указанных категорий населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васин С. А. Прощание с демографическим дивидендом // Демоскоп, электронная версия бюллетеня «Население и общество». 2008. № 317–318 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0317/index.php>
2. Вишневецкий А. Г. Демографические вызовы нового века // Демоскоп, электронная версия бюллетеня «Население и общество». 2003. № 139–140 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2003/0139/index.php>
3. Демографический ежегодник Республики Карелия: Статистический сборник / Карелиястат. Петрозаводск, 2011. 99 р.
4. Малева Т. М. Российский рынок труда: эффективность занятости или сокращение безработицы? // Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. / Под ред. А. А. Аузана и С. Н. Бобылева. М.: ПРООН в РФ, 2011. С. 143.
5. Миграция и рынок труда / Ю. Ф. Флоринская, Н. В. Мкртчян, Т. М. Малева, М. К. Кириллова; Ин-т социального анализа и прогнозирования. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 108 с.
6. Миграция населения Республики Карелия в 2012 году: Статистический бюллетень / Карелиястат. Петрозаводск, 2013. 92 с.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. / Росстат. М., 2013. 990 с.
8. Широков А. А., Гусев М. С., Янговский А. А., Потапенко В. В. Долгосрочное развитие российской экономики и проблема эффективности использования трудовых ресурсов // Проблемы прогнозирования. 2012. № 1. С. 3–17.

Mikhel' E. A., Institute of Economics, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russian Federation)

TRANSFORMATION OF ECONOMIC ACTIVITY TIMING FOR POPULATION OF NORTHERN BORDER REGIONS OF KARELIAN REPUBLIC

One of the actual problems of contemporary Russian demography is its aging population, which negatively affects the level of potential labor reproduction in different Karelian territories. The aim of the study is to develop institutional innovations aimed at the improvement of employment efficiency among population older than the working age in the Republic of Karelia in conditions of aging population and decline of labor force. Using sociological methods for information gathering and mathematical data processing methods we identified the main demographic and socio-economic factors transforming the timing of economic activity of the population older than the working age. It is proven that in conditions of general aging of the population, reduction of the share of the working-age population, migration of the most active groups some institutional innovation aimed at stimulation of their economic activity are necessary. They could be introduced through a set of complex institutional conditions instrumental in labor force adaptation and effective realization of labor force potential. Some mechanisms targeting improvement of the institutional environment facilitative in reproduction and realization of labor potential of the population of the third age are proposed.

Key words: economically active population, institutions, population older than working age

REFERENCES

1. Vasin S. A. Farewell to the demographic dividend [Proshchanie s demograficheskim dividendom]. *Demoskop, elektronnyaya versiya byulletenya "Naselenie i obshchestvo"* [Population and Society]. 2008. № 317–318. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0317/index.php>
2. Vishnevskiy A. G. Demographic challenges of the new century [Demograficheskie vyzovy novogo veka]. *Demoskop, elektronnyaya versiya byulletenya "Naselenie i obshchestvo"* [Population and Society]. 2003. № 139–140. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2003/0139/index.php>
3. *Demograficheskiy ezhegodnik Respubliki Kareliya: Statisticheskiy sbornik* [Demographic Yearbook of the Republic of Karelia, Statistical Yearbook] / Kareliyastat. Petrozavodsk, 2011. 99 p.
4. Maleva T. M. Russian labor market: effectiveness of employment or reduction in unemployment? [Rossiyskiy rynek truda: effektivnost' zanyatosti ili sokrashchenie bezrabotitsy?]. *Doklad o razvitii chelovecheskogo potentsiala v Rossiyskoy Federatsii za 2011 g.* [Report on Human Development in the Russian Federation in 2011] / Ed. A. A. Auzan and S. N. Bobylev. Moscow, PROON v RF Publ., 2011. P. 143.
5. *Migratsiya i rynek truda* [Migration and labor market] / Yu. F. Florinskaya, N. V. Mkrтчян, T. M. Maleva, M. K. Kirillova; In-t sotsial'nogo analiza i prognozirovaniya. Moscow, Izdatel'skiy dom "Delo" RANKHiGS Publ., 2015. 108 p.
6. *Migratsiya naseleniya Respubliki Kareliya v 2012 godu: Statisticheskiy byulleten'* [Migration of the Republic of Karelia in 2012: Statistical Bulletin] / Kareliyastat. Petrozavodsk, 2013. 92 p.
7. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2013* [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2013] / Rosstat. Moscow, 2013. 990 p.
8. Shirov A. A., Gusev M. S., Yantovskiy A. A., Potapenko V. V. Long-term development of the Russian economy and the problem of efficient use of labor resources [Dolgosrochnoe razvitie rossiyskoy ekonomiki i problema effektivnosti ispol'zovaniya trudovykh resursov]. *Problemy prognozirovaniya* [Problems of Forecasting]. 2012. № 1. P. 3–17.

Поступила в редакцию 30.01.2015

ОКСАНА НИКОЛАЕВНА ПРОХОРОВА

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и менеджмента экономического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
oksana_prokhorov@mail.ru

ВИКТОР ЮРЬЕВИЧ ПЧЕЛИН

магистр кафедры экономики и финансов экономического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
victorin@sampo.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕОРИИ ИГР В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Основная идея данной статьи состоит в том, что на фоне неустойчивого роста национальной экономики и возрастающей нагрузки на российскую судебную систему все более возрастает роль применения механизмов примирительных процедур при разрешении экономических споров. Одним из таких механизмов выступают математические модели на основе теории игр. В первой части статьи представлены теоретические выводы, сделанные авторами на основании изучения в рамках новой институциональной экономики основных подходов к содержанию и количественной оценке трансакционных издержек в условиях рынка. Вторая часть статьи посвящена особенностям современного развития традиционных (арбитражная система) и альтернативных институтов (переговоры, медиация, третейский суд) разрешения экономических споров в институциональной экономике России. В третьей части приведен математический аппарат и конкретный пример (определение величины арендной платы за участок земли в Республике Карелия) использования теории игр при дележе ресурса, основанные на сравнении судебных издержек с издержками ведения переговоров. Результатом применения математических моделей на основе теории игр является теоретический (прогнозный) результат оптимального разрешения спорной ситуации с минимальными издержками для спорящих сторон.

Ключевые слова: институты разрешения экономических споров, количественная оценка трансакционных издержек, арбитражная система РФ, альтернативное разрешение споров

Вопросы снижения трансакционных издержек как издержек взаимодействия экономических субъектов актуальны практически для любой экономики страны. В настоящей статье авторы акцентируют внимание на снижении издержек защиты прав собственности, обусловленных оппортунистическим поведением экономических субъектов. Решением данной проблемы может явиться развитие институтов по распределению таких издержек, где одним из инструментов для разрешения экономических споров выступает применение различных математических моделей на основе теории игр.

Интерес авторов к выбранной теме объясняется ее новизной, теоретической и практической значимостью в регулировании рыночной экономики на макро- и микроуровнях. Эта тема слабо проработана в экономической литературе и затрагивает актуальный вопрос роста эффективности российской экономики за счет снижения трансакционных издержек. Цель представленной работы – с учетом достижений новой институциональной экономики продемонстрировать возможности теории игр в повышении эффективности институтов разрешения экономических споров в Российской Федерации (РФ).

Во-первых, начнем с теоретических находок авторов при изучении различных подходов к определению понятия трансакционных издержек и методов их количественной оценки:

1) Содержание понятия «трансакционные издержки» в экономической системе подобно феномену трения в мире физических объектов. Несовпадение экономических интересов и фактор неопределенности (фрагментарности информации и ограниченных возможностей ее обработки) являются препятствием для взаимовыгодного обмена между экономическими агентами и, как результат, приводят к снижению общественного благосостояния.

Снизить эти «трения» (трансакционные издержки) помогает качество рыночных институтов в экономике. К базовым рыночным институтам относят институт защиты прав собственности, институт защиты прав кредиторов и институт защиты конкуренции. В данной статье авторы фокусируются на институте защиты прав собственности. Современные исследования показывают, что страны с высоким качеством институтов оказываются в более выгодном положении, чем страны с более высоким качеством макроэкономической политики

и большим запасом человеческого капитала, но низким качеством институтов [4; 104].

2) Полезно различать понятия «транзакция» и «обмен благами». Ключевое отличие состоит в том, что чистый обмен осуществляется мгновенно, а транзакция не имеет пространственно-временной составляющей. Любое ограниченное благо обладает комплексом характеристик, которые возможно разделить на физические и правовые характеристики. Из этого следует, что в случае с транзакцией ценность блага основана не только на его физических характеристиках, но и ценности, связанной с набором отчуждаемых и присваиваемых прав.

Таким образом, транзакционные издержки – это ценность ресурсов (денег, времени, труда и т. п.), затрачиваемых на планирование, адаптацию и обеспечение контроля выполнения взятых индивидами обязательств в процессе отчуждения и присвоения прав собственности и свобод, принятых в обществе [1; 46].

3) Транзакционные издержки являются, по сути, налогом или платой за оказываемые государством транзакционные услуги по спецификации и защите прав собственности. В этом смысле «правовые» характеристики транзакционных издержек отражают их институциональную природу.

Учитывая, что в новой институциональной теории институты рассматриваются через призму экономии общества на транзакционных издержках, авторы формулируют следующую гипотезу: 1) рост уровня транзакционных издержек необязательно вызывает увеличение неэффективности экономической системы и 2) важна структура распределения этих издержек между участниками транзакции.

Обоснование гипотезы связано с двумя аспектами: 1) предпочтением относительных показателей перед абсолютными показателями с точки зрения их сравнимости и оценки экономической ситуации в динамике и 2) в транзакционных издержках выделяют производительные издержки (издержки на спецификацию и защиту прав собственности) и непроизводительные издержки, приводящие к «потерям в благосостоянии общества».

Соответственно, эффективность экономической системы обеспечивается снижением доли непроизводительных издержек и распределением бремени этих издержек между продавцом и покупателем. Примером непроизводительных издержек служат издержки получения доступа к ресурсам и правам собственности на них, получения права на осуществление хозяйственной деятельности, поддержания деловых отношений и применения санкций.

4) На основе изучения научных трудов в части количественной оценки транзакционных издержек авторы выделяют, как наиболее при-

кладной, метод измерения стоимости транзакций в российской экономике, разработанный В. Е. Кокоревым [3; 63] и основанный на сочетании макро- и микроэкономических факторов.

В соответствии с данным подходом на макроуровне транзакционные издержки определяются динамикой товарооборота в национальной экономике, на микроуровне – долей накладных расходов фирм по отношению к остальным статьям себестоимости. С позиций системного подхода данный количественный метод авторы считают целесообразным дополнить косвенным методом оценки: путем социологических опросов, применения экспертных оценок и использования данных Федеральной службы налоговой полиции.

5) Разнообразие транзакционных издержек (классификация Норта – Эггертссона, классификация Милгрона – Робертса, классификация Менара, типология Уильямсона, классификация Р. И. Капелюшникова и др.) обуславливает и многообразие средств, позволяющих снизить эти издержки. В рамках данной работы нас интересуют методы снижения транзакционных издержек в связи с разрешением экономических споров, которые цивилизованно решаются либо рассмотрением дела в арбитражном суде, либо путем ведения разных форм переговоров. Поэтому далее перейдем ко второму вопросу и рассмотрим существующие в РФ формальные и неформальные институты разрешения экономических споров, уделив основное внимание активно развивающимся институтам медиации и переговоров. Основным методом разрешения экономических споров в нашей стране на данный момент является обращение с иском в Арбитражный суд РФ. Финансирование российской системы арбитражных судов осуществляется за счет средств федерального бюджета. Поскольку нагрузка на арбитражную систему РФ за последние годы постоянно растет, то существует проблема перегруженности отечественных арбитражных судов, что подтверждают статистические данные официального сайта Высшего Арбитражного суда РФ www.arbitr.ru, представленные в табл. 1 и 2.

Так, за период 2009–2013 годов среднегодовое количество поступивших в арбитражные суды РФ заявлений составило 1,4 млн. Средняя нагрузка на одного члена суда по рассмотрению дел и заявлений в месяц составляла 54 дела, что подтверждает крайнюю загруженность судей. Также возрастает и общая сумма госпошлины, уплаченная в федеральный бюджет: за период с 2009 по 2013 год ее рост составил 149 %. Необходимо отметить и резкий рост посещаемости официальных электронных ресурсов арбитражных судов всех инстанций, включая и Верховный суд (см. табл. 2).

Таблица 1
Статистика работы арбитражных судов
РФ в 2009–2013 годах

Показатели работы арбитражных судов	2009	2010	2011	2012	2013
1) Поступило заявлений, шт.	1563315	1208737	1249069	1456128	1371279
2) Среднемесячная нагрузка рассматриваемых дел и заявлений на одного члена суда	56	52	47	57	58
3) Сумма госпошлины, перечисленная в федеральный бюджет по делам и заявлениям, рассмотренным арбитражными судами, млн руб.	6384	7150	7140	8374	9534

Таблица 2
Статистика посещаемости сайтов российских арбитражных судов в 2010–2012 годах

Наименование арбитражного суда	Количество посетителей			Прирост 2012 к 2010 году, %
	2010	2011	2012	
Высший Арбитражный суд РФ	1491070	2095542	2821649	189,24
Остальные суды	10817907	14134809	19189004	177,38
Всего	12308977	16230351	22010653	178,82

За период с 2010 по 2012 год прирост посещаемости сайтов российских арбитражных судов составил 78,8 %. Это также служит подтверждением того, что на данный момент существует большой спрос на услуги коммерческого арбитража, а также подтверждением стремления бизнеса получить больше информации о его работе.

Вместе с тем приведенные статистические данные позволяют предположить, что разрешение споров между субъектами предпринимательской деятельности в арбитражных судах не всегда позволяет сторонам разрешить спор оперативно и эффективно. Учитывая многоступенчатость решения дел в арбитражных судах РФ, достаточную дороговизну юридических услуг по сопровождению споров, все большее значение приобретает регламентированная неюрисдикционная (внесудебная) форма защиты прав, а именно – альтернативные способы разрешения экономических споров.

Альтернативные способы регулирования экономических споров включают такие формы, как: 1) переговоры (прямой контакт спорящих сторон), 2) медиация (с участием независимого лица – медиатора, как правило, юриста или психолога) и 3) третейский суд (негосударственный судебный орган).

В России альтернативное разрешение споров пока не отличается разнообразием методов и способов. Самой известной и применяемой формой на сегодняшний день является третей-

ское разбирательство, которое активно применяется при разрешении гражданско-правовых споров, возникающих в сфере предпринимательской деятельности.

К сожалению, количество дел, завершаемых примирением сторон, пока очень незначительно (в среднем в российских арбитражных судах 4–6 % от количества разрешенных дел). В то же время развитие института примирительных процедур на сегодняшний день является необходимым и обоснованным. Для участников конфликта – это взаимовыгодное разрешение спора на основе компромисса, что способствует дальнейшему сотрудничеству, развитию деловых связей. Для арбитражного судопроизводства – уменьшение загруженности судей, сокращение сроков рассмотрения дела и, как следствие, совершенствование всей судебной-арбитражной системы.

В настоящее время математические модели на основе теории игр применяются все к большему кругу экономических задач, поэтому авторы задались вопросом, насколько современные инструменты теории игр могут повысить эффективность действий экономических субъектов при разрешении споров.

Теория игр – это теория математических моделей принятия решений в условиях неопределенности, когда принимающий решение субъект («игрок») располагает информацией лишь о множестве возможных ситуаций, в одной из которых он в действительности находится, о множестве решений («стратегий»), которые он может принять, и о количественной мере того «выигрыша», который он мог бы получить, выбрав в данной ситуации данную стратегию [2; 208]. Математическое описание игры сводится к перечислению всех действующих в ней игроков, указанию для каждого игрока всех его стратегий, а также численного выигрыша, который он получит после того, как игроки выберут свои стратегии. В результате игра становится формальным объектом, который поддается математическому анализу.

Применение теоретико-игровых методов к изучению экономических явлений имеет и свои ограничения. В первую очередь, в настоящее время в России при решении экономических споров зачастую определяющими факторами влияния оказываются коррупционные явления. Во вторую очередь, математические методы должны применяться в ситуациях, когда есть возможность определить ключевые параметры, необходимые для рассмотрения задачи. Это могут быть значения ключевых вероятностей событий, суммы прибыли или выигрыша в каждом конкретном положении, а также должна быть возможность выделить ключевые факторы, отбросив второстепенные. Так как игра в общем виде определяется как совокупность трех множеств: множества игроков, множества их

стратегий и множества выигрышей для каждого игрока и стратегии, то необходимым условием использования методов теории игр является возможность определить эти множества в момент постановки задачи.

Рассмотрим упрощенную ситуацию, в которой двум сторонам предстоит разделить определенный ресурс путем переговоров между собой. Величина ресурса принимается за единицу. Стороны по очереди предлагают друг другу способ дележа ресурса. Данный процесс заканчивается, как только одна сторона принимает предложение другой. При этом предположим, что со временем происходит дисконтирование выигрыша, на первом шаге размер ресурса равен единице, на втором шаге он составит $1 \cdot \delta < 1$, на третьем шаге всего $1 \cdot \delta^2$ и т. д. На шаге t размер ресурса составляет $1 \cdot \delta^t$. Таким образом, величина издержек переговоров будет составлять $1 - \delta$ на каждом шаге. Если для сторон издержки переговоров неодинаковы, тогда соответствующие коэффициенты можно обозначить $\delta_1 < 1$ и $\delta_2 < 1$. Для определенности будем считать, что на первом шаге и последующих нечетных предложение делает первая сторона. А на четных – вторая. Дележ можно представить в виде (x_1, x_2) , где x_1 – доля, которую получает первая сторона, а x_2 – доля, которую получает вторая сторона в результате переговоров.

В такой постановке задача имеет следующее решение:

Утверждение 1. В игре последовательных переговоров двух лиц существует единственное абсолютное равновесие вида [9; 97]:

$$\left(\frac{1 - \delta_2}{1 - \delta_1 \delta_2}, \frac{\delta_2 (1 - \delta_1)}{1 - \delta_1 \delta_2} \right). \quad (1)$$

Данная модель может применяться в случаях, когда издержки ведения переговоров для сторон существенно различаются. Это, например, может быть вызвано сутью иска или величинами самих компаний, которые по причине эффекта масштаба могут уменьшить свои издержки ведения переговоров в расчете на один спор.

В более простом случае, когда коэффициенты дисконтирования для обеих сторон равны $\delta < 1$, тогда указанное выше равновесие может быть представлено в виде:

Утверждение 2. В последовательной игре переговоров двух лиц существует абсолютное равновесие вида [9; 105]:

$$\left(\frac{1}{1 + \delta}, \frac{\delta}{1 + \delta} \right). \quad (2)$$

Хотя в реальности ситуации намного сложнее, так как на результат переговоров оказывают влияние и многие неучтенные факторы, такие как репутация сторон, обоснованность претензий, асимметрия информации при ведении

переговоров и многие другие, полученные соотношения могут использоваться на практике как упрощенная модель для прогнозирования результатов переговоров в экономических спорах.

В повседневной практике представленная выше модель может применяться для описания экономических споров, разрешаемых в форме переговоров, а также с применением процедуры медиации. Ее применение в настоящее время активно развивается и, по мнению экспертов, является наиболее перспективным направлением среди альтернативных способов разрешения споров.

Рассмотрим более сложную модель проведения переговоров для разрешения конфликта при разделе единичного ресурса – с привлечением арбитра. Особенность арбитража в том, что это расширенная процедура урегулирования споров, при которой стороны обязуются выполнить решение третьего лица. По аналогии с вышеописанной моделью есть две стороны спора, которые путем переговоров с коэффициентом дисконтирования $\delta < 1$ пытаются разделить единичный ресурс. Каждая сторона по очереди делает уступку другой стороне, то есть предлагает взять какую-то часть разделяемого ресурса. Переговоры продолжаются до тех пор, пока стороны последовательно не разделят имеющийся ресурс. В каждый момент времени состояние переговоров можно описать выражением: (x_1, x_2, X) , где X – оставшаяся неразделенная часть ресурса, а x_1 и x_2 – текущие доли уже разделенного ресурса, имеющегося у сторон. Также имеется существенное отличие – теперь каждая из сторон в любой момент может обратиться к арбитражному судье, который произведет дележ оставшейся части ресурса между сторонами по своему усмотрению. Существуют разные способы, которыми судья может произвести дележ, мы рассмотрим случай, когда неразделенный остаток на момент обращения к арбитру делится пополам между сторонами спора. Далее также будет рассмотрен случай, когда судья присуждает ресурс одной стороне полностью с некоторой вероятностью. Обращение к арбитру влечет за собой судебные издержки $1 - \alpha$ с коэффициентом $0 < \alpha < 1$. В такой ситуации в зависимости от величин коэффициентов и $\delta < 1$, и $\alpha < 1$ получается картина, представленная на рисунке [8; 279]. В результате вся область разбивается на три части: L, M и H:

– В области L на первом же ходу оптимальным решением будет обратиться к арбитру, так как судебные издержки относительно низки по сравнению с издержками ведения переговоров. В таком случае распределение ресурса между сторонами составит

$$\left(\frac{\alpha}{2}, \frac{\alpha}{2} \right) \quad (3)$$

в момент времени $t = 0$.

– В области М абсолютным равновесием будет дележ ресурса между сторонами в результате переговоров в соотношении

$$\left(\frac{2(1-\alpha)}{2-\alpha}, \frac{\alpha}{2-\alpha}\right) \quad (4)$$

в момент времени $t = 1$.

– В области Н оптимальным решением будет разрешить спор путем переговоров, так как судебные издержки относительно высоки по сравнению с издержками ведения переговоров. Дележ ресурса между сторонами произойдет в момент времени $t = 1$ в соотношении:

$$\left(\frac{1}{1+\delta}, \frac{\delta}{1+\delta}\right). \quad (5)$$

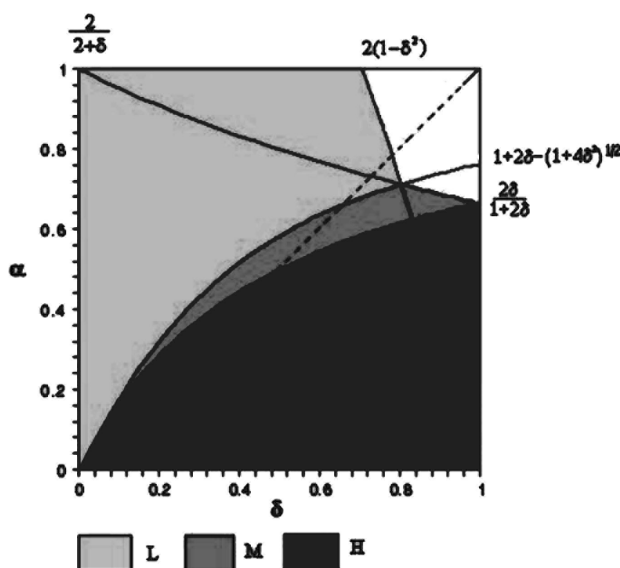

Схема демонстрации оптимальных действий сторон спора.
L – обратиться к судье, M и N – провести переговоры

– Область, закрашенная белым цветом, соответствует ситуации, при которой оба вида издержек слишком низки и поставленная задача в ней не рассматривается.

Таким образом, получив оценки параметров $\delta < 1$ и $\alpha < 1$, можно практически сразу получить теоретический результат оптимального разрешения спорной ситуации с минимальными издержками. На практике на результат влияют еще некоторые неучтенные факторы, такие как репутация участников спора, асимметрия информации между ними и некоторые другие. Но учет этих факторов сильно усложняет рассмотренную модель и малопригоден к практическому применению.

В ходе проводимого исследования В. Пчелиным были разработаны математические модели дележа ресурса посредством «мягких переговоров» с арбитром для механизмов медиации и третейского суда. Подробное описание математического аппарата и доказательств данных мо-

делей является темой отдельной статьи в будущем.

И наконец, перейдем к третьему вопросу данной статьи, в котором продемонстрируем применение вышеописанных моделей на конкретном примере. Возьмем реальный пример спора из практики предпринимательской деятельности на территории Республики Карелия, связанный с определением величины арендной платы за участок земли. 23 мая 2013 года Законодательным Собранием РК был принят закон № 1712-ЗРК «О некоторых вопросах регулирования земельных отношений в Республике Карелия». Арендная плата за участок земли в нем определяется как выраженный в рублях процент кадастровой стоимости и устанавливается в зависимости от цели его использования. Размер арендной платы за использование земельных участков в расчете на год определяется уполномоченными органами. ИП В. Е. Маркелов планировал заключить договор аренды участка земли площадью 1,7 га (ул. Ригачина) для постройки тренажерного зала с Администрацией Петрозаводского городского округа. Процентная ставка для такого способа использования арендуемых земель предусмотрена в размере от 5 до 30 процентов от кадастровой стоимости земли, которая для этого участка, по данным Официального Арбитражного суда РК (karelia.arbitr.ru), составляет 22,7 млн рублей. Естественно, у предпринимателя В. Е. Маркелова возник спорный вопрос по обоснованию справедливости такой высокой цены.

В рамках описанных теоретико-игровых моделей нам потребуется следующая информация о коммерческом споре, который мы пытаемся разрешить:

N – общая сумма спора, подлежащая дележу, руб.;

α – судебные издержки, суммарные затраты на проведение процедуры арбитража, руб.;

δ – издержки ведения переговоров, затраты сторон конфликта, связанные с процедурой переговоров, а также упущенная выгода от использования денежных средств, представляющих сумму спора;

P – вероятность первой стороны выиграть дело в арбитражном суде;

$1 - p$ – вероятность второй стороны выиграть дело в арбитражном суде.

Таким образом, минимальный уровень арендной платы по ставке в 5 процентов может составить с учетом налога на добавленную стоимость 1 339 330 руб. По расчетам авторов, максимальная арендная плата по ставке в 30 процентов составит с учетом налога на добавленную стоимость 8 035 800 руб. Сумма арендной платы, которую можно обсуждать на переговорах, составляет: $N = 8\,035\,800 - 1\,339\,330 = 6\,696\,500$ руб. Так как договор еще не заключен, то в качестве средства разрешения конфликта целесообразно

использовать переговоры, а также стороны могут обратиться к процедуре медиации как к более продуктивной. Еще один важный момент в этой модели – определить очередность ходов, то есть кто первый вносит предложение о разделе суммы спора. Так как участок земли хочет арендовать ИП В. Е. Маркелов, то и первое предложение, логично предположить, должно исходить от него. Из рассмотренных нами моделей наиболее подходящей для этой ситуации является модель последовательных переговоров с единым коэффициентом дисконтирования δ , описываемая формулой (2):

$$\left(\frac{1}{1+\delta}; \frac{\delta}{1+\delta}\right).$$

Коэффициент δ является показателем суммарных издержек ведения переговоров, а также издержек упущенной выгоды владения суммой дележа. Его можно вычислить на основе формул NPV и начисления простых процентов:

$$\delta = \frac{1}{1 + \frac{i \cdot m}{D} + r}, \quad (6)$$

где i – стоимость альтернативного вложения средств на данный период (1 год), например: ставка банковского процента по депозитам, ставка рефинансирования, средняя доходность уже имеющегося бизнеса;

m – длительность одного раунда переговоров в днях;

D – количество дней в году, принимается за 365;

r – издержки ведения одного раунда переговоров, выраженные в процентах от суммы спора.

Стоимость ведения переговоров (медиации) вычисляется по формуле:

$$r = \frac{M}{N}, \quad (7)$$

где N – общая сумма спора, подлежащая дележу, руб.;

M – стоимость медиации, руб.

Для Петрозаводского городского округа в качестве ставки дисконтирования будет взята ставка рефинансирования. За неимением данных о средней доходности бизнеса ИП В. Е. Маркелов в качестве ставки i также будет использоваться ставка рефинансирования. Согласно данным официального сайта Центрального банка РФ (www.cbr.ru), в период рассмотрения спора она составляла 8,25 процента годовых. Длительность одного раунда переговоров можно принять 1 месяц, то есть 30 суток. Стоимость медиации можно определить как сумму организационного сбора, равную 2000 руб., а также почасовую оплату работы медиатора, равную, по сведениям Официального сайта Ресурсного центра медиации (mediators.ru), 2000 руб./час. Количество часов, необходимых для мероприятий по разрешению спора в каждом раунде переговоров, примем за 8 часов (1 рабочий день).

Тогда, по расчетам авторов, $S = 8 \cdot 2000 + 2000 = 18000$ руб. Получаем издержки ведения одного раунда переговоров в процентах к сумме спора:

$$r = \frac{M}{N} = \frac{18000}{6696500} = 0,0027. \quad (8)$$

В результате коэффициент

$$\delta = \frac{1}{1 + \frac{i \cdot m}{D} + r} = \frac{1}{1 + \frac{0,0825 \cdot 30}{365} + 0,0027} \approx 0,99. \quad (9)$$

В итоге, подставляя полученное значение δ в теоретическую формулу, авторы оценили распределение суммы спора между ИП В. Е. Маркелов и Петрозаводским городским округом:

$$\frac{1}{1+\delta}; \frac{\delta}{1+\delta} = \frac{1}{1+0,99}; \frac{0,99}{1+0,99} \approx (0,502; 0,497). \quad (10)$$

Равновесная арендная плата, по расчетам авторов, составит:

$$(1 - 0,502) \cdot 6696500 + 1339330 = 4671773 \text{ руб.}$$

в год с учетом НДС.

В данном конкретном примере не учитывается то обстоятельство, что сумма арендной платы влияет на рентабельность будущего бизнеса на этом участке земли. Но этот фактор должен учитываться самим предпринимателем. И при должном взаимопонимании и документальном обосновании он может быть отражен при рассмотрении начальных условий задачи, в частности, за величину максимальной ставки процента по арендной плате вместо 30 процентов может быть принята ставка процента, обеспечивающая окупаемость проекта. Например, такой величиной может стать показатель IRR. Также со стороны администрации необходимо учитывать другие возможности сдачи в аренду данного участка земли. Возможно проведение аукциона, в результате которого с победителем будет заключен контракт на аренду с учетом полученных выше результатов.

Итак, проведенное авторами исследование состояния российской арбитражной судебной системы и альтернативных институтов разрешения коммерческих споров позволяет сделать следующие выводы:

1. На современном этапе развитие институтов разрешения экономических споров в России находится в промежуточном состоянии, необходимы дальнейшие действия по реформированию судебной системы в области арбитражного законодательства и поэтапное развитие альтернативных институтов.

2. Разработаны математические модели на основе теории игр, которые хотя и являются в известной степени теоретическими, но одновременно позволяют с некоторой точностью прогнозировать результаты разрешения экономических споров и связанные с ними издержки. Это

в совокупности с активным развитием в последнее время альтернативных способов разрешения экономических споров может значительно сократить издержки по контролю за обеспечением контрактов и спецификации и защитой прав собственности.

3. Рассмотренный региональный пример из современной практики разрешения экономических споров продемонстрировал особенности практического применения описанных методов и теоретических моделей. Были выявлены и сложности, связанные в первую очередь с оценкой необходимых параметров моделей. Например, на практике бывает трудно оценить издержки ведения переговоров, так как они зависят от большого количества разного рода факторов,

некоторые из них не поддаются количественной оценке, или это требует слишком больших усилий.

В заключение необходимо отметить, что оптимальной мерой преодоления многих существующих проблем является выработка комплексного подхода для снижения уровня конфликтности в обществе, главной составляющей которого может стать дальнейшее развитие системы альтернативного решения споров.

Применение на практике полученных авторами результатов может найти отражение как в коммерческой деятельности экономических субъектов, так и в подготовке нормативных актов по развитию сферы альтернативного разрешения споров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аузан А. А. Институциональная экономика. М.: Инфра-М, 2005. 415 с.
2. Воробьев Н. Н. Философская энциклопедия. М., 1970. Т. 5. 210 с.
3. Кокорев В. Е. Институциональные преобразования в современной России: анализ динамики транзакционных издержек // Вопросы экономики. 1996. № 12. С. 63–66.
4. Левкин Н. В., Терещенко Д. С. Институциональные аспекты формирования благоприятного инвестиционного климата в странах с экономикой транзитивного типа. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. 124 с.
5. Мазалов В. В. Переговоры. Математическая теория. СПб.: Лань, 2012. 303 с.
6. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
7. Олейник А. Н. Институциональная экономика. М.: Инфра-М, 2000. 416 с.
8. Maria De Las Mercedes Adamuz. Arbitration systems and negotiations // Review of Economic Design. 2009. Vol. 13. №. 3. P. 279–303.
9. Rubinstein A. Perfect equilibrium in a bargaining model // Econometrica. 1982. Vol. 50. №. 1. P. 97–109.

Prokhorova O. N., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
Pchelin V. Yu., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

SOME ASPECTS OF GAME THEORY APPLICATION IN INSTITUTIONAL ECONOMICS

In conditions of unstable national economy and constantly increasing pressure on the Russian judicial system the role of conciliation mechanisms and their employment for the resolution of commercial disputes becomes crucial. One of such mechanisms is a mathematical model based on the game theory. The first part of the article presents some theoretical conclusions drawn by the authors on the basis of the research conducted within the frames of the new institutional economics incorporating major approaches to content and quantification of transaction costs on the market. The second part of the article is devoted to contemporary peculiarities of traditional (arbitration system) and alternative institutions' (negotiation, mediation, arbitration court) development aimed at resolution of economic disputes in institutional economics of Russia. The third part is represented by a mathematical tool and a specific example (determination of the rent for the land in the Republic of Karelia) of the game theory employment when dividing resources. The example includes comparisons of litigation costs with the costs of negotiation. The use of the mathematical model based on the game theory resulted in the theoretical prognosis of the optimal solution for a disputable situation. The obtained prognosis also provided data on the minimal costs for parties involved in the dispute.

Key words: institutions Economic Disputes, quantitative assessment of transaction costs, the arbitration system of the Russian Federation, alternative dispute resolution

REFERENCES

1. Auzan A. A. *Institutsional'naya ekonomika* [Institutional Economics]. M.: Infra-M, 2005. 415 p.
2. Vorob'ev N. N. *Filosofskaya entziklopedia* [Philosophical Encyclopedia]. M., 1970. T. 5. 210 p.
3. Kokorev V. E. Institutional reforms in modern Russia: analysis of the dynamics of transaction costs [Institutsional'nye preobrazovaniya v sovremennoy Rossii: analiz dinamiki transaktsionnykh izderzhok]. *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics]. 1996. № 12. P. 63–66.
4. Levkin N. V., Tereshchenko D. S. *Institutsional'nye aspekty formirovaniya blagopriyatnogo investitsionnogo klimata v stranakh s ekonomikoi tranzitivnogo tipa* [Institutional aspects of creating favorable investment climate in economies of transitive type]. Petrozavodsk, 2014. 124 p.
5. Mazalov V. V. *Peregovory. Matematicheskaya teoriya* [Negotiations. The mathematical theory]. St. Petersburg, Lan' Publ., 2012. 303 p.
6. Nort D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovaniye ekonomiki* [Institutions, Institutional Change and Economic Performance]. Moscow, Fond Ekonomicheskoy Knigi "Nachala" Publ., 1997. 180 p.
7. Oleynik A. N. *Institutsional'naya ekonomika* [Institutional Economics]. Moscow, Infra-M Publ., 2000. 416 p.
8. Maria De Las Mercedes Adamuz. *Arbitration systems and negotiations* [Review of Economic Design]. 2009. Vol. 13. №. 3. P. 279–303.
9. Rubinstein A. *Perfect equilibrium in a bargaining model* [Econometrica]. 1982. Vol. 50. №. 1. P. 97–109.

Поступила в редакцию 04.02.2015

МИЛОСЛАВА РОСТИСЛАВНА ДУСАЕВА

аспирант кафедры международного и конституционного права юридического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

*jurfac@petrsu.ru***РОСТИСЛАВ НАУФАЛЬДОВИЧ ДУСАЕВ**

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории, истории государства и права юридического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

jurfac@petrsu.ru

ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ И ФУНКЦИЙ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ДЕПАРТАМЕНТА ФИНЛЯНДСКОГО СЕНАТА В 1888 ГОДУ

Рассматриваются проблемы административного строительства в Великом княжестве Финляндском в последней четверти XIX века. Регламент Правительствующего Совета Финляндии 1809 года к тому времени значительно устарел, существовала потребность обновления. Поэтому в царствование Александра III были проведены административные реформы, которые имели результатом частичное изменение структуры и функций Хозяйственного департамента Финляндского Сената. Хотя эти реформы не решили всех проблем административного управления княжеством, но они явились важным этапом постепенного перехода правительственной системы к министерскому управлению Финляндии. Финляндский Сенат стал самостоятельно решать многие вопросы управления княжеством без утверждения их монархом. Увеличилось количество структурных подразделений Сената, возросла их компетенция. Финляндское чиновничество стало зависимым от Сената. Таким образом, укрепилась вертикаль власти в Финляндии.

Ключевые слова: Великое княжество Финляндское, административные органы, реформы

В начале весны 1888 года тогдашний генерал-губернатор Великого княжества Финляндского (ВКФ) граф Ф. Л. Гейден обратился с посланием к Финляндскому сенату с настоятельной просьбой разработать новый проект реформы этого правительственного органа. Идея эта исходила от самого монарха [2; 80], [4; 223–224].

Дело в том, что статус, компетенция и функции правительства Великого княжества определялись несколькими Основными законами, составлявшими Конституцию Финляндии: Формой Правления 1772 года, Актом Соединения и Безопасности 1789 года, Регламентом Правительствующего Совета ВКФ 1809 года, Постановлениями Императора Александра II 1860 и 1869 годов о частичном реформировании Сената и аналогичными постановлениями императора Александра III 1883 и 1887 годов. Причем правовой статус Государственного Совета Шведского королевства (как полностью суверенного и независимого государства), о котором упоминалось в Форме Правления и Акте Соединения и Безопасности, слабо состыковывался с правовым режимом Правительствующего Совета (а затем Сената согласно их Регламенту 1809 года) автономного Великого княжества Финляндского, входившего в состав Российской Империи и не являвшегося ни полностью суверенным, а тем более – независимым государством. С течением времени этот диссонанс в правовом регулирова-

нии разных нормативных актов становился все более очевидным. (Хотя верные правовым традициям финляндцы создали Хозяйственный департамент Сената, состоявший из 5 экспедиций подобно 5 коллегиям Государственного Совета по Форме Правления 1772 года)¹ [8; 274–275].

Поэтому возникла настоятельная необходимость не только отразить последние изменения административно-правовой практики в конституционном законодательстве, но сделать содержание его норм, принятых в разное время, более согласованным. Однако последнее положение представляло собой значительную трудность. Во-первых, из-за приверженности финляндских юристов своим историко-правовым традициям, на которых якобы зиждился автономный статус Княжества. Во-вторых, из-за того, что данное направление юридической деятельности должно было привести к пространной конституционной реформе, к чему еще не был готов Александр III. Поэтому финляндская чиновная элита решила пока ограничиться частичным обновлением Регламента Сената.

Поступившее еще 21 марта 1888 года в Сенат предложение генерал-губернатора Ф. Л. Гейдена предусматривало лишь частичное, поверхностное реформирование Хозяйственного департамента, как об этом прежде попросил его Александр III [7; 252]. Причем Гейден сделал вид, что ему ничего не известно о неофи-

циально представленном еще в 1887 году проекте введения в Финляндии министерского правления Л. С. Мехелина [2; 98], [6; 951–954], хотя основные принципы его проекта также уже обсуждались в Сенате и Сейме. Они не были поддержаны вследствие их необычности для бюрократического общества того времени и предложения о корреляции тех Основных законов Великого княжества, где также упоминалось о высшем правительственном органе, его структуре и принципах его деятельности [3; 100–101]. Генерал-губернатор указал на необходимость создания двух новых экспедиций в Хозяйственном департаменте для того, чтобы разгрузить существовавшие 6 прежних; общее число экспедиций по предложению императора не должно было превышать восьми. Также следовало определить, какие функции будут им переданы от прежних экспедиций, так как Александр III выразил подобное пожелание, а законопроект данной реформы следовало оформить как административный закон, принимавшийся императором единолично без участия Сейма. Причем у начальников экспедиций (как новых, так и старых) и их заместителей в развитие принципа коллегиальности руководства устанавливались равные права, равная (хотя и персональная) ответственность и даже равное жалование. Особо сложные дела начальник экспедиции и его заместитель должны были рассматривать вместе. (Хотя ни у одного из них не было права вето в отношении решения, принятого другими. Следовательно, по таким вопросам было обязательно достижение консенсуса) [5; 451–452].

На пленуме Хозяйственного департамента Сената, состоявшемся 27 марта 1888 года, был доложен и обсужден подготовленный по инициативе начальника Гражданской экспедиции Хозяйственного департамента В. фон Дена проект обновления этого департамента, который оказался близок предложению, сделанному Ф. Гейденом 21 марта [5; 453]. Было принято решение о его доработке, поскольку полного совпадения принципов законопроекта и предложения генерал-губернатора было невозможно добиться априори² [1; 35]. Также на этом пленуме был принят проект постановления передать решение некоторых видов дел от Хозяйственного департамента его структурным подразделениям (экспедициям), чтобы расширить компетенции последних и разгрузить малый пленум самого Хозяйственного департамента, а предложение о создании экспедиции юстиции так и не получило необходимого большинства голосов сенаторов [5; 453].

Чуть более половины сенаторов считали, что поскольку Регламент Сената 1809 года, установивший структуру его Хозяйственного департамента и компетенцию экспедиций, был принят Сеймом и утвержден императором (как Основной закон Княжества), то и любые изменения в него должны были вноситься тем же порядком.

Меньшинство сенаторов, присоединившихся к фенноману В. фон Дену, полагали, что поверхностные мелкие преобразования, не ведущие к принципиальному изменению деятельности Хозяйственного департамента, могли бы быть отнесены к так называемому административному законодательству, принимаемому монархом единолично. Поскольку консенсуса не было достигнуто, то было решено, что «ныне рассматривавшееся дело должно быть перенесено на более поздний срок»³. Тем более что многие сенаторы, знакомые с проектом Л. С. Мехелина (в то время еще либерала), считали, что в Финляндии созрели условия для обширной реформы высших государственных органов и связанного с ними законодательства [3; 102]. Однако для этого нужна была политическая воля и со стороны императора. Но таковой пока не наблюдалось. В. фон Ден пытался, используя административный ресурс, «продать» мнение, что предложенные им изменения, совпадавшие с теми, что содержались в послании генерал-губернатора, относились к так называемому административному законодательству, а потому могли быть приняты Александром III единолично [7; 252–253].

В ходе дискуссий, продолжавшихся в Сенате до середины лета 1888 года, все же победила точка зрения о том, что, поскольку проект, представленный экспедицией фон Дена, в целом ничего не менял в компетенции Хозяйственного департамента Сената (поскольку старые экспедиции передавали вновь образованным лишь часть своих функций, а новых функций у Департамента не появилось), то провести данное частичное обновление Сената можно было бы через административное законодательство. А основные силы и время следовало сосредоточить на подготовке полезной для Финляндии обширной реформы Сената, которая могла бы сопровождаться соответствующим изменением Конституции Великого княжества⁴ [7; 253]. Хотя первоначально вице-председатель Сената руководитель Хозяйственного департамента И. Ф. Пальмэн хотел, чтобы проект обновления Сената был рассмотрен с соответствующими изменениями Основных законов, но потом прагматизм и желание быстрее проведения реформы возобладали, и он выступил за разделение этих вопросов [4; 228].

Получилось, что талантливый юрист либерал Л. С. Мехелин сделал для укрепления государственной автономии гораздо больше, нежели менее талантливые юристы-фенноманы. Поэтому его проект получил поддержку многих фенноманов-сенаторов, хотя для быстрых преобразований Сената сам Л. Мехелин впоследствии отказался от своего проекта. Но пока (в 1888 году) официальное толкование финляндской Конституции вместе с выявлением тех ее мест, которые подлежали обновлению в будущей обширной Конституционной реформе, было решено отодвинуть на второй план, чтобы не

тормозить частичное обновление Сената, предложенное царем.

Доработанный проект Гражданской экспедиции В. фон Дена летом 1888 года успешно прошел через пленарное голосование в Сенате, был доложен монарху министром статс-секретарем по делам Великого княжества Финляндского и утвержден императором в июле того же года в качестве правового акта так называемого административного законодательства, принимавшегося монархом единолично без участия Сейма [7; 253]. Финляндский Сенат опубликовал его 9 августа 1888 года в Сборнике постановлений Великого княжества Финляндского под официальным наименованием «Высочайшее его Императорского Величества Постановление, о некоторых изменениях в порядке занятий в Императорском Финляндском Сенате и об учреждении двух новых экспедиций по Хозяйственному Департаменту оногo»⁵. Данное постановление вступило в силу 1 октября 1888 года⁶. Оно поставило чиновников в большую зависимость от руководителей экспедиций и департаментов. Вновь созданным экспедициям Хозяйственного департамента: Канцелярской, Экспедиции торговли и промышленности – передали часть компетенций существовавших прежде Гражданской и Финансовой экспедиций⁷.

Следует напомнить, что бурное развитие промышленности и торговли в Финляндии вслед за либеральными реформами 60-х годов XIX века Александра II привело к тому, что почти через полтора десятка лет в Императорском Финляндском Сенате появилась новая экспедиция – Торговли и промышленности⁸. По сути дела, эта была третья реформа Сената, вызванная стремительной эволюцией буржуазной экономики в Великом княжестве. Первая – привела к появлению новой Экспедиции земледелия и общественных работ в 1860 году⁹, вторая – к трансформации ее в Сельскохозяйственную экспедицию в 1869 году¹⁰ (поскольку новые отношения стали доминировать в первую очередь в сельском хозяйстве). И наконец, третья реформа Хозяйственного департамента Сената 1888 года была связана со все возрастающей необходимостью государственного контроля за появляющимися новыми отраслями буржуазного хозяйства в Княжестве, за экспортом промышленных товаров, за состоянием фабрик и заводов, горных промыслов, лесопилок, за производством и продажей алкоголя, за своевременным поступлением в казну налогов и сборов с промышленных и торговых предприятий, за созданием и деятельностью акционерных обществ, за страхованием работников промышленных, транспортных и торговых предприятий и тому подобное¹¹.

Усложнение экономической жизни естественно вызвало умножение и усложнение управленческих функций Хозяйственного департамента Сената. Образованная в 1888 году Канцелярская

экспедиция должна была взять на себя канцелярское обслуживание 6 других экспедиций Сената, регистрацию всей входящей и исходящей документации, организацию издания Сборника постановлений Великого княжества Финляндского и официальных (государственных) газет, курирование Государственного архива Княжества и типографии Сената. Кроме этого, ей непосредственно подчинялись почтовые и телефонно-телеграфные учреждения края, его сберкасса, исправительные и тюремные учреждения. Она же должна была контролировать строительство и поддержание в должном порядке дорог, мостов, почтовых станций, публичных (государственных) зданий и тому подобное. Ей было подведомственно назначение пенсий финляндским должностным лицам и чиновникам судебного ведомства. Ей же царь (впервые) доверил разрешение вопросов по приобретению финляндского гражданства и даже международных вопросов, затрагивавших интересы Финляндии¹². Причем Александр III сам нарушил установившуюся со времен Александра I государственно-административную практику, когда международные вопросы решались исключительно властью императора. То есть политика делегирования государственных полномочий монархом Сенату получает в 1888 году дальнейшее развитие. А вместе с ней углубляется и расширяется государственная автономия Финляндии.

Также с 1888 года все рескрипты о назначении финляндских чиновников и судей и об их увольнении докладывались в соответствующем (Хозяйственном или Судебном) департаменте¹³. Это означало, что департаменты Сената стали активно вмешиваться в кадровую политику, проводившуюся в Княжестве, а генерал-губернатор лишь фиксировал их решения (соглашаясь или не соглашаясь с ними), так как готовили эти «Высочайшие рескрипты» эти же департаменты. А император, как конечная инстанция, вносил в них лишь последние штрихи, меняя те или иные фамилии.

Экспедиции Хозяйственного департамента, кроме того, готовили (разрабатывали) законопроекты, формально поступавшие от императора в Сейм¹⁴. Правда, законодательная инициатива Сейма была восстановлена в 1886 году¹⁵, но законопроекты, исходящие от императора, по-прежнему имели большое значение в деятельности сеймовых депутатов.

Таким образом, к Императорскому Финляндскому Сенату, помимо прерогатив императора по административному и экономическому законодательству (в 1883 году), официально перешло право на составление законопроектов для Сейма от монаршего имени. А если учесть, что с 1883 года сенаторы получили право заполнять пробелы в законодательстве, не дожидаясь напоминания (инициативы) императора, а исходя из нужд

правоприменительной практики в Княжестве, то четко прослеживается линия на дальнейшее юридическое оформление конституционной монархии в Финляндии. (Законодательная деятельность в княжестве постепенно становилась чисто финляндской прерогативой. У Императора же оставались чисто контрольные функции, так как без его подписи ни один принятый Сеймом закон не вступил в силу. А Конституционные (Основные) законы Финляндии могли измениться лишь при согласовании воли императора и народных представителей в Сейме.)

Следует отметить, что Высочайшее постановление 1888 года четко определило компетенцию и функции прежних пяти экспедиций, изменив название трех из них в соответствии с требованиями нового времени и исполняемыми ими теперь функциями¹⁶. Также четко была определена подчиненность экспедициям Хозяйственного департамента государственных учреждений, управлений и главных управлений, образованных к тому времени в Великом княжестве Финляндском¹⁷. Подобная специализация управленческой деятельности экспедициями Хозяйственного департамента должна была сделать процесс управления более эффективным, а также в необходимых случаях усилить кооперацию между экспедициями.

Расширение же полномочий Сената в целом произошло не только из-за стремления Александра III показать феннофилам, насколько он им доверял (так как в финляндском правительстве к тому времени большинство ключевых постов занимали уже феннофилы), но и, в какой-то мере, из-за попытки авторов данного законопроекта реализовать некоторые из идей Л. С. Мехелина, изложенные в докладной записке Общему собранию Сената в 1887 году, – о создании в Великом княжестве Финляндском министерской системы управления (в начале 80-х годов XIX века) [7; 248]. Эти идеи касались, в частности, углубления отраслевой специализации управления, увеличения персональной ответственности чиновников за порученное им дело, дальнейшего развития принципа коллегиальности системы управления, тесной координации деятельности различных ветвей государственного управления, строго иерархической подчиненности структур государственного управления [7; 250–251] (как вовне – подчиненности губернских правлений и губернаторов Сенату, так и внутри оно: подчиненности государственных учреждений общесенатского значения Хозяйственному департаменту Сената, а управлений и главных управлений – экспедициям (по Мелехину – министерствам) Сената).

Например, Гражданской экспедиции Хозяйственного департамента были непосредственно подчинены все губернские правления (их в ту пору было восемь) и губернские власти, городские магистраты и полицейские управы¹⁸; Финансовой экспедиции – Финляндский банк, Фин-

ляндская статс-контора, Контора заготовления гербовой бумаги и Монетный двор¹⁹; Камерной экспедиции – Общий ревизионный суд и Ревизионная контора, Комиссия выверки мер и весов, Лесной институт и бостельные инспекторы²⁰; Милиционной экспедиции – Финские войска и Финляндский кадетский корпус, Кригс-комиссариат, Губернские и Призывные по воинской повинности присутствия²¹; Духовной экспедиции – духовные консистории и Духовное ведомство, элементарные (начальные) учебные заведения, народно-учительские семинарии и народные школы²²; Экспедиции земледелия – инспектор рыбных ловель, статс-агрономы и губернские агрономы, инженеры земледелия, правительственные наставники молочного хозяйства, земледельческий институт и земледельческие училища, экономические и сельскохозяйственные общества²³; Экспедиции торговли и промышленности – Политехнический институт, промышленные учебные заведения, мореходные школы, коммерческие училища и торговые стряпчие²⁴.

Примерами дальнейшего развития и совершенствования внутренней структуры Сената явилось не только уже упоминавшееся создание двух новых экспедиций его Хозяйственного департамента, но и образование в рамках экспедиций подчиненных им управлений и главных управлений (и развитие их самостоятельной, но подконтрольной экспедициям деятельности с 1887 года). Так, например, в рамках Финансовой экспедиции – Таможенного управления и таможенного ведомства (тем более, что с 1883 года Финляндский Сенат получил право самостоятельно изменять отдельные статьи Финляндско-российского таможенного тарифа)²⁵; в Камерной экспедиции – Главного межевого управления и межевого ведомства²⁶; в Духовной экспедиции – Главного управления дорожных и водных сооружений (с личным составом инженеров), управления железных дорог²⁷; Экспедиции торговли и промышленности – Главного управления лоцманского и маячного ведомства (с личным составом), Управления промышленности²⁸; в Гражданской экспедиции – Главного управления по делам печати, Медицинского управления²⁹; в Канцелярской экспедиции – Почтового управления и Почтового ведомства, Тюремного управления (и тюремных дирекций), Главного управления публичных (государственных) зданий³⁰. По сравнению с 1887 годом были созданы 2 новых управления: Главное управление по делам печати и Таможенное управление³¹. Причем экспедиции получали большую самостоятельность по контролю над финляндскими чиновниками. Последних поставили в полную зависимость от руководителей экспедиций, которые самостоятельно решали все вопросы, связанные с деятельностью чиновников, их поступлением на службу, с их отставкой, назначе-

нием пенсий, разрешением заграничных отпусков и тому подобным³². Помимо решения чисто управленческих вопросов, все экспедиции отныне постоянно привлекались к разработке законопроектов по их сфере управления³³. De facto Сенат обладал законодательной инициативой, так как еще со времен его реформы 1883 года сенаторы получили право разрабатывать законопроекты, исходя из потребностей правоприменительной практики Финляндии. Все новые вопросы отходили на самостоятельное решение Plenum Plenumogum Сената³⁴.

Кроме того, повышалась ответственность чиновников экспедиций за составление законопроектов, вносимых в Сейм от имени императора: «...проекты Высочайших предложений Земским Чинам докладываются в Общем Собрании Сената реферндарий-секретарем той экспедиции, в которой проект составлен»³⁵.

Plenum Plenumogum передал часть своих функций общему собранию Хозяйственного де-

партамент Сената³⁶, императорские рескрипты о назначении на должность чиновников и судей и их увольнении стали не объявляться генерал-губернатором на Plenum Plenumogum, а передавались малым пленумам каждого департамента. Таким образом, несколько уменьшилась компетенция генерал-губернатора, который формально руководил лишь Plenum Plenumogum³⁷. Кроме того, теперь уже сами департаменты, а не их пленумы решали вопросы о заграничных поездках своих чиновников и судей во время их отпусков. Последнее несколько уменьшило объем действия принципа коллегиальности руководства в Сенате. И поставило чиновников в большую зависимость от руководителей экспедиций и департаментов. Таким образом, при сохранении прежней компетенции Финляндского Сената произошло перераспределение ее между его структурными подразделениями, что повышало значение экспедиций как департаментов правительства (если не его министерств).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. (kts.): Hallitusmuoto 21p:ltä elok. 1772. § 14, 17, 20, 21, 23, 26, 27 // Suomen perustuslait ja järjestaawät asetukset. Helsingissa, 1907. S. 26–29.
- ² См. (kts): Keisarillisen Suomen Senaatin arkisto. Talousosaston pöytäkirjat. Pöytäkirjat, 1888:27.III.
- ³ См. (kts): Keisarillisen Suomen Senaatin arkisto. Talousosaston pöytäkirjat. Pöytäkirjat, 1888: 27.III.
- ⁴ Но пока (в 1888 году) официальное толкование финляндской Конституции (вместе с выявлением тех ее мест, которые подлежали обновлению в будущей обширной Конституционной реформе) было решено отодвинуть на второй план, чтобы не тормозить частичное обновление Сената, предложенное царем.
- ⁵ См. (kts): Собрание Постановлений Великого Княжества Финляндского (далее: СПВКФ). 1888. № 26.
- ⁶ См. (kts): Высочайшее Е. И. В. Постановление о некоторых изменениях в порядке занятий в Императорском Финляндском Сенате и об учреждении двух новых экспедиций по Хозяйственному департаменту оногo. От 9 авг. 1888 г. // СПВКФ. 1888. № 26. С. 9.
- ⁷ Высочайшее Е. И. В. Постановление о некоторых изменениях в порядке занятий в Императорском Финляндском Сенате и об учреждении двух новых экспедиций по Хозяйственному департаменту оногo. От 9 авг. 1888 г. п. 3, 9 // СПВКФ. 1888. № 26. С. 4–5, 7.
- ⁸ См. (kts): Там же, п. I // СПВКФ. 1888. № 26. С. 3.
- ⁹ См. (kts): Высочайшее Е. И. В. Постановление об учреждении в Финляндском Сенате Экспедиции земледелия и общественных работ. От 17 сент. 1860 г. // СПВКФ. 1860. № 18. С. 1–4.
- ¹⁰ См. (kts): Высочайшее Е. И. В. Постановление, касательно изменений в прежних узаконениях о производстве дел в Финляндском Сенате. От 10 мая 1869 г. Отд. II. § 7–13 // СПВКФ. 1869. № 15. С. 3–8.
- ¹¹ См. (kts): Высочайшее Е. И. В. Постановление... От 9 авг. 1888 г. п. 9 // СПВКФ. 1888. № 26. С. 7.
- ¹² См. (kts): Там же. П. 3 // СПВКФ. 1888. № 26. С. 4–5.
- ¹³ См. (kts): Там же. П. 13 // Сборник Постановлений Великого княжества Финляндского. 1888. № 26. С. 8.
- ¹⁴ См. (kts): Там же. П. 14 // Сборник Постановлений Великого княжества Финляндского. 1888. № 26. С. 9.
- ¹⁵ См. (kts): Высочайший Е. И. В. Манифест об изменении редакции параграфов 51, 52 Сеймового Устава Великого Княжества Финляндского от 15 марта 1869 г., заключающем в себе дополнение касательно предоставления земским чинам края права вносить предложения об установлении, изменении и отмене общих законов // СПВКФ. 1886. № 22.
- ¹⁶ См. (kts): Высочайшее Е. И. В. Постановление... от 9 августа 1888 г. п. 2, 4, 6 // Сборник Постановлений Великого княжества Финляндского. 1888. № 26. С. 4, 5, 6.
- ¹⁷ См. (kts): Там же. П. 11 // Сборник Постановлений Великого княжества Финляндского. 1888. № 26. С. 7–8.
- ¹⁸ См. (kts): Высочайшее Е. И. В. Постановление... От 9 авг. 1888 г. П. 11 // СПВКФ. 1888. № 26. С. 7, 8.
- ¹⁹ См. (kts): Высочайшее Е. И. В. Постановление... От 9 авг. 1888 г. Ч. 3 // СПВКФ. 1888. № 26. С. 8.
- ²⁰ См. (kts): Там же. Ч. 4 // СПВКФ. 1888. № 26. С. 8.
- ²¹ См. (kts): Там же. Ч. 5 // СПВКФ. 1888. № 26. С. 8.
- ²² См. (kts): Там же. Ч. 6 // СПВКФ. 1888. № 26. С. 8.
- ²³ См. (kts): Там же. Ч. 7 // СПВКФ. 1888. № 26. С. 8.
- ²⁴ См. (kts): Там же. Ч. 8 // СПВКФ. 1888. № 26. С. 8.
- ²⁵ См. (kts): Высочайшее Е. И. В. Постановление о некоторых изменениях в порядке занятий в Имперском Финляндском Сенате и об учреждении двух новых экспедиций по Хозяйственному Департаменту оногo от 09 августа 1888 г. Ч. III // СПВКФ. 1888. № 26. С. 8.
- ²⁶ См. (kts): Высочайшее Е. И. В. Постановление о некоторых изменениях в порядке занятий в Имперском Финляндском Сенате и об учреждении двух новых экспедиций по Хозяйственному Департаменту оногo от 09 августа 1888 г. Ч. IV // СПВКФ. 1888. № 26. С. 8.
- ²⁷ См. (kts): Высочайшее Е. И. В. Постановление о некоторых изменениях в порядке занятий в Имперском Финляндском Сенате и об учреждении двух новых экспедиций по Хозяйственному Департаменту оногo от 09 августа 1888 г. Ч. VI // СПВКФ. 1888. № 26. С. 8.
- ²⁸ См. (kts): Высочайшее Е. И. В. Постановление о некоторых изменениях в порядке занятий в Имперском Финляндском

- Сенате и об учреждении двух новых экспедиций по Хозяйственному Департаменту оного от 09 августа 1888 г. Ч. VII // СПВКФ. 1888. № 26. С. 8.
- ²⁹ См. (kts): Высочайшее Е. И. В. Постановление о некоторых изменениях в порядке занятий в Имперском Финляндском Сенате и об учреждении двух новых экспедиций по Хозяйственному Департаменту оного от 09 августа 1888 г. Ч. VIII // СПВКФ. 1888. № 26. С. 8.
- ³⁰ См. (kts): Высочайшее Е. И. В. Постановление о некоторых изменениях в порядке занятий в Имперском Финляндском Сенате и об учреждении двух новых экспедиций по Хозяйственному Департаменту оного от 09 августа 1888 г. Ч. I // СПВКФ. 1888. № 26. С. 8.
- ³¹ См. (kts): Высочайшее Е. И. В. Постановление о некоторых изменениях в порядке занятий в Имперском Финляндском Сенате и об учреждении двух новых экспедиций по Хозяйственному Департаменту оного от 09 августа 1888 г. Ч. II // СПВКФ. 1888. № 26. С. 8.
- ³² См. (kts): Высочайшее Е. И. В. Постановление о некоторых изменениях в порядке занятий в Имперском Финляндском Сенате и об учреждении двух новых экспедиций по Хозяйственному Департаменту оного от 09 августа 1888 г. П. 10. Ч. а // СПВКФ. 1888. № 26. С. 7.
- ³³ См. (kts): Высочайшее Е. И. В. Постановление о некоторых изменениях в порядке занятий в Имперском Финляндском Сенате и об учреждении двух новых экспедиций по Хозяйственному Департаменту оного от 09 августа 1888 г. П. 11. Ч. I, III // СПВКФ. 1888. № 26. С. 8.
- ³⁴ См. (kts): Высочайшее Е. И. В. Постановление о некоторых изменениях в порядке занятий в Имперском Финляндском Сенате и об учреждении двух новых экспедиций по Хозяйственному Департаменту оного от 09 августа 1888 г. П. 10. Ч. а // СПВКФ. 1888. № 26. С. 7.
- ³⁵ См. (kts): Высочайшее Е. И. В. Постановление о некоторых изменениях в порядке занятий в Имперском Финляндском Сенате и об учреждении двух новых экспедиций по Хозяйственному Департаменту оного от 09 августа 1888 г. П. 10. Ч. d // СПВКФ. 1888. № 26. С. 7.
- ³⁶ См. (kts): Высочайшее Е. И. В. Постановление о некоторых изменениях в порядке занятий в Имперском Финляндском Сенате и об учреждении двух новых экспедиций по Хозяйственному Департаменту оного от 09 августа 1888 г. Ч. I. П. 13 // СПВКФ. 1888. № 26. С. 8.
- ³⁷ См. (kts): Там же. Ч. II. П. 13 // СПВКФ. 1888. № 26. С. 9.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Holmberg H. (Keisarillisen) Suomen Senaatin talousosaston puheenjohtajat, jäsenet ja virkamiehet 1809–1918. Helsinki, 1964. 204 s.
2. Kuusterä A. Valtion sijoitustoiminta. Pääomamarkkinoiden murroksessa 1859–1913 // Historiallisia tutkimuksia. 1989. № 149. S. 71–82.
3. Mechelin L. Ny regeringsform // Från brytningstider. I v. Borgå, 1913. S. 81–112.
4. Nordenstreng S. L. Mechelin. Hans statsmannagärning och politiska personlighet. I v. Helsingfors, 1936. 252 p.
5. Rauhala K. W. Keisarillinen Suomen Senaatti. II osa. Vammala, 1921. 604 s.
6. Tyynilä M. L. Mechelinin suunnitelma senaatin uudistamiseksi vuodelta 1887 // Lakimies. 1989. S. 948–966.
7. Tyynilä M. Senaatti. Tutkimus Hallituskonselji – Senatista 1809–1918. Helsinki, 1992. 460 s.
8. Räihä A. Venäjän liittäminen ja Suomen Suuriruhtinaskuntaan yhdistäminen // Historiallinen aikakauskirja. 2014. № 3. S. 270–281.

Dusaeva M. R., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

Dusaev R. N., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

STRUCTURAL AND FUNCTIONAL CHANGES IN ECONOMIC DEPARTMENT OF FINNISH SENATE IN 1888

The article deals with the problem of administrative development in the Great Duchy of Finland in the last quarter of the XIX century. By that time the Standing Orders of the Governmental Council of Finland of 1809 became significantly obsolete, and it was necessary to renovate them. That is why during the reign of Alexander the III some administrative reforms were undertaken. They resulted in partial alteration of the structure and functions of the Economic (Internal Home Management) department of the Finnish Senate. Although these reforms did not solve all the problems of Duchy's administrative government, they were an important stage of gradual transformation of the governmental system into Finland's ministerial system. The Finnish Senate began to settle the problems of the principedom management independently, without any confirmation from the Monarch. The number of structural sections of the Senate increased and their competence grew up. Finnish bureaucracy became completely dependent from the Finland's Senate. As a result the system of authority in Finland became stronger.

Key words: Grand Duchy of Finland, administrative bodies (organs), reforms

REFERENCES

1. Holmberg H. (Keisarillisen) Suomen Senaatin talousosaston puheenjohtajat, jäsenet ja virkamiehet 1809–1918. Helsinki, 1964. 204 s.
2. Kuusterä A. Valtion sijoitustoiminta. Pääomamarkkinoiden murroksessa 1859–1913 // Historiallisia tutkimuksia. 1989. № 149. S. 71–82.
3. Mechelin L. Ny regeringsform // Från brytningstider. I v. Borgå, 1913. S. 81–112.
4. Nordenstreng S. L. Mechelin. Hans statsmannagärning och politiska personlighet. I v. Helsingfors, 1936. 252 p.
5. Rauhala K. W. Keisarillinen Suomen Senaatti. II osa. Vammala, 1921. 604 s.
6. Tyynilä M. L. Mechelinin suunnitelma senaatin uudistamiseksi vuodelta 1887 // Lakimies. 1989. S. 948–966.
7. Tyynilä M. Senaatti. Tutkimus Hallituskonselji – Senatista 1809–1918. Helsinki, 1992. 460 s.
8. Räihä A. Venäjän liittäminen ja Suomen Suuriruhtinaskuntaan yhdistäminen // Historiallinen aikakauskirja. 2014. № 3. S. 270–281.

Поступила в редакцию 29.10.2014

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ БАТАЛИН
аспирант кафедры административного и финансового
права юридического факультета, Северный (г. Петрозаводск)
филиал Российской правовой академии Министерства
юстиции РФ (Москва, Российская Федерация)
batalin_av@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Опираясь на современное развитие норм законодательства об административных правонарушениях на федеральном уровне и уровне субъектов РФ, рассматривая полномочия должностных лиц органов местного самоуправления по составлению протоколов и рассмотрению дел об административных правонарушениях, автор делает вывод о необходимости в законодательстве субъектов РФ об административных правонарушениях предусмотреть механизм обеспечения исполнения муниципальных правовых актов и дает конкретные предложения по совершенствованию данного законодательства в связи с внедрением такого механизма. Новизна и актуальность данной работы состоит в том, что на примере Республики Карелия проведено исследование вопроса исполнения муниципальных нормативных актов законодательством об административных правонарушениях субъектов РФ, которое позволило обосновать положения, направленные на совершенствование этого законодательства, в том числе о необходимости закрепления в законах об административных правонарушениях, изданных в субъектах РФ, норм, устанавливающих административную ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение общеобязательных правил поведения, предусмотренных нормативными правовыми актами муниципальных образований.

Ключевые слова: административная ответственность, исполнение нормативных правовых актов, муниципальные правовые акты

Большинство исследователей полагают, что к ведению субъектов РФ относится установление административной ответственности за нарушение нормативных правовых актов субъектов РФ и органов местного самоуправления по вопросам, не имеющим федерального значения (ст. 72, 76 Конституции РФ, ст. 1.1, 1.3 Кодекса об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ), подп. 39 п. 2 ст. 26 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»); определение подведомственности дел об административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов РФ (ч. 2 ст. 22.1 КоАП РФ); установление полномочий должностных лиц по составлению протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов РФ (ч. 6 ст. 28.3 КоАП РФ) [2; 39], [3]. Данный перечень иногда дополняется и другими полномочиями законодательных органов субъектов Федерации, например полномочиями устанавливать смягчающие обстоятельства, не указанные в ч. 1 ст. 4.2 КоАП РФ, и полномочиями образовывать коллегиальные органы административной юрисдикции [4; 13]. В науке административного права высказано и другое мнение о полномочиях органов государственной власти субъектов РФ: например, А. Б. Агапов ограничивает их следу-

ющими полномочиями: 1) определение видов проступков по полномочиям, не указанным в ст. 71, 72 Конституции РФ; 2) определение видов проступков, посягающих на региональные полномочия (в случае их определения в договорах о разграничении предметов ведения и полномочий); 3) определение основ компетенции органов местного самоуправления в сфере административной ответственности [1]. Ввиду отсутствия в указанном перечне важнейших полномочий по установлению административных наказаний и административной юрисдикции, он представляется неполным.

В апреле 2012 года в Государственной Думе прошли парламентские слушания по вопросам разграничения полномочий между разными уровнями публичной власти¹. В Рекомендациях, составленных по результатам проведенных слушаний, указывается, что осуществление органами местного самоуправления собственных контрольно-надзорных полномочий (муниципальный земельный, лесной контроль) сопряжено с отсутствием у органов местного самоуправления собственного аппарата принуждения, равно как и иной возможности административным путем самостоятельно добиться исполнения принятых решений, поскольку в существующей системе правового регулирования органы местного самоуправления лишены возможности не только рассматривать дела об административных правонарушениях, но и составлять

протоколы об административных правонарушениях. В связи с этим предложено вернуть в КоАП РФ ответственность граждан, руководителей организаций, должностных лиц органов государственной власти и должностных лиц органов местного самоуправления за неисполнение решений по вопросам местного значения, принятых на местном референдуме, а также на собраниях (сходах) граждан, решений органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления, принятых в пределах их полномочий. Кроме того, целесообразно рассмотреть возможность предоставления должностным лицам местного самоуправления составлять протоколы об административных правонарушениях, прежде всего в тех сферах, где предусмотрено осуществление муниципального контроля (земельного, лесного). Перспективной может быть сфера благоустройства, обращения с отходами. При этом взимаемые штрафы должны в обязательном порядке зачисляться в бюджет того муниципального образования, на территории которого имело место административное правонарушение.

Интерес вызывает позиция, согласно которой федеральные законы, принимаемые по предметам совместного ведения, должны устанавливать лишь общие принципы регулируемых отношений, оставляя все конкретное законодательное регулирование органам государственной власти субъектов Федерации [5; 10]. Но, как показывает практика федерального законодательства по предметам совместного ведения, субъекты РФ оказались лишены возможности сколько-нибудь существенно регламентировать на законодательном уровне эти вопросы, а в последние несколько лет федеральный законодатель лишил субъекты РФ некоторых из тех прав, которые были им предоставлены ранее и действительно отражали их участие в совместном регулировании вопросов, перечисленных в ст. 72 Конституции (в частности, в отборе и назначении судей, назначении на должность руководителя УВД в субъекте РФ и др.).

В Республике Карелия в 2009–2010 годах органами исполнительной власти были утверждены перечни должностных лиц, которые уполномочены составлять протоколы об административных правонарушениях на основании положений ст. 7.4 Закона Республики Карелия «Об административных правонарушениях»². Велась работа и над формой протокола об административном правонарушении³.

Вместе с тем ст. 7.4 Закона Республики Карелия «Об административных правонарушениях»⁴ представляется не вполне соответствующей действующему федеральному законодательству и во многом не обеспечивающей возможностей применения этого закона. В декабре 2012 года в перечень лиц, уполномоченных составлять протоколы по делам о предусмотренных Законом

РК административных правонарушениях, были включены должностные лица органов местного самоуправления муниципальных районов, городских округов. Но при этом было установлено, что органы исполнительной власти и местного самоуправления Республики Карелия сами устанавливают такой перечень в целом. Указанное положение не соответствует ст. 28.3 КоАП РФ и должно быть приведено в соответствие с ней. Более корректным представляется: 1) распространить практику определения перечня должностных лиц, уполномоченных на составление протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов РФ, непосредственно в нормах этого закона; 2) использовать унифицированную с федеральным законодательством систему формулировок.

Еще в 2012 году в Республике Карелия был принят Закон «О некоторых вопросах реализации Федерального закона “О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции на территории Республики Карелия”». Согласно этому Закону, органы местного самоуправления получили право определять перечень должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях при осуществлении полномочий по лицензионному контролю за розничной продажей алкогольной продукции. В силу ст. 2 Закона в компетенцию субъекта РФ отнесено установление дополнительных ограничений времени, условий и мест розничной продажи алкогольной продукции, в том числе полного запрета на розничную продажу алкогольной продукции. В развитие положений этого Закона было принято Решение Петрозаводского городского Совета от 03.06.2014 № 27/27-412 «Об определении границ прилегающих к некоторым организациям и объектам территорий, на которых не допускается розничная продажа алкогольной продукции на территории Петрозаводского городского округа». Однако в Законе РК «Об административных правонарушениях» эти позиции отклик пока не получили. Кроме того, не было достигнуто правовой определенности по вопросу о последствиях несоблюдения этих границ. Аналогично Правила благоустройства, обеспечения чистоты и порядка в Петрозаводском городском округе, утвержденные Решением Петрозаводского городского Совета 3 июня 2014 г. № 27/27-414, определили правила уборки территорий в зимний и летний период, правила сбора и утилизации отходов, но при этом в них установлены бланкетные нормы относительно перечня контролирующих органов и возможной административной ответственности. С положениями Закона РК «Об административных правонарушениях» эти правила совпадают не в полном объеме.

В целях обеспечения исполнения муниципальных правовых актов представляется целесообразным в Законе Республики Карелия «Об административных правонарушениях», а также аналогичных законах, изданных в других субъектах РФ, в обязательном порядке закреплять нормы, устанавливающие административную ответственность в виде предупреждения или административного штрафа за неисполнение или ненадлежащее исполнение общеобязательных правил поведения, предусмотренных нормативными правовыми актами муниципальных образований, принятыми в установленном порядке. Дела об административных правонарушениях данной категории следует отнести к подведомственности административных комиссий муниципальных образований. Подобные правила, например, включены в Закон Кировской области «Об административной ответственности в Кировской области»⁵: в частности, должностные лица муниципальных образований могут составлять протоколы о воспрепятствовании законной деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления, неповиновении законному требованию члена общественного объединения по охране общественного порядка, нарушении правил благоустройства, нарушении требований к сохранению объектов историко-культурного наследия, нарушении порядка предоставления государственных и муниципальных услуг.

В ст. 1.2 Закона Республики Карелия «Об административных правонарушениях» в качестве одной из его целей установлено обеспечение законности. В этой связи можно отметить, что рассматриваемый закон является административно-правовой гарантией реализации иных республиканских нормативных правовых актов: 1) Закона РК от 18 января 2010 г. № 1361-ЗРК «О мерах по содействию физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию детей в Республике Карелия»; 2) Закона Республики Карелия от 6 февраля 2006 г. № 958-ЗРК «О порядке ведения органами местного самоуправления учета граждан в качестве нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма, и некоторых вопросах предоставления жилых

помещений по договорам социального найма в Республике Карелия»; 3) Закона от 25 июля 2002 г. № 612-ЗРК «О статусе депутата Законодательного собрания Республики Карелия»; 4) Закона Республики Карелия от 21.01.2008 № 1165-ЗРК (ред. от 03.03.2009) «О порядке заготовки и сбора гражданами недревесных лесных ресурсов для собственных нужд». 5) Правил пользования водными объектами для плавания на маломерных судах в РК; 6) Порядка заготовки недревесных лесных ресурсов для собственных нужд; 7) Правил охраны жизни людей на водных объектах в РК; 8) республиканских градостроительных регламентов; 9) Порядка предоставления государственных и муниципальных услуг, установленных нормативным правовым актом Республики Карелия; 10) республиканского порядка осуществления пассажирских перевозок. Данный перечень достаточно разносторонен, что подтверждает оправданность конституционного распределения полномочий в части установления административной ответственности. Для реального установления административно-правовой охраны общественных отношений, урегулированных этими нормативными правовыми актами, необходима оптимизация полномочий должностных лиц муниципальных образований в части составления протоколов об административных правонарушениях.

Далее, представляется необходимым в законодательстве субъектов РФ об административных правонарушениях предусмотреть механизм обеспечения исполнения муниципальных правовых актов. Для этого следует: 1) своевременно корректировать положения законодательства субъекта РФ об административных правонарушениях, оперативно отражая в нем переданные федеральным законом полномочия; 2) детализировать перечень должностных лиц, уполномоченных на составление протоколов об административных правонарушениях соответствующих видов (например, должностные лица органов исполнительной власти субъекта РФ и муниципальных образований, осуществляющие регулирование деятельности в области благоустройства, градостроительства, торговли и т. д.).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Парламентские слушания «Вопросы законодательного обеспечения и совершенствования разграничения полномочий между уровнями публичной власти» // Комитет Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.komitet4.km.duma.gov.ru/site.xp/050056054124055054055.html>

² Приказ Минфина РК от 13 сентября 2009 г. № 122 «Об утверждении перечня должностных лиц Министерства финансов Республики Карелия, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях» // Карелия. 2009. 14 июля; Приказ Министерства сельского, рыбного и охотничьего хозяйства РК «Об утверждении перечня должностных лиц Министерства сельского, рыбного и охотничьего хозяйства Республики Карелия, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях» // Карелия. 2011. 29 марта.

³ Приказ Минэкономразвития РК от 17 декабря 2008 г. № 295-А «Об утверждении формы протокола об административном правонарушении» / Зарегистрирован в Администрации Главы РК 12 января 2009 г. № 720.

⁴ Об административных правонарушениях: Закон Республики Карелия от 15.05.2008 № 1191-ЗРК (по сост. на 05.06.2014) // Карелия. 2008. 22 мая.

- ⁵ Об административной ответственности в Кировской области: Закон Кировской области от 04.12.2007 № 200-ЗО // Сборник основных нормативных правовых актов органов государственной власти Кировской области. № 1(80). 20.02.2008.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапов А. Б. Административное законодательство и публичные правоограничения // Административное и муниципальное право. 2011. № 10. С. 74–79.
2. Игнатенко В. В. Правовое качество законов об административных правонарушениях: Монография. Иркутск, 1998. 343 с.
3. Полянский И. А. Законодательство субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях // Роль юридического образования и науки в формировании гражданского общества и правового государства: Сб. материалов юбилейной научно-практ. конф., посвящ. 65-летию юридического факультета ХГАЭП / Под общ. ред. С. В. Нарутто и В. Н. Ширяева. Хабаровск, 2005. С. 13–15.
4. Козин В. В. Проблемы правового регулирования административной ответственности Республики Карелия // Государство и право. 2005. № 1. С. 72–74.
5. Крылов Б. С. Конституционные основы российского федерализма // Конституционное законодательство России. М., 1999. С. 10–13.

Batalin A. V., Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

PROBLEMS OF MUNICIPAL REGULATIONS' ENFORCEMENT IN SUBJECTS OF RUSSIAN FEDERATION

The author, based on the analysis of the modern development of the Russian legislation pertaining administrative offenses on the Federal level and the level of the subjects of the Russian Federation, came to a conclusion that there is a need to provide mechanisms instrumental in the enforcement of municipal legal acts. The powers of the municipal official bodies in drawing up protocols and considerations of administrative cases were also considered in the process of the research of the Russian legislation on Administrative Violations. Specific suggestions on the improvement of the Russian legislation in connection with the introduction of such mechanisms are provided. The relevance of this work is substantiated by the research results obtained by the author. On the example of the Republic of Karelia a research on the enforcement of municipal regulations regulated by the legislation on administrative offences by the subjects of the Russian Federation was conducted. The study helped to substantiate regulations directed at the improvement of legislation pertaining the subjects of the Russian Federation. The norms establishing administrative responsibility for non-execution or inadequate execution of the obligatory rules of conduct provided by regulations of municipalities were established.

Key words: administrative responsibility, performance of regulatory legal act, municipal legal acts

REFERENCES

1. Agapov A. B. Administrative legislation and public right restrictions [Administrativnoe zakonodatel'stvo i publichnye pravoogranicheniya]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*. 2011. № 10. P. 74–79.
2. Ignatenko V. V. *Pravovoe kachestvo zakonov ob administrativnykh pravonarusheniyakh* [Legal quality of laws on administrative offenses]. Irkutsk, 1998. 343 p.
3. Polyanskiy I. A. Legislation of the subject of the Russian Federation on administrative offenses [Zakonodatel'stvo sub'yekta Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh]. *Rol'yuridicheskogo obrazovaniya i nauki v formirovaniy grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva / Pod obshch. red. S. V. Narutto i V. N. Shiryayeva*. Khabarovsk, 2005. P. 13–15.
4. Kozin V. V. Problems of legal regulation of administrative responsibility of the Republic of Karelia [Problemy pravovogo regulirovaniya administrativnoy otvetstvennosti Respubliki Kareliya]. *Gosudarstvo i pravo*. 2005. № 1. P. 72–74.
5. Krylov B. S. Constitutional bases of the Russian federalism [Konstitutsionnye osnovy rossiyskogo federalizma]. *Konstitutsionnoe zakonodatel'stvo Rossii*. Moscow, 1999. P. 10–13.

Поступила в редакцию 20.12.2014

АНАСТАСИЯ АЛЕКСЕЕВНА СОФРОНОВА
аспирант кафедры зоологии и экологии эколого-биологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ansofronova@yandex.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ФИНЛЯНДИИ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Судебная система Финляндии состоит из судов общей юрисдикции и административных судов, которые осуществляют правосудие по вопросам охраны окружающей среды. Экологические правонарушения, в том числе совершенные должностными лицами, органами местного самоуправления или иными органами власти, подлежат рассмотрению в судах общей юрисдикции, а оспаривание решений органов власти происходит в административных судах различных уровней. В статье рассматриваются понятие административной ответственности как одной из важнейших форм защиты экологических прав человека и ее законодательное урегулирование, устройство системы административных судов и доказываются их эффективность на примерах из судебной практики.

Ключевые слова: экологическое правонарушение, юридическая ответственность, судебная система, административные суды, экологические центры

Гарантией права человека на благоприятную окружающую среду является предусмотренная законодательно и доступная для реализации возможность обращения в специализированные органы для защиты своих интересов и восстановления нарушенных прав – не исключая и тех случаев, когда вина за такое нарушение лежит на органах государственной власти или их представителях.

Согласно положениям параграфа 98 главы 9 Конституции Финляндии, судебная система Финляндии состоит из судов общей юрисдикции и административных судов, а также предусматривает создание специализированных судов, которые осуществляют правосудие по специально определенным категориям дел – например, существуют Страховой и Рыночный суды.

Суды общей юрисдикции – Верховный суд, уездные суды и надворные суды (апелляционная инстанция) – разрешают гражданские и уголовные дела, а административные суды рассматривают дела, возникающие из публичных правоотношений. В административном процессе Финляндии в экологических спорах, как в публичных, так и в делах частного интереса, судебная власть играет важную роль. Однако больший вес имеют случаи, затрагивающие общественные интересы и дела государственной политики [4; 295–297].

В систему административных судов входят Высший административный суд, шесть региональных административных судов, а также административный суд Аландских островов, в задачу которых входит разрешать споры, находящиеся под юрисдикцией Закона об административном производстве (586/1996). Высшие судебные органы осуществляют надзор за судопроизводством по делам, находящимся под сво-

ей юрисдикцией, а также обладают правом законодательной инициативы (параграф 99 главы 9 Конституции).

До судебной реформы, проведенной в марте 2000 года, в стране действовали так называемые водные суды, или административные суды по водным делам [4; 55]. Их создание установил Закон о воде 1061 года. Под юрисдикцию Водного суда попадали дела о правоотношениях, в которых принимали участие разрешительные органы власти. Особенностью Водного суда было то, что помимо председателя суда в его состав входили два эксперта, не являющиеся юристами, но имеющие техническое и естественно-научное образование. Решения подлежали обжалованию в Высшем водном суде, который работает и в настоящее время как Апелляционный или Административный суд Вааса (создан в 1999 году).

Административный суд Вааса – главный судебный орган Финляндии, в чью компетенцию входит разрешение дел, связанных исключительно с защитой окружающей среды и водным правом; также он является апелляционной инстанцией. В состав суда входят двое судей и постоянный эксперт, имеющий техническое и экологическое образование [7; 51–55].

Согласно статье 61 Закона о сохранении природы (1096/1996) и статье 97 Закона об охране окружающей среды (86/2000), право на обжалование имеют те лица, чьи права или интересы были нарушены. Это могут быть физические или юридические лица, а также местные органы власти, если вопрос не связан с компенсацией: муниципалитет, в котором осуществляется деятельность, связанная с воздействием на окружающую среду, Центр экономического развития, транспорта и окружающей среды и комитеты по охране окружающей среды, где проис-

ходит деятельность или находящихся в зоне ее воздействия. В таком случае статьей 31 и пунктом 2 статьи 48 Закона о сохранении природы, а также пунктом 2 статьи 97 Закона об охране окружающей среды предусмотрено право на обжалование для зарегистрированных местных или региональных ассоциаций, целью которых является содействие сохранению природы или охране окружающей среды. Кроме того, организации, действующие в интересах землевладельцев, могут обжаловать решения правительства об утверждении национальной программы сохранения природы.

В региональные административные суды обжалуются решения органов публичной власти, в том числе по такой категории, как охрана окружающей среды, строительство и вопросы землепользования (выдача экологических лицензий и разрешений на строительство) [8; 190].

Глава 14 Закона об охране окружающей среды (86/2000) устанавливает порядок обжалования решений органов власти, принятых по вопросам, регулируемым Законом. В первую очередь жалоба должна быть представлена в орган, принявший решение, а затем оно может быть обжаловано в Административном суде города Вааса, а на решение последнего подается апелляция в Верховный административный суд (статья 96, пункты 1 и 5).

Закон о сохранении природы (1096/1996) в статьях 61–63 также определяет условия, на которых может быть подана апелляция на решения органов власти в случаях, если они противоречат законодательству Финляндии. Так, в Высшем административном суде рассматриваются жалобы на решения правительства или министерства. Решения других органов, таких как Лесная служба (Metsähallitus), Институт окружающей среды Финляндии, НИИ леса Финляндии или один из центров экономического развития, транспорта и окружающей среды, обжалуются в административных судах, согласно статье 12 Закона о применении административного права (586/1996). Это означает, что обращение подается либо по территориальному признаку в соответствующий суд, либо в административный суд, юрисдикция которого распространяется на ту территорию, которой был причинен наибольший вред, либо, если определить это невозможно, в Административный суд города Хельсинки (статья 12, пункт 3).

По статистике экологические споры составляют почти 20 процентов от дел, рассматриваемых в Высшем административном суде. К ним относятся споры, связанные с борьбой с загрязнением, управлением водными ресурсами, охраной природы, планированием землепользования, получением разрешений на строительство и снос зданий, отходами, планированием дорог, горнодобывающей промышленностью, лесным хозяйством, охотой, рыбалкой и иными вопросами [7; 56].

В соответствии с международным принципом «загрязнитель платит», провозглашенным рекомендацией C(72)128 Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 1972 году, правонарушитель обязан возместить расходы на устранение вредных последствий своей деятельности и выплатить компенсацию за загрязнение окружающей среды в объеме, установленном решением властей для того, чтобы окружающая среда вернулась в приемлемое состояние (статья 1, пункт А).

Ответственность за экологические правонарушения в Финляндии также регулируется Законом о компенсации за экологический ущерб № 737 от 01.01.1996 с поправками от 01.07.2011.

Согласно статье 7 Закона, компенсация выплачивается в случаях, когда деятельностью лица на определенной территории был нанесен экологический ущерб, к которому относят загрязнение воды, воздуха или почвы и иные неблагоприятные последствия.

Совершение экологического правонарушения, в котором отсутствует состав преступления, влечет административную ответственность; уголовная ответственность наступает в результате совершения экологических преступлений. Долгое время финский законодатель уделял мало внимания уголовной ответственности за экологические преступления. До 1995 года считалось, что роль уголовного права в защите окружающей среды «сравнительно невелика, поскольку только малая часть глобального загрязнения вызвана противоправными действиями» (перевод наш) [8; 190]. Доктор Пекка Вихервуори, исследуя вопросы отношения между экологическим и уголовным правом в Финляндии, отмечает, что традиционный подход базируется на том убеждении, что законы или нормативные упущения как таковые не могут быть противоправными с точки зрения уголовного права, несмотря на последовавшее за их применением загрязнение или иные негативные последствия.

В настоящий момент основы уголовной ответственности за экологические преступления в Уголовном кодексе Финляндии устанавливаются главами 48 и 48(а): таким образом, разделены экологические преступления (6 общих составов) и преступления против охраны природы (11 специальных составов, классифицированных по объекту правонарушения).

Из положений финского Уголовного кодекса можно вывести следующее определение экологического преступления: это уголовное деяние, совершенное намеренно или в результате неосторожности или грубой неосторожности и послужившее причиной загрязнения окружающей среды, вредных изменений в ней, возникновения опасности для здоровья. Часть экологических преступлений, однако, относят к группе экономических преступлений, руководствуясь

их причинами. Должностные лица, представители органов власти и юридические лица могут быть субъектами экологических преступлений. Глава 40 УК Финляндии «Должностные преступления» выделяет такие составы, как нарушение служебных обязанностей (статья 9) и нарушение служебных обязанностей вследствие небрежности (статья 10).

Из положений Уголовного кодекса Финляндии и судебной практики можно выделить четыре основных случая, в которых наступает ответственность за экологическое правонарушение. Во-первых, лицо несет юридическую ответственность при осуществлении незаконной деятельности, то есть без получения лицензии, положительного решения или разрешения, согласно закону или постановлению. Например, правонарушением является хранение химических веществ без соответствующего разрешения или загрязнение воды, несанкционированный промышленный выброс вредных веществ в атмосферу (статья 1 главы 48 УК Финляндии). Во-вторых, даже лицензированная деятельность может привести к неблагоприятным экологическим последствиям: например, после длительного воздействия обнаруживается побочный эффект, вызываемый химическими веществами. Третий случай ответственности связан с легальной деятельностью, приведшей, однако, к аварии, вне зависимости от того, проявились ли ее последствия немедленно или через несколько лет. Четвертый случай – загрязнение окружающей среды на участках, которым было найдено новое применение [3; 33].

Разветвленная система административных судов Финляндии защищает экологические права граждан, нарушенные незаконными или ошибочными решениями органов исполнительной власти и должностных лиц.

В качестве яркого примера нарушения и последующего решения проблемы можно привести загрязнение, произошедшее в районе Мюллюпури на северо-востоке Хельсинки, который в 1954–1962 годах служил городской свалкой, куда в дополнение к обычным отходам попадали промышленные отходы. В 1998 году при строительстве жилого района на месте бывшей свалки были произведены дренажные работы, в результате которых было установлено, что в почве содержится повышенный уровень цианида, а также высокая концентрация полиароматических углеводородов. Несмотря на отсутствие непосредственной опасности для здоровья жителей, грунт был признан загрязненным, вследствие чего пришлось снести несколько высотных домов и изменить парковую зону. Город Хельсинки был вынужден выплатить жителям компенсацию [3; 33]. Законодательство Финляндии не выделяет охрану почв в отдельную отрасль. Стандарты контроля рационального использования

и охраны почв включены в законы, касающиеся строительства, сельского и лесного хозяйства, охраны природы. К данной ситуации в первую очередь применимы положения Закона об охране окружающей среды, статья 14 которого запрещает загрязнение почвы и грунтовых вод, а пункт 6 статьи 31 требует получения разрешения на эксплуатацию загрязненных почв. Глава 14 Закона определяет порядок их использования и административную ответственность за его нарушение.

В январе 2014 года в апелляционном порядке в Высшем административном суде было рассмотрено дело об обесценивании окружающей среды [2]. Центр экономического развития, транспорта и окружающей среды (ELY-центр) исторической области Хяме вынес решение о запрете рубок и выделении площади размером в 3,7 га для селекции и создания зоны отдыха белок-летьяг на основании того, что в ее пределах были найдены следы их обитания. Компания, производящая лесозаготовки, посчитала, что ограничение касается слишком обширной территории, которую по большей части занимают ценные породы деревьев, и потребовала сокращения ее до 1 га местности, достаточно, по ее мнению, для проведения исследований и обитания и воспроизводства популяции. ELY-центр Хяме указал на необходимость применения чрезвычайных мер для сохранения вида, поскольку при принятии решений следует руководствоваться природоохранными, а не экономическими соображениями, а лесной пояс, который компания, заключившая договор с муниципалитетом, планировала оставить после вырубки, будет слишком узким, и обитающие в нем белки-летьяги останутся незащищенными и будут быстро истреблены природными врагами. Рассмотрев вопрос, административный суд города Хямеенлинна отклонил жалобу, ссылаясь на законодательство. В частности, на Закон об охране природы № 1096 от 20.10.1996, который в статье 72а главы 10 запрещает уничтожение мест, необходимых для репродукции и рекреации белки-летьяги. По итогам апелляции Высший административный суд отменил как решение ELY-центра, так и постановление административного суда города и отправил решение экологического центра на повторное рассмотрение, постановив, что указанная площадь защитной зоны отчуждения все же является чересчур большой и его исполнение приведет к значительным потерям (до 100 тыс. евро дохода от продажи древесины) для землевладельца. Прецедентов о защите белок-летьяг к моменту вынесения решения не существовало [2].

Стороной в споре об экологическом правонарушении часто является муниципалитет. В качестве примера можно привести судебную практику по делу, рассмотренному 20 сентября

2005 года Апелляционным судом Рованиеми RHO:2005:13 «Обесценивание окружающей среды». В качестве ответчика по иску прокуратуры о причинении экологического ущерба выступал муниципалитет Пюхянтя – это небольшое образование в провинции Северная Остроботния, состоящее из пяти деревень.

Статья 3 главы 48а Уголовного кодекса Финляндии предусматривает обвинение в намеренном или совершенном по неосторожности изменении окружающей среды. Без согласия собственников в целях муниципального строительства муниципалитет произвел вырубку деревьев в деревне Исо-Ламуярви, что могло привести к серьезному ухудшению состояния окружающей среды. В уголовном преследовании прокуратуре, подавшей иск, было отказано: расследование выявило, что действия были совершены непреднамеренно и не был причинен серьезный ущерб (статьи 6 и 7 главы 3 УК Финляндии).

Районный суд приговорил муниципалитет к штрафу за экологическое правонарушение. Ответчик подал апелляцию, настаивая на снятии обвинения, а также на том, чтобы судебные

издержки оплатило государство, ссылаясь на то, что муниципалитет действовал добросовестно, рубка производилась в связи со строительством, а причиненные убытки не повлекли вреда, достаточного для судебного преследования. Кроме того, для возмещения вреда на территории муниципалитета были высажены 30 саженцев. Сторона обвинения, в свою очередь, просила отклонить апелляцию, заявляя, что решение районного суда было справедливо, а ответчик должен был получить разрешение для производства работ по рубке леса. Апелляционный суд города Рованиеми вынес решение о признании муниципалитета виновным в умышленной рубке деревьев. Принимая во внимание степень возможных долгосрочных последствий, суд посчитал, что ущерб, причиненный муниципалитетом, является значительным, а приговор, вынесенный районным судом, – законным и справедливым [6].

Таким образом, разветвленная система административных судов Финляндии успешно защищает экологические права граждан, нарушенные незаконными или ошибочными решениями органов исполнительной власти и должностных лиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Judicial Procedure in the Administrative Court. Oikeuslaitos, 2015. Available at: <http://www.oikeus.fi/en/index/esitteet/oikeudenkayntihallintooikeudessa.html>
2. KHO: 2014:13 Korkein hallinto-oikeus, 2014. Available at: <http://www.kho.fi/>
3. Lehtinen S. Ympäristörökosta ympäristövastuuseen. Turku, 2010. 53 s.
4. Mäntylä N. Luonnon edustajien puhevalta. Helsinki, 2010. 379 s.
5. Pessi H. Luonnonsuojelualan perustaminen ja siitä tehtyjen valitusten käsittely hallintooikeudessa. Hyvinkää, 2011. 49 p.
6. RHO:2005:13 Oikeuslaitos, 2011. Available at: <http://www.oikeus.fi>
7. Vihervuori P. Environmental law and administrative courts in Finland // Journal of court innovation. 2010. № 3. P. 51–60.
8. Vihervuori P. Finnish Environmental Law: an Overview. Northern European Law. North European Environmental Law. Helsinki, 1995. P. 170–191.

Sofronova A. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

LEGAL RESPONSIBILITY OF FINNISH AUTHORITIES FOR ENVIRONMENTAL OFFENCE

The judicial system of Finland consists of courts of general jurisdiction and administrative courts that administer justice in environmental matters. Environmental offence, including the ones committed by the countries' officials, local authorities and other authoritative bodies, is a subject to review by the court of general jurisdiction. Impeachment of judgments takes place in administrative courts at various levels. The article deals with the definition of the term "administrative responsibility" as one of the most important forms protecting environmental rights of the people. The system of administrative courts' organization is studied, and it's efficiency is substantiated on the examples gained from judicial practice.

Key words: environmental offence, legal responsibility, judicial system, administrative courts, environmental centers

REFERENCES

1. Judicial Procedure in the Administrative Court. Oikeuslaitos, 2015. Available at: <http://www.oikeus.fi/en/index/esitteet/oikeudenkayntihallintooikeudessa.html>
2. KHO: 2014:13 Korkein hallinto-oikeus, 2014. Available at: <http://www.kho.fi/>
3. Lehtinen S. Ympäristörökosta ympäristövastuuseen. Turku, 2010. 53 s.
4. Mäntylä N. Luonnon edustajien puhevalta. Helsinki, 2010. 379 s.
5. Pessi H. Luonnonsuojelualan perustaminen ja siitä tehtyjen valitusten käsittely hallintooikeudessa. Hyvinkää, 2011. 49 p.
6. RHO:2005:13 Oikeuslaitos, 2011. Available at: <http://www.oikeus.fi>
7. Vihervuori P. Environmental law and administrative courts in Finland // Journal of court innovation. 2010. № 3. P. 51–60.
8. Vihervuori P. Finnish Environmental Law: an Overview. Northern European Law. North European Environmental Law. Helsinki, 1995. P. 170–191.

Поступила в редакцию 26.01.2015

ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА МАЛЬЧУКОВА

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой классической филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
medeya@psu.karelia.ru

Рец. на кн.: Лебедев, А. А. Идиостиль П. А. Вяземского: синтаксический аспект. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. – 136 с.*

В последнее время в лингвистических работах утвердился новый термин с греческим корнем *idiolect* – идиолект, его источником считается английский язык, воспринявший греческое слово *ιδιόλεκτος* для обозначения своеобразных языковых элементов, которые составляют личный способ выражения автора. В английском языке унаследованное определение сузило область применения и стало означать индивидуальный словарный запас: «Is this word part of your idiolect – вы часто употребляете это слово?» Собственно в греческом этимологическом словаре новый термин переводится как «языковое своеобразие личности или ограниченного круга лиц (семья и др.)» [2; 321].

В языке, источнике заимствования, слово имеет более широкое значение: «το σύνολο των ιδιαιτέρων γλωσσικών στοιχείων, που συνθέτουν τον προσωπικό τρόπο εκφράσης ενός ατόμου» – «совокупность особенных языковых элементов, которые составляют индивидуальную манеру выражения определенного писателя». В новогреческом языке указывается также ряд синонимических ему выражений: «ιδιότυπος – αυτός που χαρακτηρίζεται από ιδιαιτερότητες, που ξεχωρίζει λόγω των ιδιαιτέρων γνωρισμάτων του, έχει έναν τρόπο σκέψης και εκφράσης, που δεν τον βρίσκεις σε άλλους συγγραφείς» – «тот, для которого характерны особенности, который отличается по причине особенных признаков своей речи, имеет свой образ мыслей и выражения, какие не найдешь у других писателей», «ιδιόμορφος – αυτός που εμφανίζεται με δική του ιδιαιτέρη μορφή» – «тот, кто является со своим лицом», «ιδιόρρυθμος – αυτός, που έχει ιδιαίτερο τρόπο ζωής» – «тот, кто имеет свой образ жизни», «ιδιότροπος – το γνωρίσμα ή η εκδήλωση του ιδιότροπου» – «признак или проявление своеобразия» и др. В русской лингвистической литературе сложные образования с английским словом *idiolect* или греческим *ιδιόλεκτος* употребляются тогда, когда новому термину противопоставляется другой с более широким объемом значений. Так, в монографии А. А. Лебедева указаны: работа С. Т. Золяна «От описания идиолекта – к грамматике идиостиля» (Язык русской поэзии XX

века. М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1989), докторская диссертация Е. Г. Фоменко «Лингвотипологическое в идиостиле Джеймса Джойса» (Белгородский гос. ун-т. Запорожье, 2006), или, наконец, совокупный труд, когда речь идет о своеобразии авторской манеры множества авторов, «Опыт описания идиостилей» в книге «Очерки истории языка русской поэзии». Чаще всего более редкий и новый термин из английского *idiolect* или из греческого языка *ιδιόλεκτος* комбинируется с давним греко-латинским термином «стиль» (в русском языке с эпохи Петра).

Литературно-эстетическое значение слово «стиль» приобрело еще в пределах существования древней культуры. Относительно греческого слова «*στυλος*» утверждалось длительное приспособление его к латинскому «*stilus*», «*stylus*» – «образ изложения, склад речи, стиль, слог». Если учесть роль латинского языка в средневековой и в первые века послесредневековой культуры, нельзя отрешиться от латинской основы европейского стилистического учения. Прообраз трех стилей языка существовал уже в латыни, где выделялась речь столичная – *urbanitas*, речь деревенская, сельская – *rusticitas* и речь *peregrinitas* от *peregrinus* – чужеземный, речь отдаленных римских провинций. В поздней античности различалось три стиля римской литературы – «низкий», «средний» и «высокий», как сложились они в произведениях Вергилия – в «Эклогах», «Георгиках», «Энеиде». В зависимости от стиля избирались имена героев; соответствующая им обстановка: город, военный лагерь, поле, пастбище; предмет, личное животное: конь, бык, овца; дерево: лавр, кедр, яблоня, бук.

Теория трех стилей была особенно актуальна в эпоху французского классицизма XVII–XVIII веков. В России ее разрабатывал Ломоносов.

В своем раннем чтении П. А. Вяземский (1792–1878) освоил опыт поэзии XVIII и первой трети XIX века (Ломоносова, Державина, Карамзина, Дмитриева, Батюшкова), но дорожил в себе и собственным остроумием, «ничего не перенимал и ничему раболепно не следовал», «позволял себе неологизмы» (сытность, пре-

красность, будущность) и, несмотря на то что был «воспитан и образован во французской школе», привык ценить мысль Вольтера и во всем следовал «школе разума», однако и в самом уме своем «имел какой-то русский сгиб и склад, которые не затерялись от обращения с чужеземными влияниями» [1]. В частности, «русский сгиб и склад ума» как раз выразились в унаследованном Вяземским от поэзии XVIII века сложном поэтическом синтаксисе.

Рецензируемая монография «Идиостиль П. А. Вяземского: синтаксический аспект» представляет собой лингвистическое исследование, направленное на рассмотрение одной из актуальных языковых проблем – определение специфики индивидуального стиля писателя. В качестве объекта исследования был выбран поэтический синтаксис, которому обычно уделяется меньше внимания при анализе идиостиля того или иного автора в сравнении с лексическим уровнем языка.

В работе дается подробный учет синтаксического строения поэтической речи П. А. Вяземского, наглядно развернутый в подробных, тонко разработанных 13 синтаксических таблицах, и предлагается всесторонний анализ идиостильных характеристик стихотворных произведений одного из интереснейших поэтов XIX века.

В первой главе монографии объектом рассмотрения становится лингвостилистическая категория идиостиля. Автор ставит проблему неоднозначности определения и понимания термина «идиостиль», а также предлагает сопоставление со смежными понятиями идиолекта, языковой личности, речевой маски. Доказывается возможность исследования идиостиля автора на синтаксическом уровне, приводятся примеры подобного рода наблюдений в научной литературе.

Вторая глава монографии представляет собой последовательное рассмотрение разных видов синтаксических конструкций, представленных в лирическом творчестве П. А. Вяземского. Отдельные параграфы посвящены анализу таких категорий, как подлежащее и сказуемое,

однородные члены предложения, а также односоставные предикативные единицы и неполные структуры. Наиболее удачными видятся выводы, связанные с функционированием в лирике поэта односоставных предложений (в частности, выражающих пессимистичные настроения поздней лирики Вяземского, подчеркиваемые при помощи безличных предложений). Большой интерес представляет определение специфики сложных предложений, встречающихся в стихотворениях поэта. Автор монографии предлагает общий анализ встреченных в стихотворных текстах сложных предложений, а также отдельно рассматривает каждый из типов связей (сочинительную, подчинительную и бессоюзную), делая выводы о специфике ее использования в тех или иных случаях. Анализ сопровождается толкованием наиболее интересных из стихотворных контекстов, заслуживающих пристального внимания с точки зрения рассмотрения категории идиостиля. Завершается вторая глава разделом, посвященным интонационному и ритмическому своеобразие стихотворных текстов П. А. Вяземского. Автор монографии отмечает в творчестве поэта наличие трех основных типов интонации стиха, предлагает интонационную классификацию предложений с опорой на поэтические контексты, анализирует строфическое деление текстов, примеры переносов – несовпадения стиховой и синтаксической их организации – и делает выводы о влиянии ритма и синтаксиса на восприятие мысли в интеллектуальном творчестве П. А. Вяземского.

Монография позволяет читателю познакомиться с категорией идиостиля, узнать больше о личности Петра Андреевича Вяземского, а также получить представление о специфике синтаксиса одного из виднейших поэтов XIX века. Книга будет полезна специалистам, исследующим стилистику художественной речи и синтаксис русского языка, преподавателям, аспирантам, студентам, а также всем тем, кому интересен язык русской поэзии.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг. в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вяземский П. А. Сочинения в двух томах. Т. II. Литературно-критические статьи. М.: Худ. лит., 1982. С. 278–279.
2. Τεγόπουλος-Φυτράκης. Ελληνικό λεξικό. Ορθογραφικό, Ερμηνευτικό, Ετυμολογικό, Συνωνύμων, Αντιθέτων, Αρκτικόλεξων, Κυρίων ονομάτων. Δωδέκατη έκδοση, Αθήνα, 1998. 2064 σ.

Поступила в редакцию 22.12.2014

АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ СОКОЛОВ

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и социальной работы Института истории, социальных и политических наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
assokolov@list.ru

Рец. на кн.: Страницы истории германской социал-демократии : учебное пособие в 3 ч. / [авт.-сост. Ю. В. Суворов]. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013.

В нынешнем году мировое социал-демократическое движение отмечает памятную дату – образование на объединительном съезде в Готе из двух соперничавших между собой групп немецкой социал-демократии («эйзенахцев» и «лассальянцев») новой «Социалистической (с 1890 года – «Социал-демократической») Рабочей Партии Германии». В этой связи отрандно констатировать, что именно издательством Петрозаводского государственного университета в 2013 году было выпущено в свет первое и до сих пор, очевидно, единственное в Российской Федерации учебное пособие «Страницы истории германской социал-демократии» (в 3 ч.). Пособие это разработано и составлено доцентом Института истории, социальных и политических наук Ю. В. Суворовым по материалам курса, читаемого им для студентов-историков начиная с 1994 года.

В пособии дается общее представление об истории СДПГ как важной составной части международного социал-демократического движения. Знакома читателя с основными вехами истории одной из старейших и влиятельнейших политических партий Европы, автор рассказывает о сложном процессе зарождения и последующего организационного оформления социал-демократического движения в 60–70-е годы XIX века, об острейших теоретических дискуссиях между сторонниками лассальянского понимания целей и задач социал-демократии и политическими исповедниками марксизма, под идейным влиянием которого немецкой социал-демократии, как и международной в целом, предстояло находиться еще долго.

Далее Ю. В. Суворов объясняет причины постепенного оппортунистического перерождения германской социал-демократической партии. После того как О. фон Бисмарк в 1878 году добился введения «исключительного закона против социалистов», на долгие 12 лет партия уходит в подполье. В данное время единственным средством политической борьбы становится парламентская деятельность депутатов-социалистов. Именно в эти годы в партии постепенно крепнет убежденность в том, что только мирными и сугубо легальными средствами можно добиться как улучшения положения трудящихся, так и расширения собственной электоральной базы. Когда же в начале XX века СДПГ становится

самой многочисленной и мощной политической партией в стране, такая стратегия позволяет ей из классово-политической окончательно превратиться в народную, стать важной частью официальной общественно-государственной системы Германии. Именно эта стратегия политической деятельности и привела, как хорошо показано в пособии, к тому, что не радикальное, революционно-марксистское, а ревизионистское, право-оппортунистическое, направление возобладаало и в руководстве СДПГ, да и в партийных «низах». Социал-демократы, и прежде всего «правые», в самом конце XIX века поставили под сомнение марксистский идеал социализма, основанный на общенародной форме собственности и плановой, централизованно-директивной экономике. Первоначально они отодвинули возможность практического осуществления коммунистического идеала на неопределенно далекое будущее, а позже окончательно отказались от него, выдвинув концепцию «демократического социализма», которая впервые в общих чертах была сформулирована Э. Бернштейном. Задача социал-демократии должна сводиться к реформированию капитализма в рамках самого капитализма, без коренных преобразований в самом способе производства, а в качестве главных инструментов проведения такой политики должны использоваться институты буржуазной государственности. В результате в годы Первой мировой войны партийное правление, презрев прежние – интернационалистические – идеалы, поддержало свое правительство, считая войну справедливой для Германии, выступило с идеей «гражданского мира», социальной «ответственности» и «солидарности». Начавшееся на рубеже веков теоретическое размежевание среди социал-демократов после Ноябрьской революции 1918 года в Германии привело к окончательному идеологическому и организационному расколу на коммунистическое и реформистское социалистическое течения, утрате политического влияния, дискредитации социал-демократических идеалов и, в конце концов, к нацистской катастрофе Германии и чудовищным уже для всего человечества бедствиям Второй мировой войны.

Ю. В. Суворов не обошел стороной также и то огромное влияние, которое оказала Германская социал-демократия на развитие европей-

ского рабочего и социалистического движения. Автор подчеркнул, что партия всегда действовала мирными, законными средствами, стремясь привлечь на свою сторону и приобщить к своим идеалам широкие слои общества, постепенно превращаясь в народную партию. В пособии отмечается также и то, что СДПГ внесла значительный вклад в процесс становления гражданского общества в Германии, повышения образовательного уровня населения и политического просвещения немецкого народа посредством организации политической печати, учреждения образовательных союзов, воскресных и вечерних школ и т. п. Особый акцент автором был поставлен на то, что СДПГ всегда боролась против авторитаризма и диктатуры во всех ее проявлениях как в XIX веке, в период канцлерства О. фон Бисмарка, так и в годы нацистской диктатуры. Именно демократичность, открытость для дискуссий, обмена мнениями и явились, настаивает Ю. В. Суворов, причиной ее политического долголетия.

В качестве итога авторских размышлений в пособии делается вывод о том, что немецкие социал-демократы, даже совершая временами крупные политические ошибки, тем не менее никогда не предавали интересов рабочего класса, напротив, они многое сделали для улучшения социальных условий жизни трудящихся в рамках выбранной ими стратегии реформ. Своей долгой историей германская социал-демократия как крупное общественное движение не раз доказывала, что она способна к извлечению уроков из прошлого опыта и возрождению, заключает автор.

Составленное Ю. В. Суворовым пособие написано с хорошим знанием материала, опорой на научную литературу и первоисточники. Обширный библиографический список, заключающий пособие, весьма информативен даже сам по себе, и уж тем более он будет крайне полезен для читателя, который пожелал бы еще более детально и основательно далее разбираться с содержанием поднятых в курсе вопросов. Единственное замечание, уместное в этой связи: несмотря на обширность данного списка, в нем оказались далеко не все работы, на которые содержатся ссылки в тексте самого пособия. Да и на источники справочно-цифровой информации, нередко и всегда уместно приводимой Ю. В. Суворовым, на наш взгляд, целесообразно было бы делать сноску. Впрочем, выбор способа оформления справочно-библиографического аппарата – это уже дело авторского вкуса.

Несомненным же достоинством пособия является также и высокий уровень проработки теоретического материала. Ю. В. Суворов погружает читателя в атмосферу не только жарких политических баталий, но и непримиримых идейных схваток. Пожалуй, наиболее удачно

в пособии воспроизведены теоретические дискуссии, развернувшиеся в кругах немецкой и мировой социал-демократии по вопросу об идейной состоятельности и политической непреложности марксистского наследия, а в этой связи очень колоритно, во всей их масштабной полноте и противоречивости, показаны и сами фигуры таких крупнейших теоретиков СДПГ, как Э. Бернштейн и К. Каутский. Автору удалось не только обнажить проблемный «нерв» всех разбираемых идейных споров, но и последовательно, глубоко и ясно проанализировать аргументацию спорящих сторон, причем – не в ущерб лапидарности изложения материала. Спокойная и взвешенная, сугубо аналитическая манера авторских рассуждений, без эмоциональной экзальтации и навязываемых читателю собственных субъективно-личностных оценок, также является несомненным достоинством составленного Ю. В. Суворовым пособия; достоинством, особенно важным с учетом особенностей студенческой аудитории, которой данное пособие в первую очередь и предназначено. И хотя ограниченный по листажу его объем неизбежно должен был придать тексту пособия композиционно фрагментарный, очерковый, характер; хотя для большей панорамности исторической картины было бы полезно более широко отразить в ней связи СДПГ с другими ветвями мирового социал-демократического движения (например, с родственной австрийской (Р. Гильфердинг) ветвью или с руководством II Интернационала), тем не менее концепция пособия оказалась на редкость целостной, логически стройной и последовательной, а богатство идейно-теоретического содержания рецензируемого текста, без всякого сомнения, способно пробудить у читателя и интерес к обсуждаемой в нем теме, и желание в дальнейшем более глубоко и уже самостоятельно разбираться с различными, до наших дней сохраняющими свою актуальность проблемами, поднятыми в пособии (и соответственно в учебном курсе).

Заключая, мы вправе поздравить Ю. В. Суворова с очевидной творческой удачей и, пожелав ему дальнейших научных успехов, высказать надежду на появление новых научно-исследовательских и учебно-методических его работ по той же или смежной теме. Что же касается рецензируемого пособия, то, будучи достойным внимания не только студенческой аудитории, но и профессиональных специалистов-исследователей, да и просто любого читателя, интересующегося исторической и общественно-политической проблематикой, оно вполне заслуживает со временем переиздания, причем лучше, если под *единою обложкой*. Так, наверное, оно смотрелось бы еще выигрышнее!

Поступила в редакцию 04.02.2015

ХРОНИКА

■ В 2018 году исполнится 200 лет со дня рождения И. С. Тургенева [28.10(09.11).1818, Орёл – 22.08(03.09).1883, Буживаль, Париж]. В преддверии этой знаменательной даты в истории русской и мировой культуры в 2014 году в городах Баден-Баден (Германия) и Москва (Россия) состоялись две Международные научные тургеневские конференции.

На итоговом заседании Первой Международной конференции Тургеневского сообщества, посвященной 195-летию со дня рождения И. С. Тургенева (16–18 августа 2013 года в г. Баден-Баден), Ренате Эфферн (создатель, организатор и бессменный руководитель в течение двух десятилетий Тургеневского общества в г. Баден-Баден, автор книг по историко-культурным связям России и Германии, главный организатор научных конференций, в 2006 году она была награждена медалью А. С. Пушкина) подчеркнула, что «основание Международного Тургеневского общества – одна из важнейших целей этой встречи. Баден-Баден – уникальный город, хотя в нем нет университета, равно как и литературных музеев, но кроме И. С. Тургенева здесь были многие русские писатели, выдающиеся общественные деятели. Все это дает надежду и право утвердить Баден-Баден не только городом преуспевающих русских, но и Международным центром русской культуры». Так родилась тема Второй Международной научной конференции «Тургенев и его русские коллеги в Баден-Бадене», которая состоялась в 21–24 августа 2014 года.

Конференция проходила в Кассиан-Зале Лихтенбургского монастыря, ее участников приветствовала настоятельница Аббатиса Бернадетта Хайт. В конференции приняли участие известные и молодые литературоведы Германии, России, Бельгии, Франции, Канады, Украины, Белоруссии, директора литературных музеев России и Франции, читатели русской литературы; гостями конференции были Генеральный консул РФ во Франкфурте-на-Майне Р. К. Карсанов, московская писательница Е. Ронина, Генеральный директор по переводу Европейского Союза К. Фурманн и др.

Основная цель встречи – установление более тесных контактов между представителями разных стран, занимающимися вопросами тургеневского наследия, объединение усилий по органи-

зации празднования 200-летия со дня рождения писателя.

Открыл конференцию Герик Хорст-Юрген, профессор университета Хайдельберг (Гейдельберг) докладом «Тургенев глазами его коллег: критический взгляд» (доклад на немецком языке). Сообщение «И. С. Тургенев и Армения» М. Д. Амирханяна из Еревана (профессор, д. филол. н., председатель общества дружбы «Армения – Россия») вызвало неподдельный интерес к истории тургеневедения в Армении. В ракурсе заданной темы прочитаны доклады, в которых через призму поэтики прежде всего эпических произведений писателя были обозначены новые подходы к проблеме традиции и новаторства. В их числе доклад «"Дым" Тургенева как разновидность романа на "водах"» проф. В. А. Доманского (Санкт-Петербург); доклад «Баденская повесть И. С. Тургенева "Несчастливая": вопрос литературной традиции» проф. Н. И. Николаева и доцента Т. В. Швецовой (Северодвинск); «Стиль Тургенева как русский классический: мнения и оценки» доцента М. Б. Лоскутниковой (Москва). Безусловно, участники конференции в своих исследованиях не могли обойти вниманием встречи и пересечения И. С. Тургенева с русскими писателями в Баден-Бадене: преподаватель немецкого языка, член Тургеневского общества города Орла Е. И. Клочкова прочла доклад «И. С. Тургенев и А. М. Жемчужников в Баден-Бадене»; она же автор книги «И. С. Тургенев в Германии. Хроника путешествий» (Орёл, 2013). Сложный жизненный и творческий путь И. С. Тургенева в докладе «От "Дворянского гнезда" к "гнезду" баденскому – путь примирения» охарактеризовала доцент Т. П. Ковина (Москва). В поле зрения исследователей оказались личности и творчество трех крупнейших писателей-современников И. С. Тургенева – Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова. Так, Е. Д. Гальцова (проф. РГГУ, Москва) обратилась к известной истории дружбы-враж-

ды Тургенева – Достоевского через творчество Флобера: «Заметки на полях “истории одной вражды”: роль баденской встречи с Тургеневым летом 1867 в открытии Достоевским творчества Флобера»; о Тургеневе и Толстом шла речь в докладах проф. Н. И. Бурнашёвой (Москва) «И. С. Тургенев в семейной переписке Толстых» и А. Н. Полосиной (старший научный сотрудник, Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», Тула) «И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой о Ж.-Ж. Руссо и Вольтере». По-новому прозвучала тема любви и предательства в докладе «Чехов и Тургенев: русский человек на rendez-vous» проф. М. М. Одесской (Москва). Попытки создания параллелей между Тургеневым и образами его героев в докладе «Чехов и Тургенев: эстетическая традиция и полемика» проф. Г. М. Ребель (Пермь) были восприняты как приглашение к размышлению о том неразгаданном и сегодня, что являет нам мир писателя и его героев. Острую полемику вызвали отдельные суждения Г. С. Рыльковой (доцент русского языка, литературы и культуры Университета Флорида, США) в докладе «“Вагон для устриц”: Чехов, Тургенев и русская эмиграция». Наблюдения Т. В. Ивановой (доцент, Петрозаводск) в докладе «И. С. Тургенев и его современники в письмах писателя 1862–1871 гг.» подтверждают жизненной и художественной практикой высказанные писателем в письмах личные характеристики, идеи, оценки; анализ их художественного воплощения в творчестве И. Тургенева и Л. Толстого выявляет типологическую общность в характерологии и поведении героев. Обстоятельный доклад «Влияние тургеневской трактовки образа Дон Кихота на европейскую критику» проф. А. А. Смирнова (МГУ, Москва) убедительно расширил границы влияния созданных Тургеневым образов, их восприятие в западноевропейской литературе. Директор Европейского музея И. С. Тургенева в Буживале (Париж) А. Я. Звигильский в докладе «Эпистолярное наследие И. С. Тургенева (к неизданному письму баденского товарища П. В. Анненкова)» поделился открытием неопубликованного письма П. В. Анненкова. С практическими результатами многолетней работы учащихся по теме «И. С. Тургенев сегодня» и первой Тургеневской олимпиаде школьников выступила зам. директора по научной работе школы № 29 С. П. Минина (Пятигорск).

В рамках подготовки к празднованию 200-летия со дня рождения И. С. Тургенева Библиотека-читальня им. И. С. Тургенева совместно с Государственным музеем им. А. С. Пушкина (Музей И. С. Тургенева), Государственным литературным музеем и Институтом мировой литературы им. М. Горького 24–27 ноября провела Международную научную конференцию «И. С. Тургенев в современном мире: Турге-

невские мифологемы и коды». Ее организаторы предложили обсудить следующий круг вопросов: мифологемы и литературные коды – общетеоретические подходы; использование мифологем и кодов в классической и современной литературе; тургеневские мифологемы и коды: Муму, тургеневская девушка, отцы и дети, первая любовь, дворянское гнездо, дым, нигилист, лишний человек и др.; Тургенев в восприятии наших современников.

Правомерной и целесообразной оказалась структура конференции: организаторы поставили задачу внести определенные коррективы, разъяснения и обозначить точки соприкосновения в таких теоретических понятиях: код, концепт, мифологема, которые особенно активно вошли в научный оборот на рубеже XX–XXI веков, чему был посвящен открывший конференцию круглый стол на тему «Мифологемы, коды, концепты...» (ведущие проф. И. А. Беляева (МГПУ, Москва) и проф. Л. В. Чернец (МГУ, Москва)). В теоретико-философском ключе прозвучали доклады «Мифологемы и литературные коды в романе И. С. Тургенева “Дым”» проф. В. А. Доманского (Санкт-Петербург), «Мифологема западничества и русские западники» В. М. Гуминского (завсектором литератур Европы и Америки новейшего времени, ИМЛИ им. А. М. Горького РАН), «Концепты любовь, природа и мироздание в художественном мире И. С. Тургенева» проф. В. А. Недзвецкого (МГУ, Москва). Открытием неизвестного в известном стал доклад А. Ф. Кофмана (ИМЛИ им. А. М. Горького РАН) «“Отцы и дети” как философский роман»; этому роману посвятили свои доклады И. А. Беляева (проф. МГПУ, Москва) «Отцы и дети» И. С. Тургенева: “соединяющее слово” любви»; И. А. Семухина (Уральский ГУ) «Призма лермонтовского романа в осмыслении тургеневского “отставного денди”» («Отцы и дети»); Е. Д. Гальцова (ИМЛИ им. А. М. Горького) «Тургеневская мифологема нигилиста в творчестве О. Уайльда». Неподдельный интерес вызвал доклад Е. С. Григоренко (доцент, Одесса) «Новаторские тенденции характерологии романа И. С. Тургенева “Новь” (динамика кода “тургеневская девушка”». Выявлению и дешифровке кода «родная земля» на материале произведений писателя-классика и нашего современника посвящен доклад «Код “родная земля” в рассказах И. С. Тургенева и Д. Г. Новикова» доцента Т. В. Ивановой (Петрозаводск). Теоретические понятия «мифологема», «концепт», «оппозиция» определили характер докладов Е. Г. Петраш (проф., Москва) «Любовь как мифологема в повести И. С. Тургенева “Первая любовь”»; «Мифологема птицы в “таинственных повестях” и “Стихотворениях в прозе” И. С. Тургенева» Т. Г. Дубининой (МГПУ, Москва); «Оппозиция: старый/молодой, учитель/ученик в отношениях Тургенева и Марко Вовчок на материале их переписки»

И. И. Чайковской (США); «Лишний Гамлет Чернского уезда. Возможные реальные источники концепта “лишний человек” Е. М. Грибковой (Музей И. С. Тургенева). К сожалению, только один доклад «Роль средств предикации в создании образа Лемма (по роману И. С. Тургенева “Дворянское гнездо”)» Т. П. Ковиной (Москва) был посвящен тургеневской стилистике. В заключительный день работы прозвучали доклады, подчеркивавшие вклад Тургенева в мировую литературу: «Болгарский код Тургенева» (на материале переводов произведений И. С. Тургенева на болгарский язык» (С. Д. Симеонова, Музей И. С. Тургенева в Орле); «Щедрость как литературный код: восприятие И. С. Тургенева в творчестве Г. Джеймса» (А. П. Уракова, ИМЛИ им. А. М. Горького РАН); «Неопубликованный биографический очерк В. И. Дмитриевой о Тургеневе (1909, собрание ГЛМ) в контексте формирования и утверждения тургеневских кодов» (Г. Л. Медынцева, Государственный литературный музей; Т. В. Соколова, НИУ «Высшая школа экономики»).

Во время конференции проходили запланированные и стихийные дискуссии, организаторы устраивали просмотры фильмов, был показан фильм, смонтированный из фотографий, снятых в наши дни на Бежином лугу. Состоялась презентация сборника научных трудов «Тургеневские чтения» (Вып. 6 / Сост. и науч. ред. Е. Г. Петраш. М., 2014. 370 с.). Сборник состоит из материалов Международной конферен-

ции «Россия и Германия: литературные и культурные связи в XVIII–XXI веках», проходившей в рамках «перекрестного» Года России в Германии и Федеративной Республике Германия в России (2012 год).

Своеобразие Тургеневской конференции в Москве заключалось в том, что все культурные мероприятия, продуманные и подготовленные организаторами, были неотъемлемо связаны с именем и творчеством писателя: «антиюбилей» режиссера Б. Н. Голубицкого, более четверти века отдавшего Орловскому государственному драматическому театру им. И. С. Тургенева; круглый стол «Навстречу 200-летию И. С. Тургенева» с участием писателя В. В. Ерофеева, автора саркастической заметки «Несвоевременный Тургенев» и, как оказалось, тонкого и глубокого толкователя творчества писателя; специальный показ фильма «Две женщины» по пьесе И. С. Тургенева «Месяц в деревне».

В 2014 году в двух городах Европы состоялся профессиональный разговор о литературном наследии русского писателя И. С. Тургенева, что свидетельствует о значимости личности и творчества писателя в реалиях бурного технического и виртуального XXI столетия. Современное тургеневедение не пребывает в застое, писатель-классик особенно необходим, так как помогает человеку ответить на современные вопросы бытия, вот почему возникает настоятельная необходимость в создании Международного Тургеневского сообщества.

Т. В. Иванова
кандидат филологических наук, доцент
vantamara@sampo.ru

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Серия «Общественные и гуманитарные науки» включает в себя следующие рубрики, соответствующие трем отраслям наук: «Исторические науки и археология» (07.00.00), «Филологические науки» (10.00.00), «Экономические науки» (08.00.00); двум группам специальностей из отрасли «Педагогические науки»: «Общая педагогика. История педагогики и образование» (13.00.01) и «Теория и методика профессионального образования» (13.00.08); двум группам специальностей из отрасли «Юридические науки»: «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право» (12.00.02) и «Административное право; административный процесс» (12.00.14).

Представляемые в журнал рукописи должны соответствовать тематике журнала и содержать материалы, не опубликованные ранее в других изданиях. Статья предоставляется в распечатанном виде на бумаге формата А4 (в двух экземплярах) и в электронном виде. Печатная версия статьи подписывается всеми авторами. Статья должна состоять из следующих элементов на русском и английском языках: УДК в левом верхнем углу. Сведения об авторе (имя, отчество, фамилия автора (-ов) полностью; ученая степень и звание; место работы: вуз, факультет, кафедра; должность; электронный и почтовый адреса, контактные телефоны). Название статьи жирным шрифтом заглавными буквами.

Аннотация (объем от 120 до 250 слов) является кратким резюме большей по объему работы. Аннотация может публиковаться самостоятельно и, следовательно, должна быть понятной без обращения к самой публикации. Она является основным источником информации в отечественных и зарубежных информационных системах и базах данных, индексирующих журнал. Структура аннотации должна повторять структуру статьи и включать введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение (выводы). Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций. Ключевые слова – от 3 до 8 слов (или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку).

Список литературы должен быть представлен на отдельных листах в 2 вариантах:

1) на русском языке в соответствии с ГОСТ 7.1-84 «Библиографическое описание документа. Общие требования и правила составления». Цитируемая в статье литература (автор, название, место, издательство, год издания и страницы (от и до или общее количество) приводится в алфавитном порядке, сначала отечественные, затем зарубежные авторы;

2) список литературы должен быть записан на языке оригинала латинскими буквами (References). Если русскоязычная статья была переведена на английский язык и опубликована в английской версии, то необходимо указывать ссылку из переводного источника. Как правило, библиографические описания российских публикаций составляются в следующей последовательности: авторы (транслитерация), перевод названия статьи на английский язык, название статьи в транслитерированном варианте в квадратных скобках, название источника (транслитерация, курсив), выходные данные с обозначениями на английском языке.

В тексте статьи ссылка дается в квадратных скобках, через точку с запятой – цитируемая страница, если это необходимо.

Законодательные акты, постановления, архивные и исторические источники оформляются в виде Примечаний.

Статьи, поступившие в редакцию, подлежат обязательному рецензированию.

Редакция оставляет за собой право внесения в текст редакторских изменений, не искажающих смысла статьи.

Более подробная информация для авторов дана на сайте журнала: uchzap.petrso.ru.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, редакция не рассматривает. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала.

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

- Nikonov S. A.*
COMMERCIAL OWNERSHIP OF TRINITY PE-
CHENGSK MONASTERY LOCATED ON MUR-
MANSK SHORE IN SECOND HALF OF XVI –
MIDDLE OF XVII CENTURY 7
- Nedomolkina N. G., Ivanishcheva M. V.*
SUKHONA TERRITORY DURING DEVELOPED
NEOLITHIC ERA 12
- Suvorov Yu. V.*
FERDINAND LASSALLE AND LASSALLEAN-
ISM IN GERMAN HISTORIOGRAPHY OF XIX
AND XX CENTURIES 19
- Feklova T. Yu.*
INVITATION OF RUSSIAN SCIENTISTS TO
PARTICIPATE IN FRENCH EXPEDITION TO
SPITSBERGEN AND RUSSIAN LAPLAND IN 1840 . 25
- Dzhaparidze A. V.*
HISTORY OF SPORT AND MILITARY COMPE-
TION “SKI-TRACK OF ANTIKAYNEN”: 1968–1972 .. 30
- Repukhova O. Yu.*
MOBILIZATION PREPARATION IN KARELIA
DURING PRE-WAR DECADE 34

PEDAGOGICAL SCIENCES

- Gur'yanova M. P.*
ADVANCEMENT OF EDUCATION IN RURAL
SOCIETY: REGIONAL VILLAGES' CHOICE OF
FUTURE. 40
- Elakhovskiy D. V., Nazarov A. I.*
METHODOLOGICAL APPROACHES TO
TEACHING PHYSICS TO BACCALAUREATE
STUDENTS AT CIVIL ENGINEERING FACULTY ... 45
- Yakushev M. V.*
PROSPECTS OF FOREIGN LANGUAGE TEXT-
BOOK THEORY DEVELOPMENT 50

PHILOLOGICAL SCIENCES

- Malyshev A. A.*
LEXICO-STYLISTIC FEATURES OF FIRST
RUSSIAN POPULAR SCIENTIFIC ARTICLE ON
OPERA (1738) 55
- Pervukhina S. V.*
SIMPLIFIED TEXT: TERM DEVELOPMENT 59
- Kolesnikova E. I., Ul'yanov D. A.*
INFLUENCING FUNCTIONS OF ARTISTIC
TOUCHES IN SOVIET MEDIATEX (ON MA-
TERIALS OF NEWSPAPER “THE LENINGRAD
TRUTH” /“LENINGRADSKAYA PRAVDA” OF
THE 1930S) 64

- Litinskaya E. P.*
PORTRAIT DESCRIPTION IN NOVEL “CRIME
AND PUNISHMENT” BY F. DOSTOEVSKY (ON
MATERIALS OF S. PATADZIS' S TRANSLATION) .. 69
- Pashkova T. V.*
ON PAGAN-CHRISTIAN SYNCRETISM IS-
SUE IN KARELIAN FOLK MEDICINE (CASE
STUDY OF JUMALANVIGA DISEASE “GOD'S
SENT AFFLICTION” 75
- Krasnikova L. V.*
ON INVARIANT AND VARIABLE NARRATIVE
CHARACTERISTICS OF LITERARY TEXTS:
LINGUOPOETIC ANALYSIS OF SOME POEMS
FROM “THE IRISH MELODIES” BY THOMAS
MOORE 78

ECONOMIC SCIENCES

- Vasilenko A. A.*
ELEMENTS OF FINANCIAL STATEMENTS AS
SUBJECT AREA OF AUDIT. 83
- Mikhel' E. A.*
TRANSFORMATION OF ECONOMIC ACTIVI-
TY TIMING FOR POPULATION OF NORTHERN
BORDER REGIONS OF KARELIAN REPUBLIC 90
- Prokhorova O. N., Pchelin V. Yu.*
SOME ASPECTS OF GAME THEORY APPLICA-
TION IN INSTITUTIONAL ECONOMICS 95

LEGAL SCIENCES

- Dusaeva M. R., Dusaev R. N.*
STRUCTURAL AND FUNCTIONAL CHANGES
IN ECONOMIC DEPARTMENT OF FINNISH
SENATE IN 1888. 102
- Batalin A. V.*
PROBLEMS OF MUNICIPAL REGULATIONS'
ENFORCEMENT IN SUBJECTS OF RUSSIAN
FEDERATION 108
- Sofronova A. A.*
LEGAL RESPONSIBILITY OF FINNISH AUTHO-
RITIES FOR ENVIRONMENTAL OFFENCE. 112

Reviews

- Malchukova T. G.*
The book review: Lebedev A. A. Idiostyle of
P. A. Vyazemsky: syntactic aspect 116
- Sokolov A. S.*
The book review: Pages of the history of German
social democracy: in 3 parts 118
- Scientific information** 120
- INFO FOR THE AUTHORS** 123